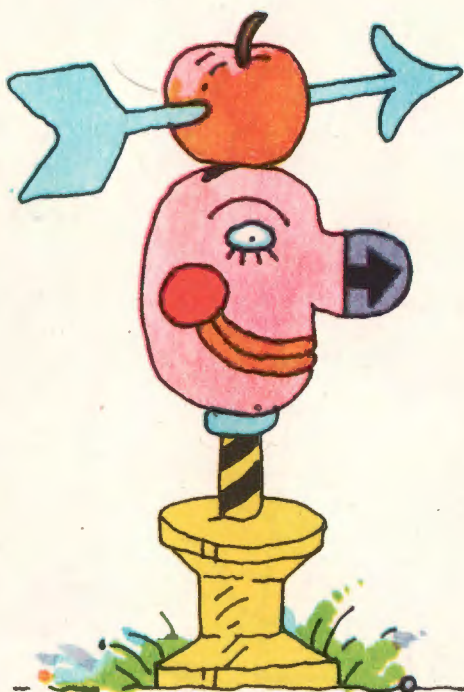

84(3)
с Р60

Петрозаводск
«Карелия»
1991

Перевели с итальянского
Ирина Константинова (прозу)
и Лев Тарасов (стихи)

Р 4804010500—072 60—91
М127(03)—91

ISBN 5-7545-0271-0

© И. Г. Константинова, состав,
перевод, 1991
© Л. М. Тарасов, перевод, 1991
© В. А. Дмитриук, оформление,
иллюстрации, 1991

1.
Волшебные
сказки

Терезина которая не растёт

Тереза была такой тоненькой и грациозной девочкой, что казалась игрушечной, и все ласково звали ее Терезина, что значит маленькая Тереза. Жила Терезина с отцом, матерью и бабушкой в одном горном селении. И была своей жизнью вполне довольна. Ходила пританцовывая, а говорила напевая.

— Хорошо тебе живется, Терезина?

Конечно же, ей очень хорошо жилось в этом мире!

Со временем появился у нее братик, которого называли Ансельмо, и девочка с удовольствием носила его на руках в поле — полюбоваться цветами, на луг — показать корову, она хоть и большая, но никому не делает зла, а то в курятник — посмотреть, нет ли там свежего яйца.

Но вот началась война, и отцу Терезины пришлось пойти в солдаты. Ушел он да так и не вернулся больше. Узнав о его гибели, мама и бабушка обнялись и горько заплакали, а Терезина спросила:

— Отчего вы плачете?

— Бедная Терезина, — вздохнула бабушка, — бедный Ансельмуччо! Ваш отец никогда больше не вернется домой!

— Почему? — удивилась Терезина. — Папа такой добрый, и я так люблю его. Я напишу королю, чтобы он отпустил его. Я хочу, чтобы папа всегда был с нами!

— Король уже ничего не может сделать для твоего папы, — объяснила бабушка. — Король послал его на войну, война кончилась, король победил. Только для нас это никакая не радость, потому что твой папа погиб.

— Но это же несправедливо! — возмутилась Терезина, покраснев от негодования. — А раз так, я не хочу больше жить в этом ужасном мире.

— Девочка моя, — сказала мама, — вырастешь, многое поймешь.

— Не хочу понимать, не хочу ничего знать! — вскричала Терезина, заливаясь слезами. — Даже расти не хо-

чу больше! Вот возьму и навсегда останусь маленькой!

И действительно, с того дня она перестала расти. Так и оставалась маленькой девочкой, какой была вначале,— грациозной, но теперь уже не веселой, а печальной. Ансельмо вскоре подрос, дотянулся ей до пояса, потом — до плеча. Он уже бегать научился и с каждым днем продолжал потихонечку расти. А Терезина так и не росла больше.

— Мир, где столько несправедливости,— не для меня! — повторила она.

Понятно, что люди прозвали ее Терезина-которая-не-растет. Все ее ровесницы выросли, превратились в красивых, стройных девушек и стали готовить себе приданое.

— Терезина,— говорили они,— останешься маленькой, замуж не выйдешь!

— Я не хочу замуж.

— Останешься маленькой, парни не захотят петь тебе серенады!

— Мне не нужны серенады.

— Ты даже не сможешь носить туфли на высоких каблуках!

— Мне не нужны высокие каблуки, мне нравятся мои деревянные башмаки.

Девушки смеялись, а Терезина убегала от них и пряталась на сеновале. Она проводила там целые дни, все размышляя, как жить дальше, столько думала, что даже голова начинала болеть, а она все не могла придумать, ради чего ей стоило бы взрослеть.

Между тем мама от огорчения да и от тяжелых трудов заболела, и ее отправили в больницу.

Всю домашнюю работу пришлось делать бабушке, а она была уже очень старенькая. У Терезины сжималось сердце, когда она видела, как трудно старушке нести вязанку дров для очага.

— Несчастная я,— вздыхала бабушка, возвращаясь с водой от фонтана,— не по силам мне теперь эти ведра. А будь ты, Терезина, немного побольше, помогла бы мне, наверное.

Терезина попробовала поднять ведро с водой, но не смогла. Попробовала взвалить на плечи вязанку дров, но упала и ободрала коленку.

— Ладно,— решила она,— видимо, придется подрасти немножко. Но совсем немножко, ровно настолько,

чтобы помогать бабушке. И ни на один сантиметр больше! А потом я опять перестану расти.

Так и сделала. Выросла немножко, взяла ведра и пошла к фонтану. Бабушка, когда увидела, что девочка легко, словно пустые, несет полные ведра воды, расцеловала ее.

— Спасибо, Терезина, ты прямо молодец! Послушай, а не можешь ли ты задать сена корове? У меня сегодня так болят руки, а вилы такие тяжелые...

Терезина вошла в хлев, как раз под сеновалом, и взялась за вилы, но они и впрямь были очень тяжелые, словно гири, и Терезина не смогла поднять их, чтобы подцепить сено.

— Ладно,— решила она,— вырасту еще немного, ровно настолько, чтобы управляться в хлеву вместо бабушки. Но потом перестану расти, ни на один сантиметр больше не вырасту!

Так и сделала. Теперь она была почти такого же роста, как ее подруги, но все по привычке продолжали звать ее Терезиной-которая-не-растет. Однажды придумав прозвище, люди неохотно отказываются от него.

Впрочем, на этот раз они были правы — Терезина подросла немного и опять перестала расти, так что прозвище все равно очень подходило ей.

Мама все еще была в больнице, когда умерла бабушка. Терезина осталась одна с Ансельмо, который теперь уже ходил в школу. Девочке нужно было разбудить его утром, проследить, чтобы он вымыл уши, приготовить завтрак, собрать ему портфель, проводить в школу, купить продукты, приготовить обед, убрать постель, навести порядок в доме, задать корм корове и курам, прополоть грядки... Слишком много было работы, не по силам ей. И полдня не проходило, как она вконец уставала, а работы еще на несколько часов оставалось.

Вечером у нее слипались глаза, так хотелось спать, а нужно было еще вымыть посуду, выгладить школьный фартучек для Ансельмо, заштопать ему носки.

— Видно, опять придется изменить свое решение,— подумала Терезина,— вырасту еще немного, ровно настолько, чтобы помогать Ансельмо, пока мама не вернется из больницы. Кто же еще позаботится о нем, если не я. Он слишком мал, чтобы самому управляться со всем.

Так и сделала. Выросла еще немного, и домашние работы сразу же показались ей более легкими. Иногда, взглянув на себя в зеркало в дверце шкафа, она замечала,

что сильно выросла, очень огорчалась этим и ворчала: «Твердый характер, как же! Решила оставаться маленькой, а теперь уже и в зеркале не умещаешься!»

Впрочем, она тут же отгоняла грустные мысли и принималась за работу, утешаясь: «Ничего, я выросла не для себя. Мне не в чем себя упрекнуть».

Мама вернулась из больницы совсем здоровая. В доме она нашла полный порядок, брюки у Ансельмо были залатаны, а Терезина выросла так, что и не узнать ее. Порадовавшись, мама принялась было за дело, но Терезина не позволила ей и пальцем шевельнуть.

— Сиди грейся на солнышке,— сказала она,— все, что нужно, сделаю я. Набирайся сил, а скучно станет, пойдешь погуляй по лесу.

Теперь их было трое, домашней работы прибавилось, и Терезина опять не справлялась с ней.

— Ладно,— решила она,— надо подрасти еще немного. Я ведь не для себя это делаю, а ради мамы, чтобы она снова не заболела.

Так и сделала — выросла. И стала такой же высокой, как ее подруги. Больше того, оказалось, что она самая красивая девушка в селе. А вырасти она еще хоть на сантиметр, люди сразу же придумали бы ей какое-нибудь новое прозвище, например, Жердь или Дылда.

Подружки шутили:

— О, Терезина-которая-не-растет, теперь тебе и в самом деле пора остановиться. Вырастешь еще, будешь выше парней, и никто тебя замуж не возьмет.

— Это пусть вас заботит! Я о парнях и не думаю.

Терезина не думала ни о парнях, ни о себе. Она думала, как всегда, только о том, чтобы помочь тем, кто нуждается в ее помощи. Она даже рада была, что выросла, потому что могла быть полезна многим. Когда мама снова взяла домашнее хозяйство в свои руки, Терезина стала намного свободнее и принялась помогать одинокой старушке соседке.

Постепенно все люди в селе, кому нужна была какая-нибудь помощь, стали обращаться к Терезине-которая-не-растет. Кто звал помочь в одном деле, кто в другом. Терезина всегда охотно откликалась и никому не отказывала.

Однажды прошел слух, будто в горах появился какой-то страшный разбойник. А вскоре он и сам дал знать о себе. Явился в село вооруженный до зубов, велел собрать

ему килограмм золота и уселся ждать на ступеньках церкви.

— А будет меньше хоть на один грамм,— угрожал он,— сожгу все ваши дома.

Никто не решился перечить ему. Женщины начали приносить кольца, серьги, цепочки, чтобы набрать нужный вес. Жена бакалейщика одолжила весы взвесить золото и всем объясняла, что, одолжив весы, она выполнила свой долг и может оставить при себе свои драгоценности.

А Терезина пошла по домам созывать мужчин.

— Ну, выходите все вместе! В единстве сила! Вас же много, а он один!

— Один, да с оружием,— в страхе отвечали мужчины.— Пусть лучше забирает все золото.

Терезина возмутилась:

— Да мужчины вы, наконец, или стадо овец?!

Никто не ответил ей. Один за другим мужчины отворачивались, чтобы не видно было, как они краснеют от стыда.

— Ладно,— сказала Терезина,— я сама возьмусь за дело.

Она вернулась домой и подошла к зеркалу.

«Хочу вырасти еще! — твердо сказала она, глядя на свое отражение.— Хочу стать великаншей!»

И сразу же начала расти. Росла, пока не уперлась головой в потолок. Но этого ей показалось мало. Она вышла во двор, чтобы ничто не мешало ей расти дальше. Доросла до крыши, но и этого было недостаточно.

— Надо дорасти до трубы,— решила она.

Так и сделала.

Теперь она была уверена в себе — уверена, что сможет сделать то, что задумала.

А задумано было все проще простого. Стоило ей показаться на площади и направиться к разбойнику, как тот, увидев великаншу, бросил ружье и пустился наутек. Но Терезина в четыре прыжка догнала его, схватила за шиворот, закинула на колокольню и приказала:

— Сиди там и не шевелись, пока не придут за тобой стражники!

Разбойник, боясь упасть, закрыл глаза и затаил дыхание.

Терезина оглянулась и, увидев, что навстречу ей с радостными криками бежит народ, повернулась и пошла

домой. «На этот раз я, пожалуй, стлупила,— подумала она,— помогая другим, удружила себе. Стала великаншей, чудовищем! Ну да ладно, кто-то ведь должен был это сделать».

И тут произошло нечто странное. С каждым шагом Терезина стала уменьшаться в росте. Шла и постепенно уменьшалась, пока снова не превратилась в такую же прекрасную Терезину, какой была раньше. И в свой дом она смогла войти, не опасаясь удариться о притолоку, и на стул села, не боясь, что раздавит его. Это была прежняя Терезина — одна из самых красивых и высоких девушек в селе. Люди сбегались к ней, чтобы поздравить, и не верили своим глазам.

— Как это тебе удалось, Терезина-которая-не-растет?

Терезина только улыбалась в ответ. Она была слишком простодушной девушкой, чтобы понять: даже обычный человек, который борется с несправедливостью, становится великаном. И все же она была счастлива, что нарушила свою детскую клятву.

Жарёная Кукруза

Жил-был один король. Звали его Аквальберто Двадцатый, но народ прозвал его Крохобор, потому что был он очень жадный — даже корону свою никогда не надевал, опасаясь, что она износится. Царствовал этот король в Мурландии, и было ему пятьдесят девять лет — на год меньше шестидесяти.

За несколько месяцев до того дня, когда ему должно было исполниться шестьдесят, позвал он своего первого министра графа Коварнини по прозвищу Хитроумный и сказал:

— Послушай-ка, граф, скоро будет большой праздник — день моего рождения, и народ, конечно, пожелает сделать мне подарок. Я не хочу знать, что он мне подарит, потому что тогда не будет сюрприза, а сюрприз — это

изюминка, без которой кулич, сам понимаешь, не кулич. Только смотри, я тебя заранее предупреждаю, — мне не нужен какой-нибудь глупый подарок, вроде тех, что вы делаете каждый раз.

— Ваше величество, неужели вам не понравилась драгоценная корона, которую мы подарили вам в прошлом году?

— Она ведь только позолоченная, а на самом деле из железа, я сразу догадался!

— А эти прекрасные белые кони, которых мы подарили вам в позапрошлом году?

— Это же были ослы, которыми вы подрезали уши, чтобы они походили на лошадей.

— А серебряная карета, которую подарили три года назад? Она была из настоящего серебра.

— Да, но слишком маленькая, словно игрушечная. Я так и не сел в нее ни разу. Ну ладно, оставим этот разговор. Скажи-ка лучше, что вы решили подарить мне на этот раз?

— Ваше величество, если я скажу, вы узнаете, а узнаете, не будет сюрприза, и кулич, сами понимаете, будет не кулич.

— А ты скажи так, чтобы я не узнал! Скажи только от и до и ни слова больше. В общем, придумай сам как.

Граф Коварнини давно уже придумал, какой сделать подарок королю, и теперь только притворился, будто крепко задумался.

— Ну так что же? — поторопил его король Аквальберто, теряя терпение.

— Знаете, ваше величество, народ думает, что ваше величество обрадуется, если он подарит вам памятник.

— Хорошая мысль, хорошая. Бронзовый?

— Э нет, вот этого не скажу. Я могу сказать только от и до и ни слова больше.

— Мраморный?

— Холодно, холодно...

— Неужели деревянный? Не хочу деревянный! Чего доброго, люди еще станут говорить, будто у меня не голова, а болванка.

— Ваше величество, не волнуйтесь, у вас будет самый прекрасный монумент, какой только может быть на свете.

— И все узнают меня?

— Непременно.

— Согласен. Иди и делай все как следует. И если памятник мне понравится, я подарю тебе...

— Что, ваше величество?

— Подарю...

— Что же, ваше величество!

— Я подарю тебе золотое кольцо!

— О, благодарю вас, ваше величество!

— Постой, я еще не закончил. Я подарю тебе дырку от кольца, а само кольцо оставляю себе, потому что это память о дедушке.

— Все равно благодарю, ваше величество.

Граф Коварнини низко поклонился и, пятясь, удалился из тронного зала в то время, как Аквальберто потирал от удовольствия руки.

А надобно вам сказать, что граф Коварнини за несколько дней до этого был на охоте и, когда ему захотелось есть, зашел в остерию «Черный дрозд», что неподалеку от леса. Зашел — да так и замер от изумления. За стойкой стоял... Нет, это просто невероятно...

— Кто ты такой? — воскликнул граф.

— Новый хозяин остерии, ваша светлость.

— А где прежний?

— Это был мой брат. Он умер и оставил мне остерию в наследство.

— Ну и дела... Выходит, теперь хозяин здесь ты? А известно ли тебе, что ты как две капли воды похож на его величество короля Аквальберто Двадцатого?

— Я?! Помилосердствуйте! Я похож на своего отца, а он был кузнецом в Венеции.

— Но кузнецу нечего делать в Венеции — там ведь не держат лошадей, там плавают на гондолах.

— Вот именно. Отец очень не любил работать, поэтому и выбрал город, где не держат лошадей, чтобы можно было целыми днями валяться на кровати.

— И он очень походил на тебя?

— Все, кто видел его, говорят, что походил. А я не знаю. Я никогда не видел его.

— А короля видел?

— Нет, тоже не видел.

— Ты похож на него, как на свое отражение в зеркале. Раз уж это я тебе говорю, можешь поверить, ведь я первый министр короля.

— Спасибо, ваша светлость. Хотите пообедать?

Сидя за столом, граф Коварнини все время посматри-

вал на хозяина остерии Анжелоне, по прозвищу Жареная Кукураза.

— Анжелоне, послушай, что я тебе скажу,— подозвал он его наконец.

— Что прикажете, ваша светлость?

— Сколько тебе приносит эта твоя остерия?

— Надо сосчитать. Шестью восемь — сорок восемь... Минус девять... Три золотые монетки в неделю, если не слишком часто идет дождь.

— А при чем тут дождь?

— При том, что тогда маловато бывает охотников, а все остальные простужены и лежат в постели.

— Если сделаешь, как я велю, будешь получать по двадцать золотых монеток в неделю.

— Двадцать?

— Точно. Девятнадцать плюс один. Согласен?

— Дайте сосчитать. Шестью восемь — сорок восемь... Минус девять... Согласен.

Граф Коварнини объяснил Анжелоне, что тот должен делать. Анжелоне записал все в записную книжку.

— Молодец,— похвалил его граф Коварнини.— А чтобы тебе легче было запомнить, держи вот эти десять золотых монеток.

— Десять раз спасибо, ваша светлость!

Наконец настал день рождения его величества короля Аквальберто Двадцатого. Великий день. Королевство пробудилось от колокольного звона и грома пушечной канонады — пушки палили в честь короля и его юбилея. Выстрелов было шестьдесят, и люди вздыхали, считая их.

— Выстрел — золотая монетка, два выстрела — две золотые монетки, сорок выстрелов — сорок монеток, шестьдесят выстрелов — шестьдесят монеток... И за все это мы должны платить из своего кармана налогами.

Аквальберто разбудила целая процессия министров, сановников, мэров и школьников, которые размахивали флажками и пели:

Поздравляем, поздравляем,
Наилучшего желаем...

— Хватит, хватит! — прикрикнул на них Аквальберто, который терпеть не мог эту глупую песенку.— Я проснулся, я готов. Где мой подарок?

— На площади, ваше величество,— ответил граф Коварнини.

Аквальберто подбежал к окну. Посреди площади стоял памятник, укрытый золотистым покрывалом.

— Это он?

— Он.

— Красивый?

— Прекрасный.

— Быстрее, давайте сюда быстрее мои туфли, панталоны, плащ. Я хочу скорее посмотреть на него!

— Сегодня вам надо надеть и корону, ваше величество!

— Но она испортится. А если пойдет дождь, намокнет!

— На небе ярко светит солнце.

— Тогда нагреется, расплавится!

— В день рождения, ваше величество, корона совершенно необходима.

— Ладно,— вздохнул король,— давайте сюда корону.

На площади между тем собрался народ Мурландии. Людям тоже хотелось посмотреть на памятник, который дарят за их счет королю.

— Хорошо, если он деревянный,— сказал один мурландец своему соседу,— все-таки подешевле.

— Ну не деревянный, так хоть бы каменный.

— Пусть уж даже мраморный.

— Не мраморный, так железный.

— Только б не золотой! — вздохнул какой-то старик.

— Только б не золотой! — эхом ответили мурландцы.

Король сам потянул за шнур, который стягивал покрывало, и не успело оно упасть, как изумленная толпа испустила бесконечное «О-о-о-о-о-о-х!»

— Ох! — слышалось со всех сторон.— Ох!

— Перестаньте вторить мне, словно эхо! — рассердился Аквальберто.— Это я первый сказал «ох!». Мону-мент и в самом деле хорош. Даже лучше, чем я представлял. Хитроумный, а ты молодец!

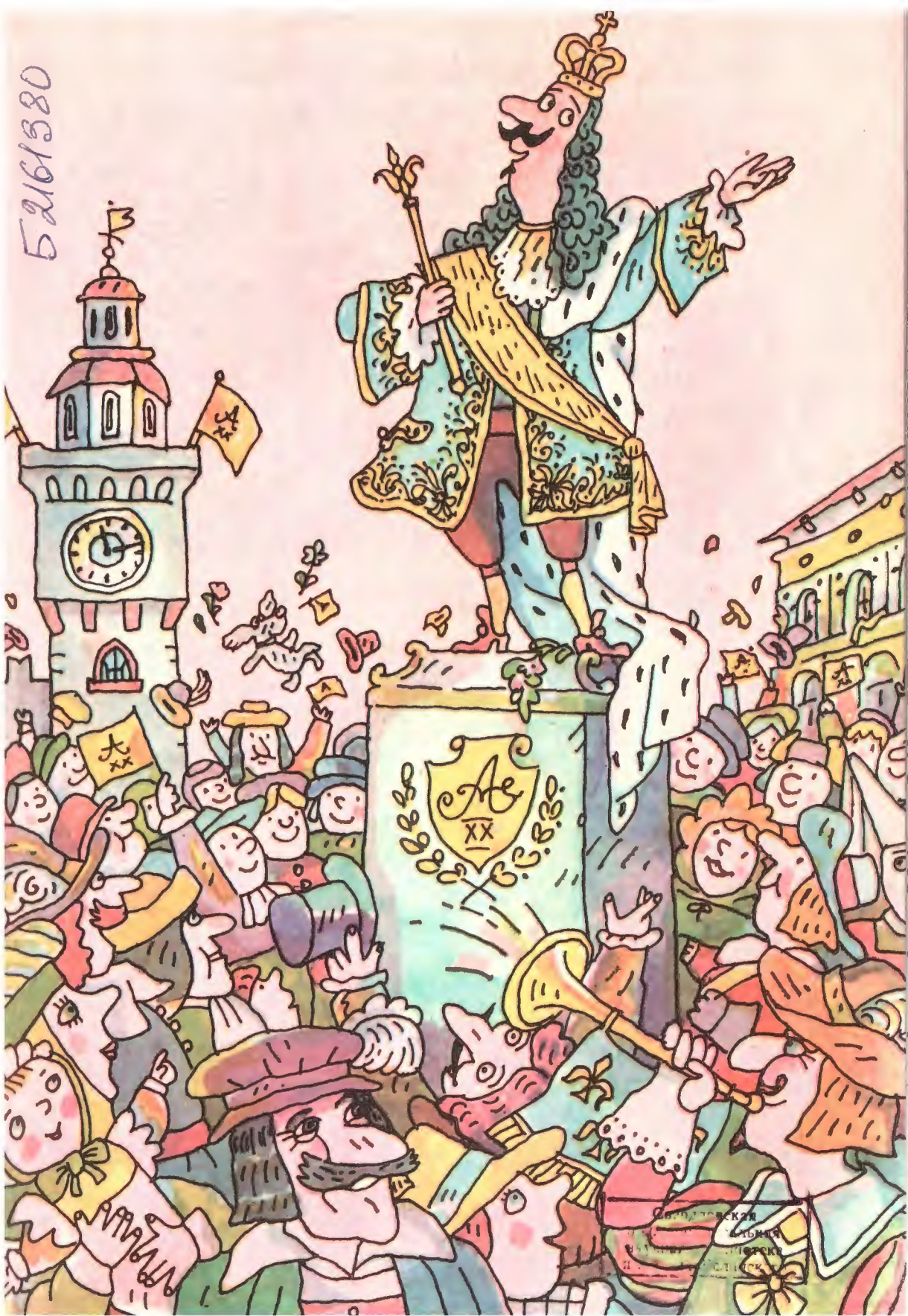
Памятник был великолепен. Он изображал короля во весь рост. В правой руке король держал скипетр, а левой указывал на небо, как бы говоря: «Я прекрасен, как солнце!»

Король узнал все свои одежды:

— Это мой плащ, который я носил в прошлом году. Это мои панталоны, в которых я езжу верхом, а это точная копия моей короны!

— Все верно, ваше величество,— улыбаясь и кланяясь, подтвердил граф Коварнины.

52161380

— Да у него и лицо мое! Мой нос, мои глаза, мои усы, даже цвет волос, как у меня!

— Конечно, ваше величество! — снова улыбнулся хитрый придворный.

— Да, но как вам удалось раскрасить его? Он, что же, из гипса?

— Нет, ваше величество.

— Значит, бронзовый.

— Теплее, теплее...

— Серебряный.

— Горячо, горячо...

— Он... Он... золотой!

— Еще горячее, ваше величество. Это живой памятник.

— Живой? Как это так — живой?

— Посмотрите внимательно, ваше величество. Видите, памятник дышит.

— И в самом деле — дышит!

— Памятник двигается.

И памятник сделал рукой приветственный жест.

— Памятник говорит.

И памятник, словно ждал сигнала, открыл рот и произнес:

— Желаю тебе, Аквальберто Двадцатый, король Мурландии, еще сто таких дней!

И снова по всей площади прокатилось изумленное «ох!». Удивлению народа не было конца.

Памятник, понятное дело, изображал хозяин остерии Анжелоне, по прозвищу Жареная Кукуруза. Он согласился на эту работу только из любви к золотым монеткам, но теперь обнаружил, что кроме денег ему достаются еще и аплодисменты, и был очень, очень доволен собой.

Вот так и случилось, что король Аквальберто Двадцатый получил в подарок живой памятник. Причем получил его при жизни, тогда как его отцу памятник (отнюдь не живой) поставили только после смерти. Надо ли удивляться, что Аквальберто возомнил себя великим человеком и отправился во дворец отведать праздничного торта, довольный как никогда.

Люди тоже разошлись по домам — каждый к своему торту. А Анжелоне остался на пьедестале изображать памятник. Ведь, как было условлено, он должен был стоять на пьедестале с рассвета до заката без всякой еды. А ночью мог спокойно спускаться на землю, ничего не опасаясь,

потому что, едва стемнеет, в этом далеком королевстве засыпали все, даже ночные стражники.

Поначалу все шло хорошо. Король каждое утро приходил взглянуть на свой памятник, приказывая ему приветствовать себя «здравствуйте, ваше величество!», и довольный возвращался во дворец рассматривать картинки в книжках.

Но случилось непредвиденное, и вся затея рухнула. Один охотник, приехав после долгого путешествия в родной город, увидел на площади памятник, присмотрелся к нему внимательно и закричал:

— Анжелоне! Это ты, Анжелоне?

— Тише ты, ради бога, тише!

— Ты случаем не спятил? Что ты здесь делаешь с этой штуковиной на голове?

— Не штуковиной, а короной.

— Да вижу, что корона. Только не понимаю, чего это ты вздумал залезть на камень да еще с короной на голове?

— Ради бога, помолчи! И вообще проваливай подобру-поздорову!

— Мимо проходил какой-то горожанин. Он услышал этот разговор и заинтересовался:

— В чем дело? Что случилось?

— Как что, — ответил охотник. — Это ведь Анжелоне. И он, должно быть, рехнулся.

— Какой Анжелоне?

— Да наш Анжелоне, хозяин остерии. Один у нас Анжелоне, только один. По прозвищу Жареная Кукуруза.

— Жареная Кукуруза? А почему жареная?

— Потому что он любит жареную и чтобы хорошо была посыпана тертым сыром.

Вскоре возле памятника уже стояло двое, потом трое горожан, а потом пятеро и даже полсотни собралось. Люди передавали друг другу новость, смеялись и кричали: «Жареная Кукуруза! Жареная Кукуруза!»

Поначалу Анжелоне терпеливо сносил все это. Но когда площадь заполнилась народом, когда все стали смеяться и потешаться над ним, он не выдержал. Еще бы, всякий сброд обзывает его Жареной Кукурузой. Он спрыгнул с пьедестала и давай колошматить всех направо и налево своим скипетром, который, между прочим, был сделан из свинца.

— Это тебе за жареную кукурузу, а это за кукурузу с сушеной треской!

Он так разошелся, что и остановиться не мог. А люди только еще больше смеялись и еще громче кричали: «Жареная Кукуруза! Жареная Кукуруза!»

Но вот он выбился из сил и хотел было снова забраться на пьедестал, да передумал: «А что теперь в этом проку? Ни за что не буду торчать тут на посмешище уличным мальчишкам!»

Короче, отбросил он плащ и корону, отшвырнул скипетр и вернулся в свою остерию «Черный дрозд».

Королю доложили, что памятник исчез по злому колдовству одного волшебника, бывшего в услужении у некоторых враждебных и завистливых королей. И никто не сказал ему правду, всю правду. Но с того дня народ перестал звать его Крохобором. У короля появилось новое прозвище, которое стараниями графа Коварнини попало в учебники истории. С того дня народ Мурландии стал называть своего короля Жареная Кукуруза. Только Аквальберто так никогда и не узнал об этом. Он умер в полной уверенности, что в учебниках истории его называют Победоносным или Великим.

Принц Дуралеи

Принц Аврелио был красивым юношей, смелым воином и к тому же имел множество разных других достоинств. Но никто не величал его ни Мужественным, ни Отважным — прозвали его в народе Дуралеем. И в самом деле, хоть был он сильным и ловким, но, прямо скажем, умом он не отличался. Уж очень долго до него все доходило, и нередко он принимал репку за дедку, а горы за шторы.

Отправился однажды он на войну. Ну а так как он был все-таки принцем, ему поручили командовать целым флангом армии.

— Вы с вашими солдатами должны взять вот тот мост, — сказал ему генерал.

Принц Аврелио провел операцию как нельзя лучше: атаковал противника, отогнал его от моста, а потом... велел солдатам разобрать мост по камешкам, взвалить на плечи и отнести генералу.

— Я взял мост, как вы приказали,— доложил принц.— Вот он, перед вами.

— Молодчина! И как же теперь преследовать неприятеля?

А противник тем временем не ломал зря голову, а с криками «ура! ура!» перешел в наступление.

Все войско пустилось наутек. Все, кроме Аврелио, потому что принц никогда не отступал. К тому же он неправильно понял крики «ура! ура!»: решил, что война окончилась и пришел мир.

Аврелио взяли в плен, но когда узнали, что это он велел разобрать мост, стали чествовать как героя.

— Надо же,— удивился принц,— как они любят меня!

Он часто принимал тыкву за морковь.

И недоумевал, почему его вдруг посадили в темную камеру.

— Что за дуралеи такие?.. Поначалу чествовали, а теперь держат в тюрьме.

Он опустил на соломенную подстилку и уснул.

Утром его разбудил солнечный луч, который проник в маленькое окошко с толстыми железными перекладинами.

Принц Аврелио подтянулся на руках и выглянул наружу. Он увидел пустой дворик, окруженный высокими стенами. А в окне напротив, тоже зарешеченном,— печальное лицо красивой девушки. Красивой? Она показалась Аврелио прекрасной, такой прекрасной, что у него сильно забилося сердце, а глаза наполнились слезами.

— Отчего ты плачешь, юноша? — спросила девушка, приветливо помахав ему.

— Не знаю,— ответил Аврелио.— Боюсь, мои соотечественники правы, называя меня принцем Дуралеем.

Девушка улыбнулась.

— Я слышала о тебе. Слышала, что тебя будут держать в тюрьме до тех пор, пока твой отец не отдаст столько золота, сколько ты вешишь.

«Вот, значит, почему они так обрадовались, когда взяли меня в плен...» — догадался принц.

— Не плачь,— продолжала девушка.— Рано или поздно ты вернешься домой. Куда печальнее моя судьба. Я

сицилийская принцесса, меня зовут Роза. Я плыла на корабле, а пираты захватили меня и продали на Восток. И теперь ужасный колдун держит меня в заточении. Он хочет, чтобы я пошла за него замуж. Это его владения. Ты тоже теперь его собственность. Он получил тебя в подарок от султана, в благодарность за колдовство, которое помогло ему одержать победу.

Аврелио слушал печальную историю Розы, и слезы, крупные, как орехи, катились по его щекам.

«Странно, — соображал он, — плачу и сам не знаю, почему. Только чувствую, что мне становится легче. Что же это со мной происходит?»

— Роза, — воскликнул он, отвлекшись от своих мыслей, — не отчаивайся! Твоя судьба станет моей судьбой. Мы вместе вернемся домой, и я женюсь на тебе!

— Спасибо, добрый принц! У тебя благородное сердце. Но как ты сможешь одолеть колдуна Берсанта?

— Подумаю.

Должно быть, впервые в жизни принц употребил глагол «думать». Кто знает, может, это слезы прояснили его разум, а может, так подействовали на него горе и любовь.

«Нет, конечно, — решил принц Аврелио, — теперь я вовсе не дуралей! Я был им. Это я понял, благодаря... да, да, благодаря темнице и Розе!»

Девушка отошла от окна, Аврелио тоже спустился на пол и стал думать. Думал он, думал, но так и не смог придумать, как выбраться из тюрьмы вместе с Розой.

— Как же, оказывается, трудно думать, — удивился он, — я не привык это делать. Ну, ничего. Привыкну... И тогда держись, Берсанта, жалкий колдун! Увидим, кто победит!

Роза тоже задумалась. Она-то давно уже привыкла размышлять — колдун держал ее взаперти больше года, и все это время она не видела никого, кроме ненавистного старика со злым лицом и таким же злым сердцем. Но ей не хватало смелости вступить с ним в борьбу. Слова принца Аврелио взволновали девушку. Она почувствовала, как в душе ее впервые затеплилась надежда.

«Должно быть, принц Аврелио передал мне немного своего мужества, — подумала она. — Это как раз то, что мне сейчас нужно больше всего...»

А у мужества есть такое свойство: человек обнаруживает его у себя именно тогда, когда оно ему крайне необ-

ходимо или же когда совсем теряет надежду, что оно найдется.

В ту ночь Роза осторожно пробралась в кабинет Берсанта, где хранилась «Великая Книга Заклинаний». При свете луны девушка отыскала «Заклинание, чтобы выбраться из тюрьмы» и прочитала его, стараясь запомнить каждое слово, самое короткое из которых выглядело так: «Бороскватрискафулькавалькалазино».

Убедившись, что хорошо запомнила заклинание, девушка поспешила обратно в камеру и принялась ждать утра.

На рассвете колдун Берсанта уехал куда-то по своим делам, и Роза побежала к окошку.

— Аврелио! — позвала она и тотчас увидела его. Бедный юноша за всю ночь ни на минуту не сомкнул глаз. Принц думал и думал, но, как вы знаете, у него мало было практики в этом деле, а потому он так и не нашел того, что искал. Но заклинание, которое сообщила ему Роза, он запомнил с первого раза, так что девушке даже не пришлось повторять его.

— А теперь нужно произнести заклинание, закрыв глаза и стоя на одной ноге, — объяснила Роза. — Начнем вместе. Только сперва я хочу сказать тебе спасибо за то, что ты дал мне мужество бороться за свободу.

— Я тоже, — ответил Аврелио, — хочу сказать тебе спасибо! За то, что ты заставила меня думать. А теперь — прочтем.

Не успели они произнести последний слог, как стены тюрьмы исчезли, и молодые люди оказались в карете.

— Роза!

— Аврелио!

Они услышали громкое ржание: четверка отличных лошадей, впряженных в карету, нетерпеливо постукивала копытами, ожидая удара кнутом, чтобы пуститься вскачь.

Аврелио схватил поводья, хлестнул лошадей, и они тут же понеслись, почти не касаясь земли.

— Вперед! — кричал Аврелио, подгоняя лошадей. — Мы свободны! Возвращаемся домой!

Но безумная скачка длилась недолго. Беглецы увидели, как по краю дороги скользнула ослепительная молния, и карета остановилась как вкопанная. Коня внезапно исчезли. Вместо них четыре крохотные улитки недоуменно шевелили своими рожками, тщетно пытаясь поднять оглобли.

— Вперед! Вперед! — кричал Аврелио.

Но не думайте, будто он все такой же дуралей и надеется с помощью улиток сдвинуть с места карету. Нет, он схватил Розу за руку, и они пустились бежать через поле к лесу, видневшемуся вдали.

Зловещий смех раздался у них за спиной. Это колдун мчался следом в коляске, запряженной тигрицей. На коленях Берсанте лежала «Великая Книга Заклинаний», и ветер перелистывал ее страницы.

— Я превратил ваших коней в улиток! — ликовал Берсанте. — Но это пустяк. Это только начало. То ли еще будет!

— Не бойся, — на бегу уговаривал Аврелио Розу. — Мы теперь сильнее колдуна...

Неожиданно новое препятствие, речка, встало на их пути. В тростнике тихо покачивалась лодочка. Аврелио бережно опустил Розу в лодку, прыгнул в нее сам, схватил весла и принялся грести.

Колдун был уже на берегу. Он лихорадочно листал свою книгу.

— Вот что вам нужно! — вскричал он и быстро прочитал заклинание. В ту же минуту лодка исчезла. Аврелио с Розой повисли в воздухе, весла превратились в омерзительных червей, и юноша с отвращением швырнул их в воду.

— Мы у него в руках, — бледнея, прошептала Роза.

Но Аврелио бросился вместе с ней в воду и поплыл к другому берегу, где начинался лес.

Колдун, следя краем глаза за беглецами, снова полистал свою книгу.

— Нашел! — обрадовался он. — Еще одно усилие. Вот как, вы уже на берегу... Ну, так смотрите!

И в тот момент, когда Аврелио выходил из воды, неся на руках Розу, почти потерявшую сознание, колдун произнес новое заклинание. Деревья вдруг задвигались, словно живые существа, и стали окружать беглецов плотным кольцом.

— Западня! — кричал колдун. — Вы в западне!

От радости он вскочил, захлопав в ладоши. И плохо сделал, потому что книга, лежавшая на коленях, упала в воду, а течение подхватило ее и понесло прочь. Книга плыла, словно крокодил, пока не попала в водоворот и не исчезла в пучине.

— На помощь! — завопил Берсанте. — Мое сокровище!

Тем временем тигрица, впряженная в коляску, улучила момент и, рванувшись, выскочила из хомута. Колдун был больше не властен над ней.

— Ловите! Ловите мою книгу! — кричал Берсанте и рвал на себе волосы от отчаяния. — Я же не умею плавать! Помогите!

Но никто не слышал его. А если б кто и услышал, вряд ли пришел бы ему на помощь.

Роза и Аврелио были спасены — деревья вдруг тихо отступили и снова замерли на своих местах.

— Какое счастье! — обрадовался Аврелио, — мы и правда сильнее колдуна!

Остальное можно досказать в двух словах: они вернулись домой и сыграли свадьбу. И все позабыли прозвище принца.

А Берсанте, оставшись без книги заклинаний, потерял свою силу и был уже никому не страшен. Чтобы не умереть с голоду, ему пришлось просить милостыню. Одни бросали ему в шапку фальшивые монетки и смеялись:

— Ну-ка, колдун, преврати их в золотые цехины!

Другие, напротив, жалели его и бросали несколько сольдо. Все-таки старик есть старик, даже если он когда-то и был злым колдуном.

Принцесса Веселина

Король Боемондо, правивший Брисландией, и его супруга королева Розалинда были женаты уже пятнадцать лет, когда у них родилась наконец дочь. Их радость была столь велика, что они решили назвать девочку Веселиной. По всему королевству был объявлен праздник, и огни фейерверка взлетали в небо три ночи подряд.

Маленькая принцесса, словно для того, чтобы оправдать свое имя, очень скоро обнаружила живой и беззаботный характер.

Однажды во время торжественной церемонии при дворе она начала прыгать по ступенькам трона. Главный Камергер чуть в обморок не упал, так был шокирован ее поведением. Он даже позволил себе сделать принцессе замечание:

— Ваше высочество, но мы же не в цирке!

А король Боемондо только улыбнулся:

— Оставьте ее. Разве вам не хотелось бы сбросить лет пятьдесят, чтобы поиграть с ней?

В другой раз, тоже во время какого-то торжественного приема, принцесса Веселина прицепила картонную рыбку к фраку Первого Министра. Тот страшно обиделся и даже хотел подать в отставку.

Он жаловался королю:

— Что за шутки, до первого апреля еще целых два месяца!

Однако Боемондо и его успокоил:

— Во всяком случае, вы должны согласиться, что рыбка сделана по всем правилам искусства.

Веселина имела обыкновение входить в королевский дворец и выходить из него только через окно.

— Ваше высочество,— сердилась гувернантка графиня Бибиана,— в этом дворце, слава богу, двести дверей, и воспитанные люди про это знают.

— Но так скучно входить через двери! — отвечала Веселина.— Куда интереснее лазить по подоконникам!

Беззаботно и счастливо жилось юной принцессе в ее дворце, но, к сожалению, счастье так переменчиво. Наступили темные дни и для Веселины. Король Боемондо заболел и умер. А через несколько месяцев и венценосная вдова последовала за ним в королевскую гробницу, величественную, со скульптурными украшениями, но такую же холодную, как и все прочие могилы.

Веселине было шестнадцать лет, и ей казалось, что она умрет от горя. Принцесса покорно согласилась на церемонию коронации и стала королевой. Она участвовала в заседаниях Совета Министров — сидела тихо-тихо, покорно слушая долгие споры о вещах, которые ее нисколько не интересовали. Она даже не пыталась в них разобраться. Только горе, как и счастье, не бывает вечным. Постепенно придворная жизнь закрутила ее в своем водовороте. Одно за другим следовали празднества, приемы, балы, спектакли, концерты. Ну как тут будешь грустить! И Веселина стала озорничать, как прежде. Она

дергала за усы Главного Камергера, скакала по ступенькам трона, пряталась под кроватью, чтобы напугать графиню Бибиану. Народ был очень доволен своей королевой. Важные придворные сановники были довольны гораздо меньше.

Однажды королеву Веселину застали в тот момент, когда она вылезала в окно, не пожелав выйти в сад через парадную дверь, возле которой ее ждут часовые, чтобы отдать честь. И разразился огромный скандал.

— Это не королева, а какая-то шалунья! — громко сказал Главный Камергер всем, кто хотел его слушать. Особенно внимательно его слушал герцог Дориберто, двоюродный брат Веселины, который уже давно примерялся к трону, как говорят в таких случаях. Но, наверное, лучше прямо сказать, что он хотел украсть корону у своей кузины. Он полагал, что легкомыслие молодой королевы поможет ему достичь цели, а также рассчитывал на помощь некоторых сановников, наобещав им звания и богатство. Кроме того, он уверял, что всегда будет выходить только через двери...

Однажды ночью Веселину внезапно разбудила ее верная гувёрнантка:

— Ваше величество, одевайтесь! Нужно бежать! И как можно скорее! Герцог Дориберто провозгласил себя королем Брисландии. Вместо вас! И уже послал стражников арестовать вас!

— Дориберто — король? — Веселина расхохоталась. — Как же будет держаться корона на его вечно лохматой голове?

— Ваше величество, сейчас не до смеха. Вставайте, надо бежать!

— Вот замечательно! Это единственное, что мне еще никогда не удавалось, а любой уличный мальчишка делает это сотню раз в день. Скорее, Бибиана, бежим, бежим!

И пока графиня Бибиана торопливо укрывала ее плащом, Веселина продолжала смеяться и хлопать в ладоши от радости:

— Убегаю в лес, словно сказочная принцесса!

— Сейчас зима, ваше величество. В лесу много снега, мы можем замерзнуть! Ох, мы несчастные...

— Глупышка, нисколько не замерзнем, потому что будем ходить на лыжах!

Такой уж был характер у Веселины — с на, счастливица, ко всему относилась легко и беззаботно.

Беззаботно отнеслась она и к своей новой жизни, хотя на ее месте любая другая королева, будь она хоть чуточку менее веселой, плакала бы от унижения и страха. Веселина жила с Бибианой в хижине, укрытой в самой глубине брисландского леса. К счастью, ей помогал верный слуга Грациано, который последовал за нею в это печальное изгнание. Он приносил еду и дрова для очага.

Три года прожила Веселина в лесу со своей славной Бибианой и добрым Грациано, и ни один день не проходил без игр и веселья.

Однажды Грациано, ездивший в столицу за продуктами, привез волнующие новости.

— Похоже, армия недовольна королем Дориберто. Народ тоже устал и готовит восстание — уж слишком злым и жестоким было его правление! Народ требует, чтобы вернулась добрая королева Веселина. Говорят, новый Камергер разослал гонцов во все концы страны в поисках вашего величества.

— Какая прелесть! — обрадовалась Веселина. — Значит, возвратимся домой!

А еще через два дня длинный кортеж знатных господ остановился возле хижины Веселины. Должно быть, кто-то давно знал, где она укрывается, но молчал, чтобы не повредить ей.

Веселина вышла к посланцам в самой скромной одежде, босиком и без шляпы. Знатные господа склонились перед ней в низком поклоне и приветствовали, как подобает приветствовать королеву.

— Ваше величество, вернитесь править нами на счастье Брисландии.

— Я готова, — ответила Веселина. — Поехали!

И она снова стала править страной, как всегда веселая и беспечная, готовая в любую минуту подшутить над Камергером или дернуть за бороду Первого Министра. И чтобы не печалить ее, ей даже не стали рассказывать о том, что происходило во время ее отсутствия. Она не знала, что Дориберто вовлек Брисландию в жестокую войну с соседним герцогством Мировия, что были ужасные сражения и в них погибли тысячи молодых людей. Решили — пусть развлекается. Все были довольны, что она радует людей хорошим настроением и добротой.

Серьезно с королевой поговорили только в тот день, когда ей исполнилось двадцать лет. Ей напомнили, что пора выбирать жениха.

— Это важное дело, ваше величество,— сказал Первый Министр.— Чрезвычайно важное! Вы должны дать трону наследника. Позвольте мне попросить вас перестать смеяться.

— Я стараюсь,— ответила Веселина, зажимая рот платком,— но не получается, не могу не смеяться. Мысль о замужестве кажется мне такой смешной, что...

И она снова залилась смехом.

В тот день Совет Министров заседал особенно долго, гораздо дольше обычного. Наконец Веселина решилась.

— Ладно,— сказала она, хитро улыбаясь,— я согласна, выйду замуж. И чтобы вы убедились, что я говорю серьезно, обещаю, что выйду замуж за того юношу, знатного или простолюдина, брисландца или чужеземца, который сумеет так признаться мне в любви, что я не засмеюсь. Если я останусь серьезной, значит, вопрос решен — это и будет мой жених.

Министры согласились и на такие условия и поспешили объявить об этом по всему королевству.

В назначенный день и час площадь перед королевским дворцом заполнилась народом.

Все претенденты в женихи выстроились в первом ряду перед тронем, поставленным на верху парадной лестницы. Это были знатные юноши, приехавшие из разных концов королевства и из-за рубежа. Каждый из них в глубине души был уверен, что сумеет заставить королеву сохранить серьезность.

Наконец из дворца вышла Веселина. Громкими аплодисментами встретили ее появление. Усевшись на трон, королева помахала своей короной, словно шапочкой или платочком. Рукоплескания вспыхнули с новой силой, и к ним добавились взрывы смеха.

Но вот прозвучал сигнал трубы и вперед вышел первый претендент. Он опустился перед королевой на колени и сказал:

— Ваше величество, кладу мое сердце к вашим ногам и...

И тут же, растерявшись, замолчал: Веселина, услышав его слова, вскочила и принялась что-то искать на земле.

— Могу ли я помочь вам? — робко спросил претендент.

— Да,— ответила Веселина,— помогите мне отыскать ваше сердце. Вы ведь сказали, что положили его сюда, но я не вижу его, здесь ничего нет...

И ну хохотать. А уж если она смеялась, можете себе представить, как смеялся народ.

Претендент покраснел, поклонился и удалился: пересек площадь, вскочил на коня и только его и видели.

Вышел второй претендент на звание жениха, такой ослепительно красивый принц, что люди даже перестали смеяться. По площади прокатилось громкое «ах!».

— Ваше величество,— сказал принц.— Моя любовь — это пламя, которое...

— На помощь! — вскричала Веселина.— Зовите пожарных! Или принесите хотя бы ведро с водой. Я не хочу, чтобы этот молодой человек подпалил любовным огнем свои усы.

И ну хохотать. Народ тоже покатывался от смеха.

Один за другим все участники соревнования сделали свое признание в любви, и один за другим ушли, осмеянные. А те, что еще остались, уже боялись выходить.

— Иди ты, а я потом,— шептали они друг другу. Но никто не решался выйти вперед.

И как раз в этот момент на красивом лице Веселины появилось вдруг странное, необычное выражение. Возможно ли? Веселина вдруг стала серьезной, почти печальной. Все увидели, как она сделала знак Первому Министру, что-то спросила у него, выслушала ответ и принялась спорить с ним.

Дело в том, что, когда она смеялась над своими претендентами, она заметила одного юношу, простого деревенского парня, который за все это время ни разу даже не улыбнулся. Веселина потому и обратила на него внимание. И вдруг она заметила, что у него нет руки — пустой рукав засунут в карман. Безжизненным был этот пустой рукав и печальным — лицо юноши. Кто он такой? Почему так печален? Как и где потерял руку?

— Это инвалид,— объяснил Веселине Первый Министр, быстро разузнав все, что надо.

— Инвалид? А что это значит? — спросила Веселина. И Первый Министр в большом смущении объяснил ей все. Он рассказал про войну, про погибших в сражениях людей и про то, как страдает народ.

Веселина выслушала его, и чувство жалости, которого она никогда не испытывала прежде, больно сжало ей сердце.

Огромная площадь замерла. Люди поняли, что происходит что-то необычайное, и притихли.

— Почему вы скрыли от меня все это? — рассердилась Веселина. — Как вы могли позволить мне веселиться и развлекаться, когда вокруг столько горя?!

Первый Министр забормотал какие-то оправдания, но Веселина уже не слушала его. Она не отрываясь смотрела на молодого человека, и он тоже глаз не мог отвести от нее. В его взгляде не было упрека, а было только смиренное восхищение. И тут Веселина вдруг поняла, что любит его за все страдания, какие он перенес, поняла, что юноша тоже любит ее, потому что угадывает ее сочувствие.

Веселина поднялась, медленно спустилась по лестнице на площадь и молча подошла к юноше. Она была бледна, в глазах стояли слезы, но голос звучал твердо, и все услышали ее слова:

— Хочешь быть моим мужем?

И молодой человек произнес только одно слово:

— Да.

Волшебник Гару

Когда человек обладает какими-нибудь необыкновенными способностями, он по-разному ведет себя — либо хвастается ими и получает удовольствие от восхищения публики, либо скрывает и втихомолку старается извлечь из них пользу.

Густав предпочитал не афишировать свой редкий дар. На всех базарах Брисландии и Турговии он был известен как мастер удалять мозоли, как продавец мазей для отпугивания ведьм, алхимик и балаганный шут. Короче говоря, как знаменитый шарлатан. Но он был еще и чревовещателем, только об этом никто не знал.

Однажды Густав сделал из папье-маше куклу, обрядил ее в черное платье, надел на голову остроконечный колпак, окрестил Волшебником Гару и сказал:

— Ну а теперь будь молодцом, помоги Густаву разбогатеть!

Разузнав и подготовив все, что было ему нужно, Густав отправился на ярмарку в Бисбург. Поставил на площади стол, забрался на него, водрузил рядом стул, посадил на него, словно на трон, Волшебника Гару и принялся делать в воздухе таинственные пассы, как бы вызывая духов.

Когда вокруг собралась большая толпа, он прочистил горло и объявил:

— Горожане! Сегодня для вас великий день! Волшебник Гару оказывает вам честь своим посещением и в свою очередь считает для себя большой честью знакомство с вами. Я правильно передал вашу мысль, Гару?

— Правильно, Густав: для меня это большая честь, огромная.

Толпа ахнула от удивления. Кто это говорит? Неужели кукла? Возможно ли? Она что, волшебная? Или живая?

— Господа, не бойтесь! — продолжал Густав. — Волшебник Гару явился сюда не для того, чтобы сделать вам что-нибудь плохое. Напротив, он исполнен к вам самого дружеского расположения. Верно я говорю, Гару?

— Совершенно верно, Густав! Я желаю добра городу Бисбургу и его жителям. Это славный народ, и он не заслуживает тех невзгод, которые обрушились на него.

— Ну и ну! — воскликнул какой-то горожанин. — Откуда эта кукла знает, что городские власти обложили нас новыми налогами?

А какая-то худенькая женщина торопливо перекрестилась и пробормотала:

— Боже праведный, по-моему, тут пахнет чертовщиной!

Густав между тем продолжал:

— Горожане, заметьте себе — я ничего не знал про ваши налоги. Вы все видели, что я только час назад приехал из-за границы и ни с кем ни о чем не разговаривал. Но Волшебник Гару знает все. Хотите — сами спросите.

— Ну что ж, — снова заговорил тот же горожанин, — я вот, к примеру, хотел бы знать, что он думает о новых налогах.

Густав скрестил на груди руки и повернулся к Волшебнику Гару, как бы ожидая ответа. Говорил-то за него, разумеется, он сам — говорил особым образом, как умеют только чрево вещатели — и всем казалось, будто разговаривает не он, а кукла.

— Налог на лошадиные хвосты — это несправедливость! — заявил Волшебник Гару. — А налог на женские чепчики унизителен для рыцарских традиций бисбургийцев!

Громкие аплодисменты приветствовали эти слова. Надобно вам сказать, что городские власти, стремясь как-то пополнить опустевшую казну, ввели недавно новый налог — на лошадиные хвосты: короткий хвост — дукат, полхвоста — два дуката, длинный — три дуката. Люди, понятное дело, чтобы платить как можно меньше, поспешили укоротить хвосты своим лошадям и те, несчастные, лишившись природной мухобойки, ужасно страдали от укусов слепней.

Налог на чепчики тоже зависел от высоты этого головного убора. Женщины Бисбурга всегда гордились своими высокими, как колокольня, чепчиками. А теперь, чтобы меньше платить налогов, им пришлось укорачивать их. Чепчики стали совсем плоские и настолько некрасивые, что даже стыдно было надевать их.

— Молодец, Гару! — закричали женщины. — Золотые слова!

— Что верно, то верно, — рассудил другой горожанин, — от налогов больше неприятностей, чем от града. Но все-таки надо же как-то пополнять городскую казну.

— Вы слышали, Гару? — задал вопрос Густав. — Не хотите ли ответить этому уважаемому горожанину?

— Охотно, — сказала кукла. — Я думаю, нужно послать скорее кого-нибудь к Восточным воротам города. Там, за воротами, растет липа. Возле нее зарыт небольшой клад.

Нужно ли говорить, что этот «небольшой клад» там спрятал сам Густав перед тем, как войти в город. Это были его последние деньги — двадцать дукатов. И он перецеловал каждую монету, прежде чем закопать. Но он надеялся вместо них получить в сто раз больше дукатов.

Несколько горожан тут же побежали к Восточным воротам, благо они были совсем рядом с базарной площадью, и вскоре вернулись с радостными криками, показывая деньги, которые откопали возле липы.

— Да здравствует Гару! — закричала толпа.

— Пусть Гару будет нашим мэром!

— Долой налог на чепчики!

Густав жестом успокоил разволновавшуюся толпу, давая понять, что хочет говорить:

— Волшебник Гару,— сказал он,— не откроете ли вы этим славным горожанам и другие клады?

— А ты, Густав,— спросила кукла,— согласен отдать меня этим уважаемым бисбургийцам?

Густав притворился озадаченным и растерянным. Толпа зашумела. И как раз в это время на площадь вышли мэр и советники, заседавшие в муниципалитете. Их появление вызвало новые взволнованные крики.

Словом, бисбургийцы заставили городские власти купить на вес золота драгоценную говорящую куклу, которая умела находить клады.

— Ладно,— вздохнул мэр, уступая воле горожан,— не будет же кукла из папье-маше весить целый центнер.

Центнер она, конечно, не весила, но была довольно тяжелой, потому что Густав зашил в ее платье большой кусок свинца. Короче, он получил тысячу золотых дука-тов. Положив их в карман, Густав заторопился. Он отказался от приглашений на обед и на ужин, которые сыпались со всех сторон, купил лошадь и выехал из города через Западные ворота. Толпа горожан провожала его, торжественно неся на носилках Волшебника Гару.

Когда настал момент расставания, Густав с волнением в голосе обратился к своей кукле:

— Прощайте, Гару! Оставляю вас этому городу и его жителям. Осчастливьте их так же, как осчастливили меня!

— Прощай, мой добрый Густав! — ответил Густав самому себе, притворяясь, будто это говорит Гару.— Приезжай иногда в Бисбург навестить меня.

Какая-то женщина в толпе даже прослезилась от умиления.

Густав прищепил коня и исчез в облаке пыли. А горожане двинулись к муниципалитету, заполнили зал заседаний, уложили в кресло мэра груды подушек, усадили на них Волшебника Гару и велели мэру расспросить его.

Мэр поднял руку, призывая к тишине, и сказал:

— Друзья мои, горожане! Счастье, которое свалилось с неба на наш город в этот знаменательный день, позволяет мне сообщить вам, что налог на лошадиные хвосты отменен!

— Ура! Да здравствует Гару! Да здравствуют лошади!

— Отменен и налог на женские чепчики!

— Да здравствуют чепчики! Да здравствует Гару! Да здравствуют женщины!

— Предлагаю повесить в этом зале мемориальную доску, чтобы наши потомки помнили о том дне, когда у нас появился Волшебник Гару!

— Да здравствует доска! И пусть будет мраморная с золотыми буквами!

— Согласен,— продолжал мэр,— пусть будет с золотыми буквами. Тем более, что о золоте, которое необходимо для этого, позаботится наш новый друг и покровитель. Не так ли, Волшебник Гару?

Все притихли в ожидании ответа. Тысячи глаз устремились на неподвижную куклу, важно восседавшую в кресле. Но она не издала ни звука. Мэр снова спросил:

— Волшебник Гару, не сообщите ли вы нам, как обещали, еще какой-нибудь адрес, где зарыт клад?

Кукла молчала. Больше того, выбрала как раз этот момент, чтобы свалиться с подушек — должно быть, ее не совсем удобно посадили. А горожане перепугались.

— Он потерял сознание! — закричал кто-то. — Наверное, ему не хватает воздуха! Здесь так душно, что умереть можно! Откройте быстрее окна!

Распахнули все окна. Мэр осторожно приподнял Гару и посадил поудобнее. Какая-то женщина протянула ему флакончик с уксусом:

— Дайте ему понюхать, и он сразу придет в себя. Мэр схватил флакончик и сунул его под нос Гару. В это время в распахнутые окна ворвался ветер, и черный плащ куклы шевельнулся.

— Он очнулся! Очнулся! Слава богу, он жив!

— Доктора! Нет ли здесь доктора!

Доктора не оказалось, но нашелся парикмахер. Он пощупал пульс Гару, приложил ухо к груди и послушал сердце, потом снял шляпу, склонил голову и безутешным голосом сообщил:

— Увы! Он умер. Сердце его больше не бьется.

Можно себе представить отчаяние бисбургийцев.

— Но как же так? Что с ним случилось? Он ведь только что был здоров!

Бедняги, им оставалось только одно — похоронить Гару. Это были грандиозные похороны. Кто-то в толпе вспомнил Густава:

— Жаль, что его нет здесь! Он бы обрадовался, увидев, какие почести мы воздаем его другу.

Но Густав почему-то больше так никогда и не появился в Бисбурге.

А налоги? О, тут все очень просто! На другой же день после похорон городские власти восстановили налоги на лошадиные хвосты и женские чепчики. Больше того, чтобы вернуть в казну тысячу дукатов, уплаченных Густаву, они ввели новый налог с мужчин — на усы. Так что тот, кто хотел по-прежнему носить длинные усы, обязан был теперь выкладывать каждую неделю по дукату.

Королевская Гитара

Жил однажды король — очень могущественный, но не очень умный. Вы, конечно, читали историю про его новое платье — про то, как два мошенника сшили ему наряд из несуществующей ткани и как король оказался голым. А вот историю про гитару этого же самого короля, насколько мне известно, еще никто не рассказывал. Ну так я расскажу ее вам.

Случилось это очень давно, в ту пору, когда в моду вошла гитара, причем так широко, что каждые девяносто человек из ста часами бренчали на ней или щипали ее струны, а остальные десять делали то же самое, только втайне. На гитаре играли старики, дети, мусорщики, адвокаты, женщины, кучера, старьевщики. На гитаре играли слуги короля, министры короля, дети короля, супруга короля. Но сам король не играл. Сколько он ни бился, ничего не получалось! Сколько ни ломал ногти о струны, гитара издавала только такие фальшивые звуки, от которых содрогнулся бы даже бегемот. Ничего не поделаешь — медведь на ухо наступил!

Король приглашал одного за другим учителей музыки и щедро платил им золотом — те обогащались, а король так ничему и не мог научиться.

Он вздумал было пригрозить им смертной казнью — учителя разбежались, а он и вовсе потерял надежду чему-нибудь научиться.

— Что же это такое? — возмутился король, швырнув на пол парик и топчя его так, словно должен был выдавить из него сок для вина.— Выходит, в моей стране один лишь я не могу играть на гитаре, а все остальные только и делают, что бренчат на ней с утра до вечера! А раз так, раз не могу играть я, значит, не должен делать этого никто! Отныне в моем королевстве запрещается играть на гитаре! А если узнаю, что кто-то нарушает мой приказ, велю отрубить пальцы.

— Бррр! — содрогались люди, целуя каждый свой пальчик по отдельности — большой, указательный, средний, безымянный и мизинец.— Лучше распрощаться с музыкой, чем с вами, дорогуленьки наши!

И пошло — кто засовывал гитару в шкаф, кто прятал на чердаке, кто укрывал в винном погребе в ожидании лучших времен. А некоторые даже вышли на улицы и площади и сожгли свои гитары, позаботившись о том, чтобы королевские стражники обратили на это внимание.

— Мы верные подданные, не так ли? — говорили они стражникам.— Видите, мы выполняем свой долг!

Всегда находятся люди, которые счастливы показать властям свое усердие. Только стражники и не слушали их. Они сами любили играть на гитаре, и для них запрет короля тоже был все равно что удар кулаком в челюсть.

Нашлись и строптивые, которые, не захотели выполнять указ короля. Если обнаруживали, что они, заткнув все щели в окнах, дверях и стенах, осторожно перебирают любимые струны, ночью приходили за ними и до исполнения приговора отправляли в тюрьму.

Жили в этом городе двое юношей — два друга Пип и Поп. Конечно же, эти славные парни любили играть на гитаре. И конечно, мысль сжечь свои инструменты они не подпускали даже на другой конец улицы, где жили. Чтобы по-прежнему играть на гитаре, друзья вырыли яму под стогом сена, далеко в поле, и по вечерам уходили туда, притворяясь, будто пошли ловить кузнечиков.

— Повезло же кузнечикам,— шутили они,— могут играть на своей природной гитаре сколько угодно, не опасаясь, что лишатся лапок.

Однажды вечером, отведя душу всякими аккордами, арпеджио и стаккато, Пип сказал Попу:

— Знаешь, что я думаю?

— Догадываюсь. Ты думаешь, что хорошо бы разбить гитару о голову короля.

— Нет. Мне жаль ее.
— Голову короля?
— Гитару, остопоп! А вот короля хорошо бы проучить как следует.

— Отрезать ему палец во сне.
— Мало!
— Два пальца!
— Тоже мало.
— Тогда скажи, что же надо сделать.

Пип раскрыл свой план, и Поп одобрил его. На следующее утро друзья пришли во дворец с большим пакетом под мышкой и попросили у короля аудиенцию.

— Мы принесли ему подарок.

— Какой подарок? — Камергер подозрительно посмотрел на них. — Уж очень вы смахиваете на мошенников...

— Кто? Мы? Да мы же Пип и Поп, мастера-краснодеревщики. Нас любая собака в округе знает. Мы никогда никого не обманывали.

— Гм... Посмотрим... Ваше величество, тут пришли Пип и Поп, говорят, что принесли вам подарок...

— А, это славные ребята! Впустите их!

— Видите ли, ваше величество, — начал Пип, — как бы это вам сказать... Только сначала отошлите придворных и пообещайте не сердиться и выслушать все до конца.

— Оставьте нас! — приказал король. — Ну вот, все ушли. Так в чем дело?

— Ваше величество, — сказал Пип, — мы принесли вам гитару.

— Что!?! — Изумлению короля не было предела.

— Ваше величество, вы обещали не сердиться.

— И выслушать все до конца.

— Ладно, обещал. Но берегитесь, если вздумали посмеяться надо мной!

— Что вы, ваше величество! Не видите разве, какие красивые головы сидят на наших плечах? Неужели вы думаете, что мы хотим отдать их палачу? А гитара эта — особая! Она сама играет! Не нужно учиться музыке и ни к чему учителя!

— Мало того, — добавил Пип, — эта гитара настолько необычная, что играет без струн.

— Без струн? Да вы с ума сошли!

— А вы послушайте, сами послушайте, ваше величество.

— И это еще не все,— продолжал Пип,— гитара может звучать как разные инструменты — рояль, скрипка, фисгармония, даже барабан.

— Это невозможно! — не поверил король.— Впрочем, хватит болтать! Дайте послушать и если все это враки, поплатитесь головой!

Пип развернул пакет и показал королю гитару. Струн на ней не было, потому что он сам снял их утром.

— Ваше величество,— торжественно объявил он,— я исполню сейчас «Фантазию Свистящего Шелкопряда».

— Название довольно необычное,— заметил король.

Пип взял инструмент, положил руку на то место, где должны находиться струны и... необыкновенная музыка заполнила зал. Каскад звуков вырвался наружу через двери и окна, и отовсюду ко дворцу стали сбегаться люди...

— Кто это играет? Кто играет?

Повар спросил поваренка, поваренок — слугу, слуга — мажордома, мажордом — камергера, камергер — королеву. Королева, даже не постучав, вошла в тронный зал и увидела... Увидела своего мужа, короля, который играл на гитаре без струн, и она звучала, как целый оркестр!

— Ваше величество! Муж мой!

— Идите сюда, идите, дорогая королева! Теперь никто больше не посмеет сказать, что у меня нет слуха! Никто не скажет, что я не могу играть на гитаре! А вы, камергер, чего ждете? Сообщите немедленно об этом по всей стране! Скажите, что теперь всем опять разрешается играть на гитаре, что я приказал выпустить заключенных. А завтра утром пусть народ соберется в королевском парке и каждый принесет гитару. Состоится большой музыкальный конкурс. В нем примет участие сам король. И посмотрим, кто победит!

Аплодисменты заглушили его слова и последние аккорды фантазии.

— Да здравствует король, отец отечества и гитары!

— Спасибо, благодарю вас,— пробормотал король, растрогавшись до слез.— А вы оба, дражайшие Пип и Поп, просите у меня что угодно! Вы осчастливили меня и имеете право на вознаграждение.

— Но нам ничего не нужно, ваше величество! — воскликнул Пип.

— Совершенно ничего! — эхом откликнулся Поп.

— Мы вам сразу же сказали — это подарок.

— Но я не могу допустить, чтобы вы ушли с пустыми руками. Камергер! Наполните их карманы золотом. И шапки тоже. И гитару! Хотя нет, гитара теперь моя.

— Конечно, ваша,— поспешил добавить Пип,— только нам надо бы взять ее домой на сегодняшний вечер.

— Мы хотим,— объяснил Пип,— немного усовершенствовать ее. Вы же заметили — не очень чисто звучит контрфагот.

— Да, да, заметил, как же! — согласился король, чтобы не ударить в грязь лицом.— И гобой тоже фальшивил иногда.

— Это и был «Свистящий Шелкопряд»,— ответил Пип,— но вы правы, он фальшиво свистел.

— На полтона,— рискнул заметить король.

— Совершенно верно! На полтона! — поддержал Поп.

Его величество расплылся в улыбке и подумал: «Ах, как же быстро я стал специалистом!»

— Хорошо,— сказал он,— возьмите инструмент на вечер. Но завтра, смотрите, не опоздайте на конкурс.

— Ни в коем случае, ваше величество!

И тут самые смекалистые слушатели скажут:

— Стоп! Мы уже знаем, чем закончится эта история! Пип и Поп с полными шапками и карманами золота удерут за границу и будут себе жить там припеваючи.

Нет, история эта заканчивается не так.

— Ну тогда на конкурсе король будет играть на гитаре без струн. Никто ничего не услышит, но ему все равно дадут премию, чтобы он не сердился.

Нет, и это неверно.

На другое утро гитара снова исполнила «Фантазию Свистящего Шелкопряда». Народ слушал, открыв от изумления рот, и самые видные музыканты с восторгом заявили, что никто никогда не играл лучше короля. А он, счастливый и довольный, велел раздать всем золотые монетки и жареные орешки. Пипу и Попу он подарил две дюжины галстуков.

Дело все в том, что Пип и Поп были не только хорошими краснодеревцами, но и отличными электротехниками. Пип смастерил крохотный — со спичечный коробок — магнитофон и спрятал его в корпусе гитары. Когда король брал в руки инструмент,— а брал его только он, и горе тому, кто осмелится дотронуться до его гитары! — магнитофон включался. Словом, это была какая-то электронная чертовщинка, и объяснить ее устройство я не

берусь. Король ничего не заметил, потому что, как уже сказано, был не очень умен.

Вечером накануне концерта Пип и Поп забрали гитару домой, чтобы запаять один оборвавшийся проводок. Королева, камергер и даже придворный повар — а они были поумнее короля — подозревали, что тут кроется какая-то хитрость, как и в истории с новым платьем. Только королю лучше было и не говорить ничего дурного про его гитару. Он сразу же начинал возмущаться:

— Это все зависть! Вы злитесь, потому что вынуждены признать: я играю лучше вас! Вы хотите, чтобы никто больше не умел играть на гитаре — только вы!

Когда же он оставался один, то начинал сожалеть, что может исполнять только «Фантазию Свистящего Шелкопряда».

— Хорошо бы еще играть «Санта Лючия», — бормотал он. — Но ничего не поделаешь! Ведь я еще только учусь. Немного погодя я снова позову этих славных парней и, может быть, они научат меня еще чему-нибудь.

Вот так и случилось, что Пип и Поп смогли опять сколько угодно играть на своих гитарах. Когда сильные мира сего хотят, чтобы над ними посмеялись, нужно удовлетворить их желание.

Если же кто-нибудь из вас скажет: но ведь короля собирались проучить, а тут наоборот..., я на это отвечу так: нет большего наказания для невежды, чем оставить его в убеждении, будто он самый умный и самый образованный человек на свете, потому что в таком случае он останется невеждой навсегда.

Говорящая статуя

Король Мурландии Боемондо Третий, по прозвищу Справедливый, на самом деле был самым несправедливым и самым жестоким властителем, какой только правил когда-либо в этой несчастной стране. Жадный, он не устал придумывать новые налоги, чтобы умножать

свои богатства. Драчливый, он непременно раза два в год затевал войну с соседними королевствами. Подозрительный, он заполнял тюрьмы ни в чем не повинными людьми — стоило кому-нибудь шепнуть что-либо на ухо знакомому, как его тотчас обвиняли в заговоре против короля и бросали в подземелье крепости.

Но почему же тогда его называли Справедливым?

По алфавитной причине. Сейчас объясню. Дело в том, что в Мурландии издавна существовал обычай давать королям прозвища в алфавитном порядке. Первый король Вячеслав Первый, понятное дело, получил прозвище Августейший. Второй король выбрал себе прозвище, которое начиналось с буквы «б» — Благородный, но потом все узнали, что душонка у него мелкая и низкая. Третьего короля Роберто Первого прозвали Великолепным, хотя на самом деле он был страшнее жабы. Разумеется, у всех последующих королей прозвища были одно пышнее другого — Героический, Дальновидный, Могучий, Непобедимый, Отважный и так далее и тому подобное. Король, который должен был выбрать себе имя на букву «з», назвал себя Завоевателем, хотя за всю свою жизнь так ничего и не завоевал.

Когда же на престол взошел Боемондо Третий, настала очередь буквы «с». Придворные стали наперебой предлагать:

— Солнцеподобный!

— Спаситель!

— Светоносный!

А про себя, вспоминая недостатки короля, говорили: «Самодур! Себялюбец! Скоморох! Солдафон! Скорпион!..»

Боемондо решил быть Справедливым! И горе тому, кто забывал про это.

Однажды ему взбрело в голову поставить на площади памятник самому себе.

— Но только,— сразу же предупредил он,— это должна быть точная копия. Статуя, как и я, должна разговаривать, не только походить на меня лицом и фигурой.

Услышав королевский указ, лучшие скульпторы страны собрали пожитки и под покровом ночи поспешили к границе. Но покинуть родину им не удалось. Их схватили и доставили во дворец.

— Молодцы! Ай да молодцы! — ухмылялся король, сверля их взглядом.— Так-то вы почитаете своего монарха! Вы создали в свое время статую моего отца, статую моего

деда. Некоторые из вас даже высекли из камня кошек и собак. А статую Справедливого, значит, делать не хотите?

— Ваше величество,— осмелился возразить один из скульпторов,— невозможно сотворить говорящую статую. Мрамор безмолвен.

— А вы сделайте из железа, из дерева, из чего хотите, хоть из масла! Итак, за работу! Отныне вы будете сидеть в своих мастерских под стражей, пока не закончите монумент. Тот из вас, кто сумеет сделать говорящую статую, получит столько золота, сколько весит он сам вместе с нею. Другие, понятное дело, окончат свои дни в тюрьме. Вопросы есть?

О боже, какие тут могли быть вопросы! Слышна была только тихая дробь, словно барабанил град, это у некоторых скульпторов стучали от страха зубы.

Неделю спустя Боемондо начал обходить мастерские, желая лично проверить, как продвигается работа. А через месяц двери тюрьмы открылись и закрылись, впустив самого выдающегося скульптора Мурландии: он закончил статую короля, она была прекрасна, но говорить не умела. Вскоре один за другим составили ему компанию и все остальные скульпторы королевства. Боемондо кипел от возмущения:

— Скульпторы! Еще называют себя скульпторами! Это же бездари и негодяи, вот кто они! Я уж не говорю о том, что они, наверное, нарочно хотят позлить меня!

Однажды утром у ворот королевского дворца остановился какой-то странный посетитель.

— Как вас зовут? — спросили стражники.

— Густав.

— Не тот ли вы шарлатан, что торгует лекарствами от зубной боли и по базарным дням кривляется в балагане?

— Шарлатан? Я? Вы плохо расслышали мое имя. Я — Густав, самый знаменитый из врачей. А также музыкант, поэт, художник и скульптор.

— А что это вы притащили сюда на тележке? Что там под покрывалом?

— Это, уважаемые господа, говорящая статуя короля Боемондо Третьего, по прозвищу Справедливый. Не отнимайте у меня время и доложите его величеству.

— Как хотите. Только все это может плохо кончиться для вас. Неужели вы ничего не слышали про тюрьму и про скульпторов, которые сидят там?

— Исполняйте свой долг. Доложите Справедливому, а иначе пожалеете.

Стражники переглянулись, как бы говоря: «Мы предупредили. Но если ему хочется лезть в пасть к волку,— его дело».

Они провели Густава с его тележкой к королю, поклонились и пошли разносить по всему свету, что какой-то сумасшедший напрашивается в тюрьму.

— Ваше величество,— сказал Густав королю,— соблаговолите принять подарок от вашего самого преданного подданного.

Говоря так, он откинул покрывало, прикрывавшее статую, и король увидел... весы. Знаете, такие большие весы с площадкой, на которых взвешивают мешки, ящики и другие крупные предметы. Их называют еще десятичными весами.

— Что?! Что?! — вскипел монарх, указывая пальцем на весы.— Вы думаете, я потерплю... Вы думаете, что...— он задышался от гнева.

— Справедливый Боемондо! — воскликнул Густав, торжественно поднимая руку, словно собираясь дать клятву.— Вряд ли можно придумать что-либо, имеющее больше сходства с таким королем, как вы, чем эта статуя. Народы уже сейчас называют вас Справедливым, а потому будут читать о ваших деяниях в учебниках истории. Разве весы не лучший символ справедливости? Они отмеряют точный вес каждой вещи точно так же, как вы воздаете должное каждому своему подданному в зависимости от его заслуг и провинностей. Вы, сир,— Весы королевства, десятичные весы всего мира! Соблаговолите, между прочим, спросить статую о чем-нибудь, и она ответит вам.

Король подумал немного и обратился к весам с вопросом:

— Кто я такой?

Голос, звучащий словно из подземелья, но несомненно человеческий, ответил:

— Ты — Боемондо Третий, по прозвищу Справедливый, император Мурландии.

— Я действительно король этой страны, но не император.

— Сегодня — король, завтра — император! — продолжал голос.— Твое будущее мне известно лучше, чем тебе. Ты завоеешь новые царства. Твоя империя будет

простирается от одного моря до другого, от восточных гор до западных.

Король Боемондо хлопнул в ладоши, чтобы вошли придворные, которые подслушивали у дверей. Он был на седьмом небе от счастья, пританцовывал, смеялся, обнимал Густава и ласково поглаживал весы.

— Синьоры, — вскричал он, — посмотрите, наконец-то у меня есть говорящая статуя! И я буду императором! И моя империя будет простираться от восточных гор до западных!.. Да вы только послушайте, сами послушайте, что говорит эта статуя!

И, обращаясь к весам, он спросил:

— Так кто я такой?

— Ты — Боемондо Третий, по прозвищу Справедливый, император Мурландии, Брисландии и Мировии, великий герцог заморских земель, властелин семи пустынь, покоритель двух полюсов.

— И полюсов тоже? — удивился Боемондо.

— И северного, и южного. К тебе явятся воздать почести обитатели иных миров — с Луны и с других далеких планет.

— А когда же это случится?

— Раньше, чем ты можешь ожидать. Колесо судьбы придет в движение, как только ты вручишь великому скульптору заслуженную награду.

Густав, молча стоявший возле весов под растерянными взглядами придворных, поклонился:

— Ваше величество, с этим можно не торопиться.

— Нет, нет! — тут же возразил Боемондо. — Я хочу, чтобы тебе заплатили немедленно! Сколько ты вешишь?

— Раздетый или в одежде? — уточнил Густав.

— В одежде, в одежде. Мало того, вот возьми еще мою королевскую мантию и корону тоже держи. Эй вы там, давайте сюда ваши плащи. И ты вот, снимай сапоги!

Когда Густав, едва ли не погребенный под этой грудой роскошных одежд, расшитых золотом и серебром, встал на весы и хотел было назвать цифру, возле которой замерла стрелка, Боемондо жестом остановил его:

— Помолчи! Пусть это сделает моя статуя!

Густав закрыл рот, а весы произнесли:

— Сто шестьдесят килограммов девятьсот пятьдесят пять граммов. Мой вес — сто сорок килограммов.

— Сложите, — приказал Боемондо, — и сейчас же принесите сюда золото.

— Справедливый Боемондо,— произнес вдруг голос,— не кажется ли тебе, что ты что-то забыл?

— Что же, о, мое подобие, о, мой совершенный портрет?

— Ты — Справедливый,— продолжал голос,— но я хочу, чтобы ты был еще и Великодушным. Добавь к золоту телегу, чтобы погрузить его, и четверку быстрых коней из твоих конюшен.

— Да будет так! — приказал Боемондо.— Вы все слышали? Отныне меня следует называть Справедливый и Великодушный!

В считанные минуты золото было взвешено и погружено в телегу. Коней, выбранных самим королем, впрягли под его личным наблюдением. Боемондо сам помог Густаву забраться в телегу, расцеловав его в обе щеки. Густав сел на ящик с золотом, поднял в знак приветствия кнут, хлестнул лошадей, рванул поводья и исчез в облаке пыли под аплодисменты присутствующих.

— Быстрее, быстрее! — тут же заторопился Боемондо, потирая руки.— Пойдемте поговорим с моей статуей. Я хочу спросить у нее совета, на кого лучше напасть сначала — на Брисландию или на Мировию.

Когда весь двор собрался вокруг весов, король откашлялся и заговорил:

— Скажи-ка мне, Боемондо... Кстати, имей в виду, что теперь я буду называть тебя Боемондо, потому что ты — это я, а я — это ты. Так вот, скажи-ка мне, Боемондо, какую страну я завоюю прежде — Брисландию или Мировию?

Наступила такая тишина, какая бывает, когда слышны лишь удары собственного сердца. Сердце Боемондо стучало как боевой барабан. Но весы молчали. Стояли себе, огромные, тяжелые — серая металлическая площадка, коромысло с делениями и цифрами, медные гири,— стояли себе молча, как и любые другие весы, как самый обыкновенный неодушевленный предмет, который даже не подозревает о своем существовании.

— Боемондо,— сказал король, хлопая в ладоши,— не отвлекайся! Я же разговариваю с тобой. Ты слышишь меня?

Никакого ответа.

— Боемондо, послушай,— нетерпеливо настаивал король,— ты что, решил поиграть в прятки?

Но весы молчали. Придворные же зашептались:

— Странно, мы же своими ушами только что слышали, как они говорили!

— Ну да, и хорошо было слышно!

— И произносились какие-то невероятные вещи!

— Молчать! — загремел король. — И вообще вон отсюда! Наверное, Боемондо хочет говорить только со мной, по секрету. Он хочет сказать мне что-то такое, что вы не должны знать. Не так ли, Боемондо?

Весы не ответили, и король истолковал молчание как знак согласия. Придворные поспешили покинуть зал.

Когда они ушли, Боемондо начал ласково упрашивать весы. Он умолял их, заклинал ответить ему. Даже опустился перед ними на колени. Но весы оставались безучастными к его просьбам. И это понятно, ведь это были самые обыкновенные весы. Решив привести в исполнение свой план, Густав купил их накануне вечером за несколько монет у булочника. Вы ведь уже знаете, что Густав — шарлатан, зубодер, музыкант и так далее — был еще и чревовещателем, иными словами умел говорить с закрытым ртом, причем казалось, будто звук доносится извне. Так он заставил говорить и свою «статую», то есть весы.

Когда же король понял наконец, что его обманули, и приказал схватить Густава и доставить его живым или мертвым, шарлатан уже пересек границу на своей великолепной телеге, запряженной четверкой коней.

Вот почему в учебниках истории короля Мурландии Боемондо Третьего никогда не называют ни Справедливым, ни Великодушным, а только Одураченным.

Пудовичок и ПУШИНКА

Король одного королевства, проснувшись утром, сказал своему министру:

— Мне сегодня снились олени. Они подходили ко мне и брали корм прямо из рук. Хороший сон, хороший знак. Нужно немедленно отправиться на охоту. Прикажите конюхам — пусть седлают моего Морелло.

Конюх, который ухаживал за Морелло, был очень славный и трудолюбивый юноша. Звали его Желиндо. Конь у него всегда был холеный — ни единого насекомого от гривы до хвоста не отыщешь. Более старательного конюха и придумать трудно. Но этим утром, придя в конюшню, Желиндо не обнаружил Морелло. Где только ни искал его, нет коня и все тут. Кто-то слышал в полночь ржание, кому-то почудилось, будто хлопнули ворота.

— Видимо, украли.

Едва решились сказать об этом королю.

Король ужасно рассвирепел и приказал посадить конюха за решетку и, если через три дня Морелло не найдется, казнить Желиндо.

Министр снова пошел на конюшню, чтобы отправить конюха в тюрьму, но оказалось, что теперь и Желиндо пропал.

— Кто-то должен отвечать, — решил министр. — Посажу за решетку главного конюха, и пусть его ожидает судьба Желиндо.

А Желиндо, опасаясь гнева короля, прятался в городе у одного приятеля. Но когда узнал, что другой человек попал вместо него в тюрьму и может погибнуть, решил вернуться и принять наказание. Однако приятель отговорил его:

— Лучше поищи коня, — посоветовал он. — Найдешь — спасешь и главного конюха и себя.

— Да где же его искать?

— Моей жене сегодня снилось, будто кто-то галопом ускакал за Восточные ворота. Наверное, слышала во сне цокот копыт. Попробуй поищи в той стороне.

Желиндо сунул в мешок хлеб, бутылку вина и отправился в путь. Шел он, шел, а в полдень присел в тени дуба позавтракать и вдруг слышит чей-то голос:

— Вытащи меня отсюда! Вытащи меня отсюда!

Он осмотрелся и увидел неподалеку глубокую яму, а в ней маленького человечка, ростом не более полуметра, тощего, сухонького и ужасно сердитого.

— Что ты там делаешь?

— Ловлю крота. Вытащи меня отсюда, и я тебе все объясню.

Желиндо протянул руку, но вытащить человечка не смог. Пришлось ухватиться обеими руками и изо всех сил упереться ногами.

— Какой же ты тяжелый!

— Тяжелый. Я и сам это знаю. Я заснул тут в тени и продавил своим весом яму.

— Как тебя зовут?

— Пудовичок. А ты кто такой?

Джелиндо назвал свое имя и рассказал все о себе, так, мол, и так, иду туда-то и за тем-то.

— Пойду и я с тобой. Мне все равно делать нечего.

Джелиндо и Пудовичок шли весь день и на закате присели под смоковницей поужинать. Вдруг слышат:

— Снимите меня отсюда! Снимите меня отсюда!

— Да где ты? Где?

— Тут, на смоковнице!

Взглянули они вверх и видят — сидит на самой тоненькой веточке огромный, как две бочки, человек, а веточка даже не прогнулась под ним.

— Отчего же ты сам не прыгнешь?

— Не могу — я слишком легкий. Прилег под деревом и во сне взлетел сюда.

— Как тебя зовут?

— Пушинка.

— Подходящее имя.

Они сняли его с дерева и поделились хлебом и вином.

— Куда путь держите?

Джелиндо и ему рассказал свою историю.

— Пойду и я с вами. Мне все равно делать нечего.

И отправились они дальше втроем. Пудовичок и Пушинка все время держались за руки, и потому один не мог провалиться, а другой не мог взлететь.

К ночи добрались они до какого-то очень мрачного замка — темного и без единого окна.

— Не очень-то привлекательное убежище, — заметил Джелиндо, — да только поздно нам искать гостиницу. Попробуем переночевать тут.

Они подошли к воротам и хотели было позвать привратника, как вдруг подъемный мост со скрипом пошел вверх.

— Не хотят пускать нас! — сказал Джелиндо. — Ну-ка, друзья, за дело!

Пушинка подпрыгнул и уцепился за край моста, а Пудовичок ухватился за ноги Пушинки и своим весом заставил его опуститься вместе с мостом. Все трое направились в замок, но тут чей-то злой голос остановил их:

— Эй вы, нищие попрошайки! Что вам здесь надо? Можете переночевать и в навозной куче!

В воротах замка стоял высокий худой человек в черном плаще. Остроконечная шапка его была разрисована какими-то странными знаками.

— Осторожнее,— шепнул Пушинка Джелиндо.— Должно быть, это колдун!

А Джелиндо взволновало другое. Ему показалось, будто откуда-то издалека донеслось ржание Морелло. Он внимательно прислушался, но никому ничего не сказал и вежливо приветствовал хозяина замка, отвесив ему низкий поклон.

— Мы бедные путники. Нам немного и надо-то — миску похлебки да соломенную подстилку.

— Вы, должно быть, приняли меня за хозяина гостиницы. Да будет вам известно, что я могущественный колдун и у меня нет тут никаких соломенных подстилок, а есть только хорошие матрацы.

Колдун пустил путников на кухню и налил им остатки лукового супа. А потом отвел в комнату на самом верху башни, указал на постели и ушел, заперев дверь на три замка.

Друзья улеглись спать. Пушинка привязал свою руку к кровати, чтобы не взлететь. А Пудовичок подвязал свою руку к балке на потолке, чтобы не провалиться. Минуту спустя оба дружно захрапели. А Джелиндо не мог уснуть и все прислушивался. Глубокой ночью он снова различил далекое ржание и понял, что конь спрятан в подземелье.

— Это Морелло, нет сомнения! Как освободить его?

Он всю ночь ломал голову, но так и не придумал, как заставить колдуна вернуть коня.

Рано утром хозяин замка разбудил их:

— Вставайте,— приказал он,— и проваливайтесь отсюда! Меня ждут дела.

— Наверное, нужно кого-нибудь заколдовать? — заинтересовался Джелиндо.— Вы, ваша милость, должно быть, самый могущественный из чародеев?

— Ты угадал,— ответил тот, польщенный его словами.— А кто еще мог бы распознать в обыкновенном коне из королевской конюшни коня крылатого?

— Прекрасно,— заметил Джелиндо,— выходит, теперь Морелло сможет летать...

— Сможет, сможет летать! — ответил хозяин замка.— Колдовство почти завершено. Осталось только вырвать по волоску из гривы и хвоста... Но... Откуда ты знаешь Морел-

ло? Кто ты такой? Кто вы все такие? И что вам здесь надо? Ага, понимаю! Вы нарочно проникли в мой замок... Хотите украсть коня! Ну так я вам сейчас покажу!

И он хотел уже произнести какое-то заклинание, но тут Пудовичок наступил ему на ногу и придавил ее всем своим весом. Колдун вскричал от боли.

— Понял,— сказал он,— вы хотите побороться! Ну, что же, давайте!

— Только по-честному! — предупредил Джелиндо.

— Конечно, конечно, по-честному. Кто победит, тот и заберет Морелло.

Они спустились в зал. Колдун позвал слугу и велел принести весы.

— Посмотрим, кто из нас тяжелее! — усмехнулся он.

— Согласен,— сказал Джелиндо.— Выбирайте любого из нас.

Колдун посмотрел на Джелиндо, потом на толстяка, который стоял слева от него, и на карлика, стоящего справа.

— Я выбираю этого! — решил он и указал на маленького Пудовичка.

Джелиндо поклонился. Колдун встал на весы, прошептал заклинание, и слуга принялся накладывать гири. Центнер, два центнера, три... Когда набралось десять центнеров, колдун соскочил с весов и рассмеялся:

— Ну, а теперь посмотрим, на что вы способны!

Пудовичок поставил на весы только одну ногу. Центнер, два, десять... Когда набралось шестнадцать центнеров, он снял ногу с весов и шмыгнул носом.

У могучего колдуна искры посыпались из глаз.

— Хорошо, ваша взяла! Первый раунд вы выиграли,— сказал он.— Ну а теперь посмотрим, кто весит меньше!

Он приказал принести другие весы. На одну чашу он положил перышко, а на другую уселся сам. Перышко оказалось тяжелее.

— Ну а теперь садись ты! — сказал колдун, обращаясь к толстяку. Он опять не сомневался в успехе. А Пушинка взял перышко, разрезал его на десять частей, отбросил в сторону девять и положил на весы только одну десятую часть. Потом прыгнул на другую чашу, и тот кусочек перышка оказался таким тяжелым, что Пушинка подлетел к самому потолку и набил себе шишку на макушке.

Колдун, который в этой игре еще никогда не терпел поражения, бросился им в ноги и стал умолять:

— Я отдам за Морелло все мои сокровища!
— Нет, мне нужен только конь! — ответил Джелиндо.
— Я отдам вам мой замок и мои земли! — продолжал колдун.

— Отдай Морелло, больше мне ничего не надо!
— Отдам волшебную палочку!

Ничего не помогло — пришлось колдуну распрощаться с радужной надеждой стать с помощью крылатого коня самым богатым и могущественным человеком на земле.

Джелиндо и Пушинка уселись на Морелло, Пудовичок побежал следом, и друзья двинулись в обратный путь. На радостях они совсем забыли что с помощью хитрости могли превратить Морелло в крылатого коня.

Во дворе король устроил им праздничную встречу. Он освободил главного конюха, обнял Джелиндо и сказал:

— Хочу вознаградить тебя по заслугам. Вижу, с тобой пришли друзья. Один из них толстый, как две бочки. Я дам тебе столько золота, сколько он весит. Доволен?

— Ваше величество, — ответил Джелиндо, — вы слишком добры, но столько мне не нужно. Дайте сколько весит тот мой друг, что невелик ростом.

Король обнял его еще горячее. Он был жадным и уже пожалел, что наобещал слишком много. Принесли весы. Маленький Пудовичок встал на них, и люди, столпившиеся вокруг, рассмеялись. Многие говорили, что Джелиндо просто дурак — не сумел поймать фортуны за хвост, окажись они на его месте...

Но когда королевский казначей начал класть золото на весы, люди снова засмеялись, только теперь по другой причине. Оказывается, понадобилась половина королевской казны, чтобы чаша весов, на которой сидел Пудовичок, сдвинулась хоть на чуточку. Король побледнел и принялся теревить бороду.

Наконец он не выдержал и вскричал:

— Взять этих мошенников и отправить в тюрьму!

Вот тут Джелиндо очень кстати вспомнил о словах колдуна. Он вырвал волос из гривы Морелло, вырвал другой из его хвоста, вскочил на коня и... Морелло взлетел! Пушинка подпрыгнул и тоже уселся на него, а Пудовичок успел ухватиться за ноги Пушинки. И все, кто был во дворце, остались с носом, увидев, как высоко над крышами города летит прекрасный крылатый конь, унося Джелиндо, Пудовичка, Пушинку, а с ними вместе и весы, нагруженные золотом.

Солдатская Гармошка

Шел однажды с войны солдат, шел задумавшись, и мысли у него были невеселые: «Столько лет провел я вдали от родного дома, столько пережил опасностей, сотни раз смотрел смерти в лицо, а теперь вдобавок потерял все свои деньги — не заметил дырку в кармане! Ну можно ли быть несчастнее!»

И тут увидел он какого-то старичка, сидевшего на камне возле дороги. Старичок протянул руку и попросил:

— Не подашь ли, солдатик, хоть сольдо?

Солдат рассердился:

— Ты что, смеешься надо мной? Спорим, если вывернуть наши карманы, ты окажешься богаче меня!

— Спорим! И разделим все, что найдем, пополам, идет?

— Идет!

Солдат даже обрадовался. «У меня ничего нет,— думал он,— а у него, раз он просит милостыню, хоть несколько монет да найдется».

Старичок вывернул свои карманы — в них оказалась только маленькая губная гармошка. Солдат в свою очередь пошарил у себя в карманах — в брюках, в куртке — и вдруг обнаружил затерявшуюся серебряную монету.

— Веселенькая история! — удивился он. — Я уже два дня хожу голодный — потерял деньги, а тут, на тебе, целый клад.

— Ну что,— усмехнулся старичок,— кто из нас богаче?

— Не знаю, что и сказать тебе,— ответил солдат. — Но договор есть договор. Давай делить пополам. Вон вдали я вижу остерию. Пойдем туда, перекусим и получишь что полагается.

Пошли в остерию, поели, попили. Старичок сыграл на гармошке песенку. Словом, стало им обоим повеселее. И прежде чем отправиться дальше, солдат сказал:

— Вот все, что осталось. Возьми себе все деньги, а мне и так хорошо.

— Нет, нет, это слишком много. Поделим поровну, как решили.

— Я сказал бери, значит, бери. На, держи! Вечером я уже буду дома и обойдусь.

— Ладно, пусть будет по-твоему. Но взамен возьми мою гармошку.

Солдат сунул гармошку в карман, попрощался со старичком и ушел. Вечером он свернул с дороги в лес, чтобы собрать немного ежевики, и вдруг наткнулся на трех разбойников, прятавшихся в кустах.

— Мама дорогая! — испугался солдат.

Разбойники со злобой посмотрели на него, и один из них гаркнул:

— А ну-ка, солдат, проваливай отсюда, да живее! Сразу видно, что у тебя дыра в кармане и взять с тебя нечего. Только зря под ногами путаешься.

Солдат поспешил прочь. А выйдя на дорогу, увидел приближавшийся дилижанс. Кучер хлестал лошадей, звенели колокольчики, и никто из пассажиров, конечно, не подозревал, какая их ждет опасность.

«Сейчас разбойники нападут на дилижанс,— подумал солдат.— Но что я могу сделать? Да и какое мне дело?»

Желая показать, что ему все трын-трава, он сунул руки в карманы и вдруг нащупал гармошку.

«Вот и кстати,— решил солдат,— с музыкой и путь короче покажется». Он поднес гармошку к губам и заиграл веселую песенку. Как раз в это время разбойники выскочили из-за кустов с оружием в руках и заорали:

— Стоп! Ни с места! Кошелек или жизнь!

Солдат между тем продолжал играть, словно ничего не случилось. Кучер остановил лошадей. И тут произошло нечто странное — разбойники растерянно переглянулись, и вдруг все трое галантно раскланялись перед дилижансом. Один из них быстро сорвал несколько маргариток и преподнес букет перепуганной синьоре, выглядывавшей в окошко.

— Мое почтение, уважаемая синьора! — сказал он.

Тогда и другие разбойники принялись собирать цветы и дарить их женщинам. Мужчин они угостили вином из своих фляжек, ошеломленному кучеру дали скудо и все время не переставали кланяться и приветствовать путешественников.

«Странные какие-то разбойники,— подумал солдат, продолжая на всякий случай играть.— Еще минуту назад мне казалось, они готовы были убить меня. Ну да ладно, какое мне до них дело!»

Дилижанс отправился дальше, а разбойники еще долго приветливо махали ему вслед шапками.

К вечеру солдат добрался до своего села. И на самой окраине увидел драку. Двое мужчин кидались друг на друга с ножами — и вот-вот убьют один другого.

Солдат снова поднес гармошку к губам. «Меня это не касается,— решил он,— я вовсе не хочу, чтобы завтра меня вызвали свидетелем. Я иду своей дорогой и ни во что не стану вмешиваться».

Но как только драчуны услышали звуки гармошки, они сразу же побросали свои ножи и кинулись в объятия друг другу. Женщины в испуге закричали:

— Убивают! Убивают!

Но какое там убивают: мужчины обнимались, целовались и клялись в вечной дружбе.

«Все хорошо, что хорошо кончается!» — подумал солдат.

Он пришел домой очень довольный, обнял жену и детей, с удовольствием поужинал и только расположился отдохнуть у очага, как вдруг пришла соседка и потребовала вернуть ее петушка.

— Откуда я знаю, где бродит твой петушок! — ответила ей жена солдата.

— Но это ты украла его!

— Я? Да ты думаешь, что говоришь?!

— Ты воровка и обманщица!

Еще мгновение и женщины от слов перешли бы к делу, но тут солдат по рассеянности дунул в гармошку.

Соседка тотчас преобразилась:

— Дорогая моя!... Милая моя!...

Она не переставала извиняться. Более обходительной и любезной особы, казалось, не найти на всем белом свете.

Теперь-то солдат догадался, в чем было дело. Гармошка, которую ему подарил старичок, оказалась волшебной: кто слышал ее, сразу же становился добрым и вежливым человеком, даже если минуту назад он готов был убить родного брата.

«Не гармошка,— подумал солдат,— а миротворец какой-то!»

Открытие это очень обрадовало его. Только он решил никому ничего не говорить, опасаясь, что гармошка вдруг потеряет свою силу и тогда над ним станут смеяться.

При каждом удобном случае солдат пускал в ход свой волшебный инструмент. И вскоре обнаружил еще более странную вещь: гармошка не только помогала сразу же положить конец всем распрям и пререканиям, но, к немалому удивлению родных и знакомых, навсегда меняла характер тех, кто хоть однажды слышал ее...

Тогда солдат подумал: «Если в родном селе все люди станут добрыми и великодушными, нужно будет пойти с моей гармошкой и по другим селам, чтобы полечить людей. Только что сказать жене? Как объяснить ей, почему я уйду?

Поразмыслив, он приобрел тележку, купил всяких разных товаров — нитки, иголки, ленты, кружева — и стал бродить по всей округе. И куда бы ни пришел, сразу же начинал играть на гармошке.

Женщины смеялись:

— Хитер кум! Веселит своей музыкой, чтобы нам легче было выкладывать денежки!

Он тоже смеялся, но не покидал село, пока не обойдет все улицы и не сыграет маленькую серенаду в каждом дворе, у каждой изгороди, у любого балкона — всюду, где его могут услышать люди.

Побывав во всех окрестных селах, солдат решил отправиться в город. Он впервые оказался здесь и удивился, какой же город большой и шумный. С грохотом носились по рельсам трамваи, а машины словно гонялись друг за другом по улицам, лишь иногда замирая перед светофором. Свою тележку солдат оставил во дворике на окраине и теперь брел по городу в полной растерянности. Иногда он подносил гармошку к губам, но музыка, грустная, как и его настроение, терялась в уличном шуме. Некоторые, приняв солдата за нищего, торопливо совали ему в руки монетку, но большинство попросту не обращали на него внимания. И все же солдат продолжал играть.

«Вот этот человек извинился. Должно быть, он услышал гармошку, — с надеждой думал он. — Кому-то и здесь я оказался полезен».

Только теперь прекрасный план изгнать из мира зло, насилие, несправедливость, все, что только есть дурного, казался ему неосуществимой мечтой, по-детски наивной, возникшей по незнанию жизни. Но когда у него уже сов-

сем опустились руки, судьба неожиданно улыбнулась ему. Один режиссер телевидения задумал пригласить на свою передачу разных необычных людей и теперь в поисках их ездил по городу.

— Понимаете,— убеждал он начальство,— в современном городе тоже можно найти немало людей, которые словно сошли со страниц старинных книг. Например, точильщик или трубочист. Или нищие, которых, как и в старину, сопровождают ученые собаки с шапкой в зубах. И бродячие музыканты, которые играют на дудочке, на окарине или цитре — этих старинных инструментах. И всем будет интересно посмотреть на них, послушать хоть немного...

— Ладно, делайте передачу, но не больше чем на двадцать минут.

Когда солдат вдруг услышал обращенный к нему вопрос: «Не хотите ли выступить с вашей гармошкой по телевидению», он даже не понял, что это такое, и попросил объяснить. А уяснив в чем дело, очень обрадовался, потому что у него возникла блестящая мысль.

— Вы говорите, меня услышат миллионы людей?

— Миллионы. По всей стране. А вы сыграете печальную песенку, которую я только что слышал. И вам еще неплохо заплатят.

— Что? Нет, мне не нужны деньги. Я и так рад сыграть. Просто счастлив сделать это!

По какому-то совпадению — как это получилось и почему, было бы слишком долго объяснять — на следующий вечер должно было состояться открытие Всемирного Телевидения. Каждой стране отводилось в этой большой передаче пять минут. Руководители телевидения, посмотрев на солдата с его гармошкой, решили показать в эти пять минут именно его.

— Такого сюжета не будет ни у кого! И все позавидуют нам!

— Прекрасная мысль! Посмотрим, что придумают американцы и русские, чтобы удивить зрителей. А нас по меньшей мере два миллиарда человек будут слушать затаив дыхание, ведь гармошка такая крошечная, что едва слышна. Ах как это поэтично! Поверьте, будет огромный успех!

Солдат понимал только одно — его гармошку услышат «во всех концах света», и тогда всюду исчезнут злоба, ненависть, соперничество, насилие, и на всех континентах

земли воцарятся дружба и мир. Какой прекрасный случай! Солдат почувствовал, что сердце его стучит громко-громко, прямо как барабан.

— Успокойся, успокойся! — приказал он себе. — А то даже не сможешь сыграть.

А потом... То, что произошло потом, было до обидного нелепо. Свой драгоценный инструмент солдат не решался носить в кармане — вдруг потеряется, как потерялись когда-то деньги. Поэтому он все время держал его в руках. Когда же он сажился вместе с режиссером телевидения в машину, чтобы отправиться в студию, тот нечаянно толкнул его, и солдат выронил гармошку. Она ударилась о дверцу машины, отлетела в сторону и провалялась в люк для сточной воды.

Солдат пришел в отчаяние. Он бросился на землю, сунул руку между прутьями решетки, накрывавшей люк, но... Глубоко-глубоко внизу, в темноте, еле заметно поблескивала вода.

— Скорее, скорее! — торопил его режиссер. — Что вы там ищете? Поехали, а то опоздаем!

...С тех пор прошло много лет. Но солдат все еще ищет свою волшебную гармошку. Он бродит по страшным лабиринтам канализационных туннелей, преодолевая отвращение и сражаясь с крысами. Он обошел уже все подземелье города. Но напрасно. Крохотный инструмент по-прежнему лежит где-то и ржавеет.

Солдат выбился из сил, постарел.

— Помогите мне, — просит он, — помогите найти мою гармошку! Вы ведь не знаете...

— А что, она золотая? Или, может, усыпана бриллиантами?

Люди смеются ему прямо в лицо.

— Память о бабушке?

Солдат безутешно качает головой. И снова отправляется на поиски. Он не имеет права уставать. Не имеет права уставать и терять терпение человек, который может сделать мир лучше и добрее.

Зеркальное отражение

Послушайте мой совет: не стройте рожицы перед зеркалом — оно может отомстить вам. Призадумайтесь над случаем, который произошел с доктором Поликарпо Робивекки. Поистине поучительный случай.

Однажды в девять часов утра доктор Поликарпо, известный всему городу Кастельбакко зубной врач, вошел в кафе «Италия». Вполне естественно, скажете вы, никого не удивит, что зубной врач вошел в кафе и заказал себе кофе. Но все дело в том, что доктор Поликарпо был в пижаме и, подойдя к кассирше, показал ей язык, отчего кассирша упала в обморок, официант побледнел, а хозяин кафе «Италия» позвонил в «Скорую помощь»!

— Алло! Приезжайте быстрее! Наш славный дантист, должно быть, сошел с ума от жары!

Самые отважные посетители кафе подошли к доктору, взяли его под руки и попытались образумить, но в ответ он только показывал язык. Машина «скорой помощи» тотчас выехала из больницы, но до кафе так и не добралась, потому что уже на полпути вынуждена была остановиться — огромная толпа запрудила всю улицу.

— Дорогу! Дорогу! Мы спешим к доктору Робивекки!

— Да он же здесь, доктор Робивекки!

— Где?

— Да вот же, смотрите!

И в самом деле, славный дантист стоял посреди толпы в одной майке, в брюках с болтавшимися подтяжками и старательно чистил зубы особой щеточкой, но каждую минуту останавливался и показывал язык или же, прижав большой палец к кончику носа, помахивал остальными четырьмя, иными словами «делал нос», как бы говоря: «Ишь, чего захотел!»

— Бедняга! — воскликнули санитары. — Он и в самом деле сошел с ума!

Они хотели было посадить его в машину, как вдруг на улицу выбежал хозяин табачной лавки и закричал:

— На помощь! Он сошел с ума!

— Кто?

— Наш бедный дантист! Он там, у меня в лавке. Стоит в одних трусах и ковыряет в носу.

В последующие десять минут в городе были обнаружены еще двадцать четыре экземпляра доктора Поликарпо Робивекки — один в пестром халате, другой в пеньюаре и так далее. Все в разных одеждах, но в основном домашнего назначения. Почти все кривлялись и гримасничали так, что и описать невозможно. Словом, творилось такое, отчего весь город Кастельбакко пришел в необычайное волнение, как в ярмарочный день.

Шум на улице вынудил выглянуть в окно даже служанку доктора Поликарпо, пожилую синьору Розу, и она немедленно получила необходимую информацию от соседей.

— Ваш хозяин...

— Что мой хозяин?

— Бедняга, посмотрите на него!

— Нет, вы туда посмотрите!

— Да не туда, а вниз!

— Боже милостивый, сколько же их!

— Но как же так? — возмутилась синьора Роза. — Мой хозяин у себя в кабинете вырывает зуб мудрости супруге мэра.

— Тогда кто же это вон там?

— А там кто?

Синьора Роза поспешила к хозяину.

— Синьор доктор, происходят невероятные вещи! Прямо конец света!

— Не мешайте, Роза, вы же видите — я занят.

— Ради бога, подойдите скорее к окну и посмотрите! Речь идет о вашей репутации!

Славный доктор не пожелал прислушаться к голосу разума. Он закончил свою работу во рту супруги мэра, проводил ее до дверей, как всегда, любезно раскланялся с нею и... поспешил подхватить ее, потому что она потеряла сознание. От боли? Ничего подобного. Просто, повернувшись к лестнице, она увидела, что навстречу ей поднимается другой Поликарпо Робивекки — в плавках.

Доктор отнес супругу мэра в свой кабинет, уложил на диван, поручил синьоре Розе привести ее в чувство и обернулся к незваному гостю:

— Кто вы такой? Откуда вы взялись? Что вам здесь нужно?

— Мне? Но я же доктор Поликарпо Робивекки, дантист.

— Я тоже! — закричал кто-то на лестнице.

— И я! И я! — раздалось на улице за окном.

У входа в дом стоял целый взвод докторов Робивекки.

— Что это еще за шутки! — вскипел настоящий доктор.

— Никаких шуток! — ответил доктор Робивекки в ночной рубашке. — Мы все тут вполне серьезные люди.

— Очень приятно, — вздохнул настоящий доктор, — но было бы еще приятнее, если б кто-нибудь из вас любезно объяснил мне, что означает этот маскарад?

— Никакого маскарада, уважаемый коллега.

— Коллега?

— Ну, конечно. Или вы не дантист? А если дантист, значит, и мы тоже. Потому что мы — это вы, любезный доктор. Так что давайте перейдем на ты. Мы — это ты. Мы — твои отражения. Все мы вышли из зеркал, в которые ты когда-либо смотрелся у себя дома, у друзей, в гостинице, в пансионате, в кафе, в зале ожидания на вокзале.

Словно в подтверждение этого признания, в комнату вошел доктор Поликарпо в дорожном костюме, в шляпе, с зонтом, с черной сумкой через плечо и... с высунутым языком.

— Что это вы ходите с высунутым языком?

— Смотрюсь в зеркало на вокзале в городе Ночера-Умбра.

— А что, разве обязательно высовывать язык, когда смотришься в зеркало.

— Не знаю, обязательно ли. Но вы это делаете. Всюду, где только есть зеркало, высовываете язык, кривляетесь и гримасничаете.

— Да! Да! Именно так! — хором поддержали многочисленные Робивекки. — Гримасничаешь и кривляешься перед зеркалами, когда думаешь, что тебя никто не видит. Зеркалам это надоело, и вот к чему это привело.

— Вы все вышли из зеркал?

— Именно.

— Допустим. Ну а что же вы хотите от меня?

— Для начала, — сказал доктор, разгуливавший босиком, — если учесть, что уже почти полдень, мы хотели бы поесть.

— Здесь, у меня дома?

— А почему бы и нет? Это ведь и наш дом.

— Спагетти по-сицилийски хотите?

— Хотим! — дружно ответили все собравшиеся доктора, которых теперь уже насчитывалось тридцать два. Настоящий доктор рухнул на диван, забыв, что там лежит супруга мэра, ожидающая, пока ее приведут в чувство. Синьора вскричала, вскочила и бросилась бежать, вопя так, словно ей рвут зуб без наркоза.

— Роза! — позвал доктор.

— Что прикажете, хозяин? — спросила служанка, дрожа от страха.

— Спагетти по-сицилийски для всех...

♦ — Боже милостивый, синьор доктор! Но у меня нет такой огромной кастрюли!

— Займите у кого-нибудь!

— Bravo! Только так и надо разговаривать с прислугой — четко, строго и категорично!

В доме не было даже подходящего стола, за которым могло бы уместиться столько гостей. Но дантисты не потеряли чувство юмора. Некоторые уселись прямо на пол, другие расположились в спальне, трое или четверо устроились на балконе, и все пообедали с большим аппетитом.

— А как насчет кофе?

— Кофе, кофе!

— А насчет винца?

— Винца, винца!

Истинный доктор почувствовал вдруг, что ему надо охладить разгоряченное лицо, и прошел в ванную, переступая через свои отражения, оккупировавшие прихожую и болтавшие о том о сем. Открывая кран, доктор машинально взглянул в зеркало, висевшее над умывальником, и высунул язык, чтобы осмотреть его. Тотчас же из зеркала выскочило его отражение в такой же белой рубашке, как у него, и присоединилось к остальной компании как раз вовремя, чтобы выпить кофе.

— Выходит, зеркала объявили мне войну! — горестно заключил доктор Поликарпо. — Ну что ж, надо принимать меры.

Он вытер лицо и руки, продолжая размышлять, как же быть. Наконец ему показалось, что он уловил нужную мысль. Он улыбнулся и, взглянув в зеркало, состроил себе рожицу. В то же мгновение его отражение выпрыгнуло

из зеркала на пол, ответив ему такой же рожицей, и принялось разминать ноги.

Выйдя из ванной, доктор объявил своим отражениям, что должен ненадолго уйти. Он вышел из квартиры, запер дверь на ключ и помчался на вокзал, не обращая внимания на прохожих, которые с удивлением смотрели вслед ему и спрашивали, не в сумасшедший ли дом он торопится. Доктор Робивекки сел в первый же поезд, который отправлялся в Неаполь, и, приехав туда, поспешил к приятелю.

— Ни о чем не спрашивай меня! Найдется у тебя в доме темная комната без единого зеркала? Могу я пожить в ней два-три дня?

— Комната есть и жить там ты можешь сколько тебе угодно. Только скажи мне все-таки, что с тобой стряслось? Может, я могу помочь тебе?

— Извини, но я все расскажу потом.

Запершись в комнате, доктор Робивекки испустил вздох облегчения.

— Теперь я могу быть уверен, что не отражаюсь ни в одном зеркале. И зеркала тоже не знают, где я. И если моя идея сработает...

Идея сработала. Все отражения, которые были заперты у него дома, попили, поели и спустя некоторое время стали замерзать.

— В чем дело? Наверное, тут сильно сквозит! Закроем окна!

Закрыли окна, но теплее не стало, пожалуй, даже наоборот — холоднее. Кое-кто из уважаемых докторов уже терял сознание.

— Мне плохо!

— Это видно, ты таешь прямо на глазах.

— Но и ты, дорогой мой, стал почти прозрачным.

— Что происходит?

— Я думаю, наш славный Поликарпо сыграл с нами какую-то злую шутку. Где он? Никто не знает. А какое-нибудь новое отражение появилось?

Нет, не появилось. И отражения, лишившись оригинала, благодаря которому они возникали, один за другим начали таять, исчезать, растворяться в воздухе словно дым. Вот не стало одного, другого, третьего... К вечеру сохранилось всего двенадцать отражений. Ночью не стало еще девяти... Утром исчезли и три последние — они растаяли в воздухе, даже не издав стога.

Синьора Роза внимательно осмотрела все комнаты, заглянула во все шкафы и под кровати и не нашла никого.

— Надо предупредить доктора, что они ушли.

Спустя два дня доктор объявился сам.

— Есть еще? — спросил он по телефону.

— Даже тени не осталось, синьор хозяин!

— Хорошо, тогда возвращаюсь. Только послушай меня как следует — завесь все зеркала, какие есть в доме! Некоторое время я буду бриться на ощупь.

В сущности, если разобраться, так ли уж нужны эти зеркала? Чтобы узнать, красивы ли мы, симпатичны ли, достаточно закрыть глаза и спросить об этом свою душу и сердце.

Пастух и фонтан

Жил однажды высоко в горах Абруццо молодой пастух. Жил он в простой хижине и целыми днями пас своих овец. Пастух никогда не спускался с гор и не знал, как живут другие люди. Нередко он жаловался самому себе:

— Эх, узнать бы, как живут другие люди, может, и я сумел бы разбогатеть!

Однажды утром подошла к его хижине какая-то старушка. Услышала она, как он что-то бормочет и спрашивает:

— На что жалуешься, пастушок?

— Да вот, не знаю я, как живут другие люди. Неужели мне так и суждено всю жизнь оставаться бедняком?

— Сделай для меня одно доброе дело, и я научу тебя, как разбогатеть.

— Одно доброе дело? Да хоть семь!

Дальше семи пастух считать не умел, потому что у него было только семь овец.

— Тогда спустись вниз, в город Аквилла, — сказала старушка. — Там найдешь фонтан с девяноста девятью струями. Сосчитай их, вернись сюда, скажи, сколько струй, и я помогу тебе.

— А кто же будет пасти моих овец?

— Уж так и быть, присмотрю за ними. Но я в силах пасти только шесть овец. Седьмую тебе придется взять с собой.

Юноша поблагодарил старушку, взял седьмую овцу и отправился в Аквиллу.

Добрался он до города утром. День был базарный, и пастух как зачарованный смотрел на людей, которые оживленно спорили и торговались, на животных, которых привезли на продажу и держали в загоне, на прилавки, на которых были выложены всякие товары.

— Если другие люди живут так, как в Аквилле;— решил пастух,— это просто замечательно!

Тут подошел к нему какой-то торговец и спросил, продается ли его овца.

— Не знаю, продается ли,— ответил пастух.— Это моя овца, и до сих пор она никогда не болела.

Торговец понял, что попал на простачка. Но это был честный человек, и он не стал обманывать пастуха, а предложил за овцу столько, сколько она стоит. И пастух, никогда не видевший так много монет, согласился. Он завернул деньги в платочек и едва ли не бегом пустился обратно в горы, но вдруг вспомнил поручение старушки. Он узнал у прохожего, где найти фонтан с девятию струями, и направился к нему.

Какая красота! В центре площади находился круглый фонтан, и изо всех его трубочек высоко к небу взлетали чистые, прозрачные струи. А когда падали на землю, то казалось, что они бегут друг за другом по кругу. Если в стране фей есть фонтан, то, конечно, именно такой, сказочный.

Налюбовавшись прекрасным зрелищем и послушав шум падающей воды, пастух принялся считать струи фонтана. К сожалению, он умел считать только до семи. Дойдя до семи, он принялся считать сначала и так до тех пор, пока не обошел весь фонтан. Наконец, очень довольный, он вернулся в горы, поблагодарил старушку, которая пасла его овец, и рассказал обо всем, что случилось с ним в городе.

— А струи сосчитал? — спросила старушка.

— Конечно! Семь штук!

— Сын мой, ты ошибся. И я, увы, не могу помочь тебе разбогатеть.

Пастух так огорчился, что чуть не расплакался.

— Через семь дней я опять приду сюда. И ты снова сходишь в город и посчитаешь струи фонтана с девяноста девятью струями. Сосчитаешь правильно — помогу.

Ровно через семь дней старушка снова появилась у пастуха:

— Сегодня я тоже могу присмотреть за твоими овцами. Иди в Аквиллу и сделай все, как я сказала. Но одну овцу заведи с собой, потому что я стара и в силах пасти только пятерых.

Пастух взял шестую овцу и быстро спустился вниз, в город. Снова был базарный день, и пастух опять повстречал прежнего торговца, который спросил его:

— Продается твоя овца?

— Продается, — ответил пастух. Теперь он уже знал, что означают эти слова.

— Молодец! — сказал торговец. — Покупаю за ту же цену!

— Нет, — возразил пастух, — теперь вы должны дать мне немного больше, чем в прошлый раз, потому что я теперь кое в чем разбираюсь и знаю, как живут другие люди.

Торговец посмеялся и добавил несколько сольдо. Пастух, очень довольный, завернул монетки в платочек, пошел к фонтану с девяноста девятью струями и опять принялся считать их. Дошел до семи и остановился. К счастью, рядом оказался какой-то мальчик.

— А что идет после семи? — спросил его пастух.

— Восемь.

— А после восьми?

— Девять.

Так они и считали дальше вместе. Но мальчик умел считать только до двадцати. Для пастуха это была огромная цифра. Радостно улыбаясь, он вернулся в горы, и еще издали, помахав старушке, крикнул:

— Двадцать!

— Сын мой, ты опять ошибся. Мне очень жаль, но я ничего не могу сделать для тебя. Вернись через семь дней.

Неделю спустя все повторилось — пастух спустился в город, продал пятую овцу и стал считать струи. Но дойдя до двадцати остановился, потому что не умел считать дальше. К счастью, это заметила одна девушка — очень славная девушка, которая умела читать и писать и вдобавок была очень приветлива. Она пожалела растеряв-

шегося пастуха и помогла ему сосчитать все струи фонтана. — Вот чудеса-то! Их оказалось ровно девяносто девять!

На этот раз пастух был уверен, что не ошибся. Он поспешил обратно в горы, но старушки там уже не было. Четыре овцы мирно паслись сами по себе и ничего не могли ответить на его вопросы. Только блеяли: «Бе-е-е-е! Бе-е-е-е!» и продолжали щипать траву.

Пастух не знал, что и думать. Впрочем, он не так уж и огорчился. Ведь теперь у него были деньги, полученные от продажи овец, он умел считать до девяноста девяти, и он знал, как живут другие люди. У него накопилось столько впечатлений, что едва не раскалывалась голова. И я готов спорить, что вы уже знаете, чем закончится эта история.

Знаете, что пастух, научившись считать и узнав, как живут другие люди, на этом не остановился. Он много учился и сам стал учителем. Перебрался в город, женился на той славной девушке, которая умеет читать и писать и, когда у них подрос сын, он привел его к фонтану с девяноста девятью струями и начал его учить совсем так же, как когда-то учился сам — считая и пересчитывая эти девяносто девять чудесных хрустальных нитей.

Пуговкин домик

Жил однажды плотник, которого все звали Пуговка. Может быть, его звали еще Джакомо или Наполеоне, но Пуговкой его прозвали так давно, что теперь никто уже и не помнил настоящего имени, даже он сам.

Жил он в бедном-пребедном селе, где у людей не было денег, чтобы покупать новую мебель. И если в этом году кто-нибудь заказывал ему стол и четыре стула, то в следующем только табуретку.

- А шкаф вам не нужен?
- Это же очень дорого!
- А комод?

— Нет, комок мне не по карману!

— А вешалка?

— Хорошо бы, конечно, только что на нее вешать? всю одежду, какая была у людей, они носили на себе. Как-то Пуговка подумал: «Надо, пожалуй, перебраться в какое-нибудь другое село. Но на новом месте мне придется купить дом или взять его в наем. Нет, лучше я сам построю его, поставлю на колеса и буду возить за собой куда захочу. А когда разбогатею, женюсь. А женюсь — отдам домик детям, пусть играют в нем.

Приняв решение, он взялся за работу. Он был очень хорошим плотником, мастером на все руки.

Надо вам сказать также, что Пуговка был очень маленького роста и очень худенький и дом ему нужен был совсем небольшой. Он и построил его совсем маленьким — умещались в нем только он сам, молоток да рубанок. А вот пила уже не помещалась — ее пришлось повесить на гвоздь снаружи возле двери. Над входом Пуговка написал свое имя. Потом он поставил домик на колесики и приделал к нему оглобли, чтобы можно было тянуть на себе.

— Смотрите-ка, смотрите! — смеялись люди. — Пуговка построил дом с ручками!

И потешались над ним. Но Пуговка притворялся, будто ничего не слышит. А когда отправился в путь, потащив на себе домик на колесиках, люди стали говорить:

— Смотрите, смотрите, какой у Пуговки «Мерседес»! А бензин куда заливать станешь? Бака-то нет! Может, пить его будешь?

Пуговка помахал на прощание шапкой и ушел. Домик был легким. На спусках Пуговка садился на него, словно в тележку, и катился под горку.

Так шел он и ехал, пока не настал вечер.

— Переночую тут, прямо на дороге, — решил Пуговка, — за день я проделал немалый путь и очень устал.

Ночью его разбудила гроза. Проливной дождь стучал по крыше, все небо озарялось яркими молниями.

— Слышишь, какой гром гремит? — сказал сам себе Пуговка.

Вдруг сквозь раскаты грома он услышал стук в дверь и чей-то голос:

— Открой, пожалуйста! Впусти меня, Пуговка!

— Кто там?

— Я промок насквозь! Впусти скорее!

— Попробуй войди,— сказал Пуговка, открывая дверь.— Я строил этот домик только для себя одного, но если и ты поместишься, буду рад.

Где есть место для одного, хватит и для двоих!

Вошел какой-то старичок, отжал бороду, с которой ручьями стекала вода, и лег отдыхать.

— Видишь, хватило места и для меня.

— Вижу, вижу. А кто вы такой?

— Не узнаешь? Да я же твой дядюшка Карамелла. Один я остался на всем белом свете, некому позаботиться обо мне, некому накормить, вот я и вспомнил о тебе. Как же я огорчился, когда узнал, что ты покинул село. По счастью, ребятишки видели, в какую сторону ты пошел, и показали мне. Построил новый дом? Выходит, дела у тебя идут хорошо?

— Хорошо, хорошо,— вздохнул Пуговка.

— Молодец, я рад за тебя,— продолжал дядюшка Карамелла.— А теперь извини, я очень хочу спать. Поговорим завтра утром.

— Спокойной ночи,— сказал Пуговка. Сам он, однако, уснуть не мог, а чесал в затылке, размышляя: «Бедный старик, готов поспорить, что он и не ужинал сегодня. Совсем как я».

А гром все гремел и гремел. Но опять сквозь раскаты он расслышал стук в дверь и снова кто-то просил:

— Откройте, пожалуйста! Откройте!

— Кто там?

— Бедная женщина с тремя ребятишками. Гроза застала нас в пути, и нам негде укрыться.

— Входите, если сможете,— пригласил Пуговка, открывая дверь.— Я строил этот домик только для себя одного, теперь нас здесь двое, но если и вы поместитесь, буду рад.

— Там, где есть место для двоих, хватит и для троих. А детей я подержу на руках.

Вошла женщина, вошли дети, улеглись спать — все поместились!

— Спасибо вам большое,— поблагодарила женщина,— как у вас хорошо тут!

— Извините, но куда же вы шли в такую непогоду?

— Шла куда глаза глядят,— ответила женщина и заплакала.— Вдова я с тремя ребятишками. Мне нечем платить за жилье, вот хозяин и выгнал меня. Что-то с нами дальше будет?

— Там будет видно, а пока не тревожьтесь. Попробуйте уснуть.

Сам Пуговка, однако, уснуть не мог и думал: «Бедняжка! Несчастные дети! Готов поспорить, что они и не ужинали сегодня! Совсем, как мы с дядюшкой Карамелла».

А гроза все не кончалась. Дождь лил как из ведра. Гром прокатывался с одного края неба до другого. В дверь то и дело стучал кто-нибудь, прося укрытия, и Пуговка впускал всех со словами:

— Где есть место для пятерых, найдется и для шестерых... Где есть место для шестерых, хватит и для семерых... Где есть место для одиннадцати, хватит и для двенадцати...

Так в Пуговкином домике набилось много народу. Был тут лесник, у которого горный поток снес хижину, были двое парней, которые покинули родное село и собрались за границу искать там работу, был несчастный старик, которого прогнали из дома, потому что он уже ничего не мог делать, был королевский слуга, которого выставили за ворота, потому что он заболел, а мажордом не захотел лечить его...

А на рассвете, когда небо было еще мрачным и темным и гром грохотал сильнее прежнего, кто-то так сильно забарабанил в дверь, что домик даже задрожал.

— Откройте! — приказал чей-то властный голос.

«Мог бы добавить «пожалуйста», — подумал Пуговка. Но все равно открыл дверь и увидел перед собой...

— Впусти меня!

Да это же...

— И коня моего тоже!

Нет никакого сомнения... Мантия промокла, но корона при свете молний сверкала, как новенькая. Это был король.

— Где есть место для двенадцати, найдется и для тринадцати, — пробормотал Пуговка, кланяясь королю. А про себя добавил: «А где есть место королю, найдется и для его коня».

— Снаружи, — сказал король, — твой домик кажется таким маленьким...

Он вошел и осмотрелся.

— Действительно, — объяснил Пуговка, — я строил его только для себя одного.

— А какое дерево использовал?

— Каштан, ваше величество.

— Каштан — не резина. Что-то здесь, видимо, не так!

— И слава богу, что не так,— ответил Пуговка,— иначе как бы тут поместилось столько народу!

Его величество король Бернардино Четвертый задумался.

— Может быть,— промолвил он наконец,— все дело не в том, из какого дерева построен домик, а в том, как он устроен?

— Что вы хотите сказать?

— Сердце само по себе маленькое, величиной с кулак. Но если человек захочет, он может вместить в него всех людей на свете и даже еще много места останется. Видно, твой дом устроен так же, как доброе сердце.

Пуговка промолчал.

— А что это за люди? — спросил король, указав на спящих.

— Вот дядюшка Карамелла, это вдова с детьми, это...

Пуговка про всех рассказал королю, и тот, слушая его, все мрачнел и мрачнел. А когда увидел больного слугу, стонавшего во сне, снял свою корону, словно та неожиданно стала слишком тяжелой.

— Я думал, что я хороший король,— вздохнул он,— а вот, оказывается, сколько в моем королевстве несчастных людей. Что я сделал для них? Гораздо меньше, чем ты. Ты хотя бы приютил их на ночь. Выходит, мне пора отправляться...

— В такой дождь, ваше величество?

— Нет, я не то хотел сказать. Пора отправляться на пенсию! Если человек не умеет управлять страной так, чтобы его подданные были счастливы, лучше снять корону.

Он подумал еще немного и добавил:

— Впрочем, я пожалуй, еще кое-что могу сделать. Кончится дождь, пусть все эти люди придут ко мне. Ты, насколько я понял, хороший плотник и во дворце у тебя не будет недостатка в работе. Подумаем и об остальных. Больного вылечим. Кому нужна работа — найдем. А ты взамен отдашь мне свой домик на колесиках, и я буду ездить в нем по всей стране и разыскивать людей, которым нужна моя помощь. Согласен?

Неизвестно, что хотел ответить Пуговка, потому что как раз в это время раздался автомобильный гудок.

Ночью домик отнесло ветром на середину дороги, и автобус не мог проехать.

— Эй вы там, цыгане! — закричал водитель. — Проснитесь! Подайте в сторону!

А пассажиры выглядывали в окна и смеялись:

— Да это же Пуговкин домик!

— Домик? Вы хотите сказать «Мерседес»!

— Проснись, Пуговка!

Пуговка вышел из домика и обрадовался, увидев, что дождь кончился. Следом за ним вышел дядюшка Карамелла, расчесывая свою бороду. За дядюшкой Карамелла вышла вдова с ребятишками, самый маленький из них выбрался на четвереньках.

— Да это не дом,— смеялись в автобусе,— а цилиндр фокусника! Вот увидите, под конец появится белый кролик!

А люди все выходили и выходили из домика.

— Но как же вы там умещались? Вы же не плоские, как сардины!

— Смотрите, даже конь там ночевал! Белый конь! Не какой-нибудь вам белый кролик!

А следом за конем вышел король. Тут все сразу притихли. Водитель поклонился так, что едва спина не сломалась.

— Ну так вот,— сказал король,— пусть все эти добрые люди сядут в автобус. За билеты плачу я. А Пуговкин домик прицепите сзади, возьмите на буксир. Я же поеду следом за вами на коне и скажу, где остановиться.

Если в учебниках истории пишут правду, то это был первый случай, когда автобус въехал в столицу с таким эскортом — в сопровождении короля на белом коне. Случай первый, но и последний.

А Пуговка женился на вдове и для того, чтобы детишкам было где играть, построил им еще один деревянный домик на колесиках. Он тоже был очень маленький, но в нем свободно умещались все дети, какие только жили в городе, и если в него хотел забраться еще и котенок, то и для него находилось место.

2.
Какие
выдают
ощущения

Между нами, взрослыми, говоря

Много лет приходилось мне исправлять орфографические ошибки. Сначала свои собственные — когда учился в школе, затем чужие — когда стал учителем. И только потом я принялся придумывать свои фантазии и сказки. Некоторые из них даже включены — и это большая честь! — в учебники. Это значит, между прочим, что сама по себе мысль — поиграть с ошибками — не так уж и плоха. В самом деле, не лучше ли, чтобы ребята учились не плача, а смеясь? Ведь если собрать все слезы, что пролиты на всех пяти континентах из-за ошибок, получится такой водопад, что впору строить гидростанцию. Только я считаю, энергия эта была бы слишком дорога.

Ошибки необходимы и полезны, как хлеб. А иногда даже красивы, как, например, Пизанская башня. В этой книге много ошибок. Некоторые видны невооруженным глазом, другие скрыты, как в загадках. Не все они, однако, допущены детьми, и это вполне понятно. Между нами, взрослыми, говоря, мир был бы непередаваемо прекрасен, если бы ошибались в нем только дети! Вот почему эту книгу для ребят я посвящаю папам и мамам и, разумеется, школьным учителям — словом, всем, на ком лежит огромная ответственность исправлять — не ошибаясь! — самые маленькие и невинные ошибки, какие только случаются на нашей планете.

Джанни Родари

Помогите!

- Помогите! Помогите!
- Люди добрые, спасите!
- Да скажите, что случилось?
- Буква О из воды испарилась!
- Представляете, что творится?
- Вода никуда не годится!
- В пруду нельзя порезвиться,
- И кораблики негде пускать.
- Ну а как же белье постирать?
- А главное, как же нам быть,
- Когда очень захочется пить?
- С ошибкой не выпьешь воду —
- Она же сухая,
- Очень плохая —
- Не напьешься ею сроду!

Нет, пожалуйста, синьоры,
Полицейские и воры,
Ошибку живее исправьте,
Пропавшую букву
на место поставьте,
Потому что с ошибкой вода,
Не вода, а ерунда!

Быть и иметь

Учитель Грамматикус ехал как-то в поезде и слушал разговор своих соседей по купе. Это были рабочие с юга Италии, которые ездили за границу. Они долго работали там, а теперь возвращались на время домой навестить своих близких.

— Я имел поездку в Италию пять лет назад, — сказал один из них.

— А я имел поездку в Бельгию, работал там на угольной шахте, и это было очень трудно.

Учитель Грамматикус слушал их некоторое время и молчал. Но если бы вы присмотрелись к нему, то замети-

ли бы, что он сердится и похож на чайник с водой, которая вот-вот закипит. Наконец вода закипела, крышка подскочила, и учитель Грамматикус воскликнул, строго глядя на своих попутчиков:

— «Имел поездку! Имел поездку!..» Вот опять привычка южан употреблять глагол «иметь» вместо глагола «быть»! Разве вас не учили в школе, что надо говорить «я был в Италии», а не «я имел поездку в Италию»?

Рабочие притихли, исполненные уважения к этому почтенному седовласому синьору в черной шляпе.

— Глагол «иметь» нельзя употреблять в таком сочетании,— продолжал учитель Грамматикус,— это грубая ошибка! Это неправильное выражение!

Рабочие вздохнули. Потом один из них прокашлялся, как бы набираясь храбрости, и сказал:

— Очень возможно, синьор, что вы и правы. Вы, должно быть, много учились. А я окончил только начальную школу, но и тогда мне больше приходилось пасти овец, чем сидеть над учебником. Очень возможно, что это неправильное выражение.

— Конечно неправильное!

— Вот-вот! И это, наверное, очень важно, не спорю. Но мне кажется, что это еще и очень грустное выражение, очень! Ведь нам приходится искать работу в чужой стране... Приходится оставлять надолго свои семьи, детей.

Учитель Грамматикус растерялся:

— Конечно... В общем... Словом... Однако, как бы там ни было, все-таки надо говорить «я был», а не «имел поездку». Так говорят только немцы. А мы должны употреблять другой глагол: я был, мы были, он был...

— Эх,— сказал рабочий, вежливо улыбаясь,— я был! Мы были!.. Знаете, где бы мы больше всего хотели быть? У себя на родине! Хоть мы и имели поездку во Францию и Германию, больше всего мы хотели бы быть здесь, в Италии, никуда не уезжать отсюда, иметь тут работу, хороший дом и спокойно жить в нем.

И он посмотрел на учителя Грамматикуса ясными и добрыми глазами. Учителю Грамматикусу очень захотелось ударить себя кулаками по голове. И он пробормотал про себя: «Глупец! Глупец ты, больше ничего! Ищешь ошибки... Неправильное выражение!.. Ошибка-то, и куда более серьезная, совсем в другом!»

Дорожное происшествие

Учителю грамматики
Сказала синьорина:
— Вчера моя машина
Осталась без бенСина!

Пришлось ее вручную
Силком толкать на взгорье,
И вышла не прогулка,
А пресплошное горе!

Учитель улыбнулся:
— Чему ж тут удивляться?
Без буквы З в бензине
Мотор начнет... смеяться!

Будь в вашем бензобаке
Полным-полно бенСина,
От топлива с ошибкой
Не сдвинется машина.

Мы все спешим куда-то,
Дела нас подгоняют...
Но правила грамматики
Ошибок не прощают!

Самый большой молодец на свете

Я знаю историю про одного человека, который был самым большим молодцом на свете, но не уверен, понравится ли она вам. Так рассказать или нет? Расскажу!

Звали его Примо. По-итальянски это значит — первый. Наверное поэтому он еще в детстве решил:

— Буду первым не только по имени, но и на деле. Всегда и во всем буду первым!

А вышло наоборот — он всегда и везде был последним. Последним, кто пугался, последним, кто убегал, последним, кто лгал, последним, кто шалил...

Его сверстники всегда были в чем-нибудь первыми. Один был первым вором в городе, другой — первым хулиганом в квартале, третий — первым дураком во всей округе... А он же, наоборот, был последним, кто говорил глупости, и когда наступал его черед говорить их, то просто молчал.

Это был самый большой молодец на свете, но он был последним, кто узнал об этом. Настолько последним, что так никогда и не узнал этого.

Спелое небо

Ребята, мой вам совет — любите качественные прилагательные! Не ведите себя, как Марко и Мирко, эти ужасные близнецы издевались над ними.

Вчера, например, они должны были подобрать к нескольким существительным качественные прилагательные.

Хихикая и разбрызгивая чернила, эти разбойники написали:

Зерно — голубое!

Снег — зеленый!

Трава — белая!

Волк — сладкий!

Сахар — злой!

Небо — спелое...

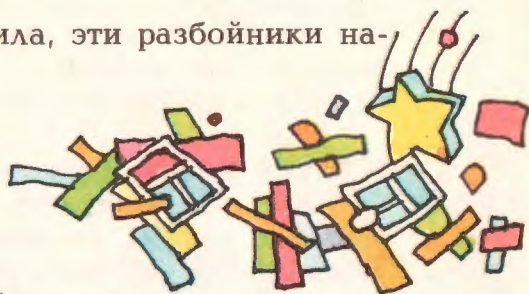
И тут вдруг раздался ужасный грохот:

«Бух! Бах! Трах-тара-рах!»

Что случилось? Ничего особенного. Просто небо, услышав, что оно уже спелое, решило: пора упасть на землю, как это делают разные там груши или сливы.

И упало. И дом рухнул. И поднялось облако пыли...

Ох и много же пришлось потрудиться пожарным, чтобы вытащить из-под развалин этих ужасных близнецов, а затем еще и сшить, потому что их разорвало на кусочки, и поставить небо на место, повыше, чтобы в нем могли летать ласточки и самолеты.

Оратор

Однажды на площади собралась небольшая толпа.
— Что-то продают? — спросил учитель Грамматикус.
— Нет, — ответил ему кто-то. — Просто сейчас здесь будет сАбрание?
— САбрание? Через «а»? Но тогда тут будут только неправильные речи... А кто будет выступать?
— Такой-то.
— Да ведь он фашист! Тогда все понятно.
И учитель Грамматикус удалился, отряхнув пыль со своих брюк.

Грамматикус и бомба

Однажды учитель Грамматикус
Услышал престранные речи:
— Атóмная бомба — ха-ха!
Несусветная чепуха! —
Смеялся синьор беспечный.

Вскипел не на шутку добрый учитель:
— Как можно терпеть подобные вещи!
Похоже, что вы, уважаемый,
Поджигатель войны зловещий.

Не атóмная бомба, а а́томный крах!
Разве можно шутить с ударением?
Синьор поскорее запрятался в шкаф
И оттуда спросил с опасением:
— А что, с меня непременно потребуют
штраф

За ошибку мою с ударением?
— Стыдно неучем быть,

непростительно, —
Продолжал наш учитель внушительно, —

Шутить с ударением в атомной бомбе
Весьма и весьма опасно,
А лучше о бомбе совсем забыть.
Надеюсь, вам это ясно?

Реформа грамматики

Учитель Грамматикус решил однажды провести реформу грамматики.

— Ни к чему все эти трудности! — заявил он. — Зачем, например, нужно различать прилагательные по всяким там категориям? Пусть категорий будет всего две — ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СИМПАТИЧНЫЕ и ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ НЕСИМПАТИЧНЫЕ. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СИМПАТИЧНЫЕ: хороший, веселый, великодушный, искренний, мужественный. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ НЕСИМПАТИЧНЫЕ: жадный, лживый, бесчестный и так далее. Разве не лучше?

Служанка ответила: «Намного лучше!»

— Перейдем к глаголам, — продолжал учитель Грамматикус. — Я лично считаю, что их надо делить не на три спряжения, а всего на два. Первое — это ГЛАГОЛЫ, КОТОРЫЕ НАДО СПРЯГАТЬ, а второе — ГЛАГОЛЫ, КОТОРЫЕ СПРЯГАТЬ НЕ НАДО, как, например, лгать, убивать, воровать. Прав я или нет?

— Золотые слова! — вздохнула служанка.

Хорошо бы все думали именно так!

Загородная прогулка

В своем школьном сочиненье
«Как провел я воскресенье»
Написал ученик Дольчетти:

«Вчера, как и все приличные дети,
Я ходил на прАгулку в лес —
Счастлив был до самых небес...»

Огорчился добрый Грамматикус:
— Как печально не ладить с
грамматикой!

Не могла быть прАгулка хорошей:
Хламом лес замело, как порошей;

Нет ни ягодки, ни цветочка,
Даже крохотного росточка;

Не услышать птичьего гомона
Из-за рева магнитофонного...

В диком гаме гулять трудновато,
Как на рынке у Сан-Козимато.

А наивный Дольчетти прАгулку в лес
Превозносит до самых небес.

Хотелось бы А на О исправить,
Да видно придется как есть оставить,
Потому что нехоженный лес
В провинции нашей давно исчез!

Как убежал Твердый знак

Жил на свете Твердый Знак.

И хотя твердости в его характере было предостаточно, счастья она ему не приносила — все равно никто никогда не произносил его. Было от чего повесить нос, но он стойко держался на своем месте и терпеливо сносил насмешки товарищей. А те говорили ему, например: «Ну, какая же ты буква Алфавита! С такой-то физиономией!»

Или: «Ты ведь знаешь, что никому и в голову не придет произнести твое имя!»

«Так-то оно так,— вздыхал про себя Твердый Знак,— но ведь есть же такие страны и такие языки, где твердый знак — весьма важная персона».

«Уеду-ка я в Болгарию,— подумал он в другой раз, когда ему стало совсем уж грустно.— Говорят, твердый знак там очень и очень уважают».

А однажды, когда его не на шутку рассердили и терпение его лопнуло, он собрал свои скромные пожитки и отправился в путь с помощью «автостопа».

О небо! Что тут случилось, и описать невозможно!

Оказались при смерти тысячи больных, потому что им не смогли сделать инъекцию.

В воинских частях солдаты не вышли на зарядку, потому что никто не смог командовать: «Подъем!»

Прекратили работу астрономы, потому что исчезли звезды и планеты — объекты их научных исследований.

Остались без дела кинематографисты — у них не оказалось объективов, и они не могли вести съемку.

А что началось на транспорте, на железной дороге, в аэропортах! Все пассажиры вдруг превратились в «зайцев», потому что никто не мог предъявить билета.

Никто вообще нигде ничего не мог предъявить — ни паспорт, ни удостоверение личности, ни справку о рождении, ни студенческий билет, ни пропуск.

Остановилась работа на фабриках и заводах, в типографиях, на предприятиях и в учреждениях, потому что невозможно было определить объем работы, объем розничной и оптовой торговли, объем информации, необходимой для выпуска газет и теленовостей.

В школах и институтах перестали заниматься точными науками, потому что никто — ни учителя, ни учащиеся — не могли вычислить объем геометрического тела, куба или здания.

На дорогах повсюду то и дело возникали пробки, потому что машины не могли ни объехать друг друга, ни разъехаться. Люди не могли попасть домой, потому что не стало подъездов — ни в домах, ни к домам.

Исчезли, правда, отъявленные хулиганы. Остались просто хулиганы, но от этого было не легче.

Но самое ужасное, что все люди оказались в чрезвычайно сложном положении из-за того, что никто ничего не мог съесть. И уж тем более никто не мог объестся.

И в этой ужасной ситуации правительство даже не могло объявить о катастрофической обстановке, которая сложилась в стране, и уж тем более не в силах было хоть как-то объяснить, что послужило тому причиной.

Душа у Твердого Знака была добрейшая, я, кажется, уже говорил это. Он вернулся на свое место в Алфавит. И в стране тотчас же восстановился порядок. Но обращаться с Твердым Знаком нужно очень уважительно.

Голос совести

Мне известен один богатей,
Он твердит что ни день в году:
— Моя совИсть чиста как слеза,
И я с нею всегда в ладу!

В слове «совесть» этот синьор
Букву Ё подменил на И.
И беспечно с тех пор живет
Где-то в Бúсто или в Форлй.

Когда он бессовестно лжет
Либо лезет соседу в карман,
СовИсть шлет ему «поцелуй»
В сотнях радостных телеграмм.

Я пытался ему внушить:
— Вечно жить по ошибке нельзя!
Надо И на Ё заменить,
Как советуют вам друзья!

— Пустяки! Какое там И!
Я прекрасно живу и счастлйв! —
Так ответил богач из Форлй,
Из Мерáно иль Мондовй.

Дик Быстроне

Звонок в квартиру прервал размышления учителя Грамматикуса о том, где полагается ставить запятые, и он открыл дверь.

— Разрешите? Дик Быстроне, частный детектив. Буквально на минутку. Задам лишь несколько вопросов по поводу кражи, которая произошла этажом ниже.

— Но у меня уже был комиссар полиции!

— Прошу прощения, но синьора Грасси не удовлетворена работой полиции и поручила провести раСледование мне.

При этих словах в глазах учителя Грамматикуса что-то вспыхнуло, но Дик Быстроне даже не заметил этого. Он был слишком занят изучением содержимого чернильницы.

— Трудно предположить, что украденную собаку можно спрятать в чернильнице,— заметил учитель Грамматикус.

— С вашего позволения,— продолжал Дик Быстроне,— я загляну в кофейник.

— Можете заглянуть и в чашки, во все до единой. Или вы думаете, что я украл собаку синьоры Грасси для того, чтобы употребить ее вместо сахара?

— У меня свой метод расследования. А теперь, будьте добры, скажите, сколько вам лет?

— Нет,— отказался учитель Грамматикус,— не скажу.

— Жаль. Этой детали мне недостает, чтобы раскрыть преступление. Ваш возраст, по моим расчетам, должен соответствовать номеру квартиры, в которой живет вор.

— А на какой улице?

— Это скажет сам вор, когда я поймаю его с поличным.

— И это вы называете расследованием?

— Простите, но у меня свой метод.

— Глупец! — взорвался наконец учитель Грамматикус.— Ну как же вы не понимаете, что до тех пор, пока вы будете вести расследование, а не расследование, вы никогда не раскроете ни одного преступления. Попробуйте, вставьте недостающее «с» и увидите, что получится.

Дик Быстроне упал в кресло и расплакался.

— Вы обнаружили мое слабое место! Вот уже столько лет я пытаюсь раскрыть хоть одно преступление, но все не могу понять, как это удавалось Шерлоку Холмсу или Мегре! Как? По телевизору и в романах все так просто!

Учитель Грамматикус, чтобы утешить его, подарил учебник грамматики. Дик Быстроне расцеловал своего благодетеля и умчался с криком:

— Ко мне, воры! Ко мне, убийцы!

Учитель Грамматикус только покачал головой. И закрыл за ним дверь.

Экстренное сообщение

Жители всей Земли!

Передаем экстренное сообщение.

Какой-то глупый гражданин,

Чтоб ему не дожить до седины,

Нарушил всемирное тяготение:

В космос ракету «И» запустил,
Угодил в планету Меркурий,
Выбил привычную букву Ё,
И МИркурий охвачен бурей.
Небесное тело падает вниз,
Как голубь, дробью подбитый,
И породив катаклизм,
Срывает планеты с орбиты.

Внимание, люди! Внимание!
Луна изменила свое расписание,
Сатурн потерял одно из колец...
И во всем виноват какой-то глупец!

Срочно требуется
Знаток орфографии,
Чтоб в МИркурий
На место поставить Ё
И космос спасти от мафии!

Великий изобретатель

Жил как-то один молодой человек, который мечтал стать великим изобретателем. Он учился день и ночь, учился много лет и наконец сказал себе:

— Я многому научился, стал учОнНым и теперь покажу всем, на что я способен.

Он сразу же принялся за эксперименты, и ему удалось изобрести дырки в сыре. Но потом он узнал, что они уже были изобретены.

И тогда он начал учиться заново. Учился с утра до вечера и с вечера до утра, учился многие месяцы и наконец сказал себе:

— Пора кончать. Теперь я уже учОнный... И пусть все видят, на что я способен.

Все и увидели — он изобрел дырки в зонтике. Чудак!

Но он не пал духом, а снова взялся за книги, продолжил свои эксперименты и наконец сказал себе:

— Ну вот, теперь я уверен, что не ошибаюсь. Теперь-то уж я действительно ученНый.

И все-таки он опять ошибался. Он придумал окрашивать корабли акварельными красками. Это обходилось очень дорого и было совершенно бесполезным.

— Но я все равно не отступлюсь! — не унывал изобретатель, у которого голова уже покрылась сединой.

Он снова сел за книги и занимался так много, что действительно стал ученым. И тогда он смог изобретать все, что ему хотелось. Он придумал, например, машину для поездок на Луну, поезд, которому достаточно было одного единственного зернышка риса, чтобы промчатся тысячу километров, туфли, которые никогда не снашивались, и множество других таких же интересных вещей.

Одного только он не смог придумать — как научиться никогда не делать ошибок. И наверное, никто никогда не придумает этого.

Виковато ударение

Давайте представим, что приключится,
Если в очень похожих словах

Ударенье с привычного места сместится
И мы спутаем за́пах со словом за́пах?

Так вот, однажды один гражданин
Поехал на рынок в Лукку,
Жена просила купить муку́,
Но он отыскал лишь му́ку.

Какой-то из Корфу знаток голубей
Голубка́ перепутал с голу́бкой,
В удареньях запутался наш синьор,
И не ту совершил он покупку.

А весьма недалекий барон —
До чего же барон смешон —
Различить ударенье не смог
И однажды по ошибке
Сменял за́мок на замо́к.

Машина, которая уничтожала ошибки

Однажды учитель Грамматикус изобрел машину, которая уничтожала ошибки.

— Объеду всю Италию,— объявил он своей верной служанке,— и уничтожу все орфографические, фонетические и прочие ошибки, какие только есть в стране.

— С помощью вот этой штуки?

— Это не штука. Это машина. Работает как пылесос, втягивает в себя все ошибки, какие носятся в воздухе. Я пройду по Италии и одну за другой очищу все провинции. Обо мне еще напишут в газетах, вот увидишь.

— Ну, дай бог! — вздохнула служанка. Из осторожности она ничего больше не сказала.

— Начну с Милана,— решил Грамматикус.

В Милане учитель зашел в кафе, сел за столик, включил машину и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Подошел официант, и учитель заказал стакан чаю.

— Вам с лимоном или со сливками? — с учтивым поклоном, как настоящий миланец, поинтересовался официант. При этом произношение у него было, разумеется, миланское, а не литературное итальянское. Услышав это, машина тут же ткнула ему прямо в лицо свою трубу.

— Что это такое? Чуть нос не оторвала эта штука!

— Это не штука,— уточнил учитель Грамматикус.— Это машина. Но я еще не очень освоился с ней.

— Тогда зачем включаете, если не умеете пользоваться? — Он по-прежнему говорил на миланском диалекте, и машина не замедлила ударить его по правому уху.

— Да вы что, убить меня хотите, что ли?

Теперь машина хлопнула его по левому уху.

— На помощь! Спасите! Здесь сумасшедший! — завопил официант.

Но кричал он на миланском диалекте, и машина не могла это стерпеть. Конечно же, вокруг сразу собралась толпа любопытных.

Учитель Грамматикус после долгих попыток сумел наконец нажать нужную кнопку и успокоить машину.

— Ваши праФа на управление машиной!

О боже! Полиция!

— ПраФа! ПраФа! Опять на миланском диалекте! — вскричал учитель Грамматикус.

— Не важно, на каком диалекте. Важно, есть они у вас или нет! Вы же знаете, что управлять домашними электроприборами запрещается без специальных прав.

Миланский диалект выводил учителя Грамматикуса из себя. Но включить свою машину он все-таки не решился. Пришлось пройти в полицейский участок, заплатить за права да еще и штраф, а также выслушать нравоучение о честности и порядочности. Наконец учитель Грамматикус смог отправиться на вокзал. Там он сел в скорый поезд и вечером приехал в Болонью, собираясь провести еще один эксперимент.

Он пришел в гостиницу, заказал номер и уже хотел лечь спать, как вдруг позвонил портье и попросил его спуститься вниз.

— Прошу прощения, — сказал он, — но вы забыли оставить мне какой-нибудь документ.

— Трах-тах-тах! — взревела машина, которая уничтожала ошибки: ведь хозяин гостиницы говорил на болонском диалекте.

— Эй, вы что!

— Простите, я не нарочно. Вы ведь настоящий болонец?

— А кто, по-вашему, должен жить в Болонье, если не настоящие болонцы? Может, каракалпакцы?

— Я хочу сказать, что вы произносите слова не по-итальянски, а по-болонски...

— Послушайте, синьор, что это вы еще придумали!

— Бац! — труба ударила портье в плечо.

Учитель Грамматикус схватил машину, убежал в свой номер и заперся там. Но портье принялся стучать кулаками в дверь.

— Откройте! Откройте сейчас же!

— Бах! Бах! — труба тоже стучала в дверь — изнутри, — стараясь добраться до фонетических ошибок, которые все время допускал портье.

— Откройте или я позову полицию!

В дверь стучали снаружи, стучали изнутри, понятно, что в конце концов она развалилась на куски.

Учитель Грамматикус заплатил за дверь, успокоил портье приличными чаевыми, вызвал такси и поехал на вокзал.

Поспав несколько часов в вагоне поезда, который вез его в Рим, он на рассвете приехал в столицу.

— Скажите, пожалуйста, где тут остановка троллейбуса номер 75?

— Прямо напротив вокзала, — ответил носильщик, к которому он обратился.

Он ответил, разумеется, с римским произношением. И учитель осторожно — мизинцем — нажал кнопку. Он надеялся получить наконец хороший результат, потому что в предыдущих опытах нажимал кнопку большим пальцем. Но машине, очевидно, было все равно, каким пальцем ее включали. Крепкий удар — и фуражка носильщика отлетела далеко в сторону.

— Эй, что это такое! Что за безобразие!

— Я сейчас покажу...

— Нет, это я тебе покажу! — с угрозой заявил носильщик.

Следующий удар машины пришелся по газетному киоску, потому что носильщик успел увернуться.

Со звоном полетело разбитое стекло, из киоска выскочил продавец и закричал:

— Кто это еще вздумал устраивать тут революцию?

Машина ответила ему хорошим аперкотом в подбородок. Подоспела полиция. Остальное можно прочитать в газете, в разделе «Скандальная хроника».

В 13.15 грустный-прегрустный учитель Грамматикус сел в поезд, отправлявшийся на север страны.

А машина? Что ж, машина вздумала навести порядок и среди блюстителей порядка. Ведь в полиции служат люди, говорящие на разных диалектах, — на туринском, сицилийском, неаполитанском, генуэзском, венецианском, тосканском. Тут представлены все провинции Италии, то есть все наречия. И машина словно с цепи сорвалась, можно сказать, просто обезумела. Чтобы успокоить ее, пришлось взять увесистый молоток, и от нее, разумеется, ничего не осталось.

Учитель между тем поразмышлял немного и понял, что машина перестаралась: вместо того чтобы уничтожать ошибки, она вздумала уничтожать людей. Да, если снимать голову с каждого, кто ошибается, останутся только одни шеи без голов.

Учитель Многоточие

Эта песенка простая,
Эта песенка смешная
Про синьора Многоточие.

Он учитель превосходный,
Добрый, мягкий, благородный
и все прочее.

Но чуть-чуточку занудлив,
Потому что в каждой строчке
Не одну поставит точку —
многоточие.

Говорит он тоже вяло:
— Как сказать... Почти... Пожалуй...
Полагаю... Я не знаю... — запинается.
И слова его туманом покрываются.

А однажды наш учитель
Вдруг завяз в трясине точек,
многоточиях.

Как его мы ни искали,
Чай с пирожным предлагали —
Даром время потеряли.

Мы зовем, а он в ответ
Не скрипит ни да, ни нет.
Только слышится в тумане:
— Полагаю... Я не знаю...

И все прочее,
Вот какой у нас учитель
Многоточие.

Италия с маленькой буквы

Однажды вечером учитель Грамматикус проверял тетради своих учеников. Служанка сидела рядом и усердно точила ему один за другим красные карандаши, потому что учитель расходовал их невероятное множество.

Вдруг учитель Грамматикус в ужасе вскочил из-за стола и схватился за голову.

— Ах, Боллатти! Боллатти! — вскричал он.

— Что еще натворил этот озорник Боллатти? — спросила служанка. Она уже давно помнила всех учеников по именам, знала, кто какие любит делать ошибки, и соглашалась, что у Боллатти они всегда просто ужасные.

— Он написал «Италия» с маленькой буквы! Ах! На этот раз я отдам его под суд! Я все могу простить, но только не такое неуважение к своей стране!

— Ну уж! — вздохнула служанка.

— Что ты хотела сказать этим своим «Ну уж!»?

— Синьор учитель, что может сказать скромная служанка вроде меня? Карандаши вам точить умею — и то слава богу.

— Но ты вздохнула!

— Ну а как же тут не вздохнуть? Ведь если разобраться по существу...

— Ну вот! — вскричал учитель. — Теперь я должен сидеть и любоваться этой строчной буквой, как будто от этого она превратится в прописную! Дай мне вон тот карандаш, и я немедленно поставлю тут единицу, историческую единицу!

— Я только хотела сказать, — спокойно продолжала служанка, — что, может быть, Боллатти хотел лишь намекнуть...

— Послушаем, послушаем! Теперь мы уже на что-то намекаем! Скоро докатимся до анонимных писем...

Тут служанка, у которой была своя гордость, встала, стряхнула мусор с передника и сказала:

— Вам нет нужды знать мое мнение. До свидания.

— Нет, подожди! И говори. Я весь внимание. Говори же, выскажи прямо свою мысль!

— В общем, вы не обижайтесь. Но разве и в самом деле нет Италии с маленькой буквы — всеми забытой? Разве мало таких сел, где нет врача, нет телефона... Разве нет таких дорог, по которым могут пройти только мулы... И разве нет в нашей стране таких бедных семей, где дети, куры и поросята спят все вместе прямо на земле?..

— Да о чем ты говоришь?

— Дайте мне закончить. Я говорю, что действительно есть Италия с маленькой буквы — страна стариков, о которых никто не заботится, детей, которые хотели бы учиться, но не могут, сёл, где остались только женщины, потому что мужчины все уехали в другие города и страны на заработки...

Теперь учитель слушал ее не перебивая.

— Так что, может быть, ученик Боллатти думал обо всем этом и потому не смог написать название родины с большой буквы...

— Но в этом-то и состоит его ошибка! — рассердился учитель. — Действительно есть, есть еще Италия с маленькой буквы, но я считаю, что ее давно пора писать с большой.

Служанка улыбнулась:

— Ну так и сделайте — исправьте на большую букву! Но не ставьте единицу. Ведь у ученика Боллатти были самые добрые намерения, и за это его обязательно надо похвалить.

— Неизвестно еще, были ли у него эти самые добрые намерения...

Служанка снова села рядом и улыбнулась. Она была уверена, что спасла хорошего мальчика от плохой отметки и — кто знает? — возможно, еще и от крепкого отцовского подзатыльника.

И она опять принялась точить красные карандаши.

Падающая башня

Однажды учитель Грамматикус приехал в Пизу, поднялся на знаменитую падающую башню, подождал, пока перестанет кружиться голова, и закричал:

— Граждане! Пизанцы! Друзья мои!

Пизанцы посмотрели вверх и засмеялись:

— Ого, наша башня заговорила, выступает с речью!

Потом они увидели учителя, который продолжал:

— Знаете ли вы, почему ваша башня падает? Я скажу вам, в чем дело. Не слушайте тех, кто говорит, будто оседает фундамент или еще что-нибудь в том же духе. Все дело в том, что в фундамент действительно заложена ошибка, только совсем иного рода. Архитекторы, что строили башню, не сильны были в орфографии. Поэтому они и построили башню, которая имела не равновесие, а равнАвесие. Вы меня поняли? Даже палочка не может удержаться в равнАвесии, не то что башня. Вот, следовательно, и решение проблемы. Надо влить в фундамент хорошую порцию буквы «о», и башня сразу же приобретет равновесие, выпрямится.

— Не бывать этому никогда! — дружно возразили пизанцы. — Прямых башен на свете сколько угодно, куда ни глянь. А падающая есть только у нас, в Пизе. Так зачем же мы станем выпрямлять ее? Возьмите этого сумасшедшего! Отведите его на вокзал и посадите в первый же поезд, который отправляется подальше.

Два стражника подхватили учителя Грамматикуса под руки, отвели на вокзал и посадили в первый же поезд, который направлялся в Гроссето, останавливаясь на всех полустанках и тратил полдня, чтобы одолеть сто километров. Так что у учителя было время поразмыслить о человеческой неблагодарности. Он чувствовал себя обиженным, как Дон Кихот после битвы с ветряными мельницами. Но не пал духом. В Гроссето он изучил расписание поездов и тайком вернулся в Пизу, решив назло пизанцам все-таки сделать башне инъекцию «о». Случайно в тот вечер светила луна. (Вообще-то не случайно, конечно, а по своему лунному расписанию.) При свете луны башня была так красива, так легко склонялась к земле, что учитель пришел в восторг и залюбовался ею. «Ах, как же прекрасны бывают иногда ошибки!» — подумал он.

Из поезда

Однажды, путешествуя
Из Рима на восток,
Я из окна вагона
Увидел очень милый,
Уютный городок.

Дома тонули в зелени,
Искрилася река.
Над крышами, как кружево,
Высокие антенны
Вплетались в облака.

И вдруг в сторонке старенький
Заметил домик я,
Похожий на лачужку...
«Наверное, ошибка,—
Подумал я, друзья.—

В таком красивом, радостном
Спокойном городке
Такая развалюшка?..
Нет, нет! Хибарка эта
Причудилась мне».

Над входом полустертое
Название прочел —
Какая-то там «ола»...
Неужто это «школа»?
Две буквы кто-то стер?

Хотелось поскорее
Убрать ошибку прочь.
Но поезд мчался мимо,
А из окна вагона
Ничем нельзя помочь.

Последний день учебного года

Не могу без содрогания вспоминать этот ужасный день — последний день учебного года в маленьком городке Брузино на берегу одного полуитальянского, полушвейцарского озера, которое называть не стану.

Почему ужасный? Судите сами.

Шел урок в четвертом классе. Около десяти часов утра я продиктовал тему сочинения, которым хотел торжественно завершить учебный год, и думал, пока дети будут трудиться, закончить свое стихотворение, которое начал сочинять накануне вечером. Признаюсь — и вы, надеюсь, простите меня — я сочинял стихи на уроках. Я был очень плохой учитель и очень плохой поэт. Но — все в прошлом.

Так вот, диктуя, я, как всегда, остановился возле Орландо Парини. Тут, несомненно, был самый удобный наблюдательный пункт, если я хотел с лету поймать какую-нибудь орфографическую ошибку и остроумно прокомментировать ее. Милый Орландо, который умудрялся сделать ошибку даже в слове «школа», не подвел меня

и на этот раз — прикусив от усердия язык, он старательно выводил: «Сегодня пАследний день учебного года».

Да, да, именно так — через прекраснейшее А, которое сделало бы честь и «арбузу» и «арфе».

— Дорогой и уважаемый синьор Орlando...— начал было я, но так и не сумел закончить тираду, потому что в этот момент дверь открылась и в класс вошел какой-то незнакомый человек. Он учтиво отвесил мне низкий поклон, и при этом я успел заметить, что на голове у него едва держалась при помощи тесемки ровно половинка фуражки — из тех, что носят железнодорожники.

— Вызывали, синьор учитель? — спросил человек.

— Я никого не вызывал,— самым вежливым тоном ответил я,— и тем более вас, потому что еще тридцать секунд назад даже не подозревал о вашем существовании.

— Но я же нянечка,— представился незнакомец, указывая на свою полуфуражку.

— Вы хотите сказать — нянь,— поправил я его.

— Нет, к сожалению, именно нянечка, няня.

— Возможно, возможно, но наша нянечка — женщина, к тому же довольно полная.

— Будьте добры, взгляните в окно,— предложил незнакомец.

Я был слишком удивлен, чтобы посоветовать ему заниматься своими делами и не вмешиваться в чужие, и послушно подошел к окну. О, господи! Куда подевалась прекрасная панорама, воспетая мною в стольких сонетах! Озера не было и в помине. Исчезли лебеди, сосны, дома, лодки. Наша любимая школа стояла посреди жуткой пустыни; лишь кое-где торчали какие-то ужасные деревья, воткнутые кроной в землю, корнями они тянулись к небу.

— Что происходит? — пробормотал я в полной растерянности.— Где мы?

— На планете АшиПка,— ответил «няня».

— Вы хотите сказать — Ошибка,— поправил я.

— Совсем наоборот. Планета потому и называется АшиПка, что в ее названии допущены ошибки. Поняли?

— Интересно, что же я все-таки должен понять?

— Синьор учитель, но ведь это же ясно как божий день. Кто-то из ваших учеников допустил особенно грубую орфографическую ошибку, и вся школа перенесена на планету АшиПка. Именно здесь собираются со всех концов Вселенной орфографические ошибки и их печальные последствия.

Мой взгляд остановился на тетради Орlando, на этом слове «пАследний» с буквой А... Увы, все' стало ясно!.. Но у меня не хватило сил упрекнуть виновника этих страшных событий — он смотрел на меня кроткими, доверчивыми глазами и не понимал, в чем его вина.

— Не сердитесь, не огорчайтесь,— успокоил «няня»,— я ведь здесь тоже по ошибке. Видите, от моей фуражки осталась только половинка.

— И что же будет дальше?

— О, ничего особенного. Школа останется на этой планете до тех пор, пока все ваши ученики не сумеют написать целую строчку без единой ошибки.

Сказав это, «няня» снова низко поклонился и исчез.

— Ребята,— обратился я к классу,— пишите свое сочинение как можно вдумчивее. Особенно обратите внимание на орфографию, потому что это для нас сейчас вопрос жизни и смерти. Орlando, ты понял меня?

Невинная улыбка осветила лицо мальчика. Головы ребят склонились, перья окунулись в чернильницы...

— Синьор учитель,— слышалось из разных концов класса,— но чернила никуда не годятся!

И тут же, словно он подслушивал за дверями, снова появился «няня» и, низко кланяясь, объяснил:

— Чему же тут удивляться? Эти чИрнила даже кляксу на брюки не посадят. К сожалению, и моя чИрнильница вам тоже не поможет.

Я раздал ребятам карандаши и уставился на Орlando. Мне так хотелось если не подсказать ему, как исправить ошибку, то хотя бы гипнотически передать свою мысль.

Но вот опять появился этот чертов «няня».

— Синьор учитель, из крана не идет вода.

— А мне какое до этого дело?

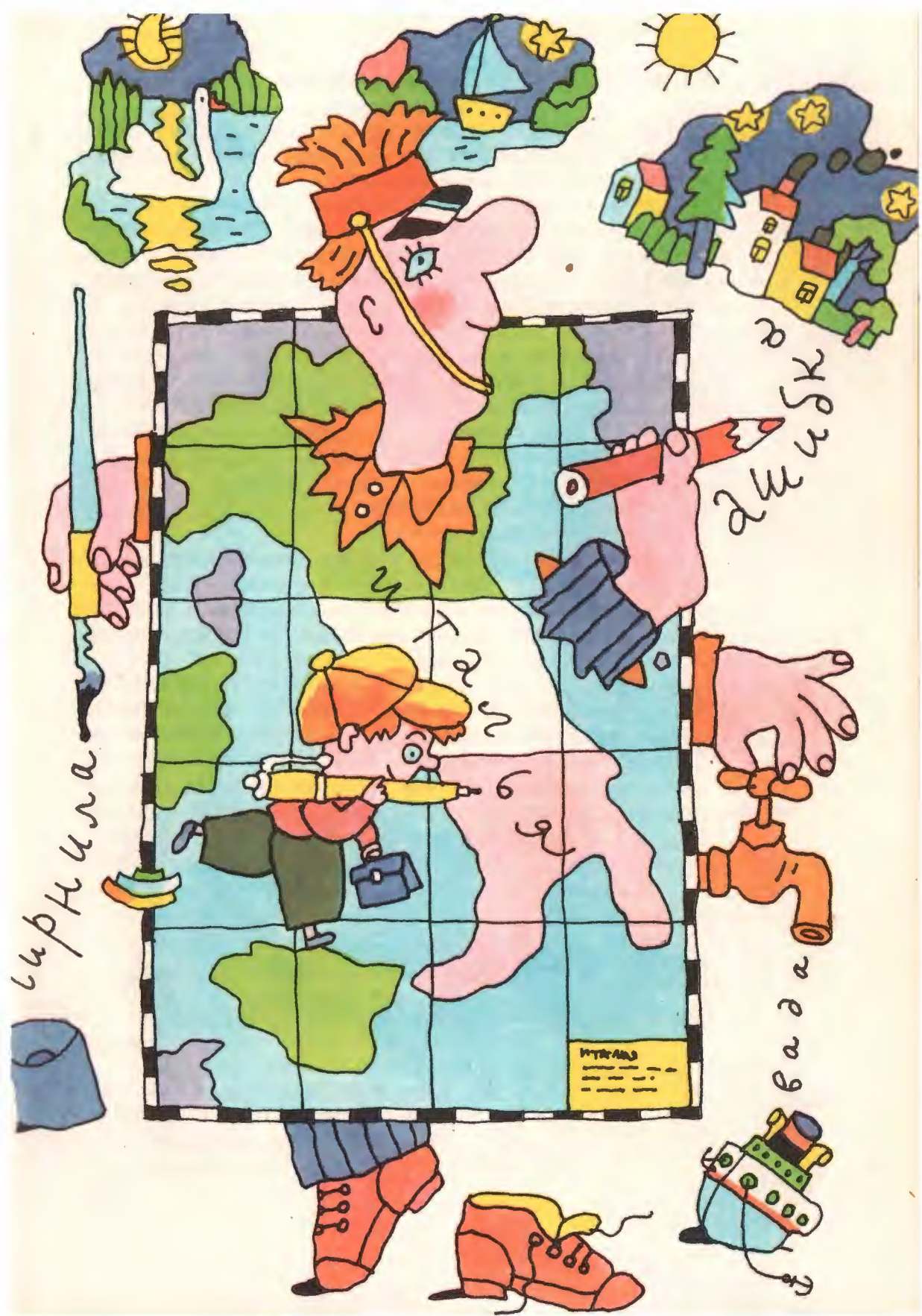
— Да я так просто. Может, кто-нибудь из учеников написал «вАда», и поэтому испортился водопровод...

— Это Клара! — воскликнула Розетта, указывая на свою соседку по парте.

Клара расплакалась. Через три парты от нее тут же разрыдалась ее сестра-двойняшка Альбертина. Девочки очень любили друг друга, и если плакала одна, то ей непременно начинала вторить другая.

— Да что же это такое! — вскричал я, теряя терпение, но тут снова в дверях появилась половинка фуражки все того же «няни». Он внес географическую карту.

— Что это? Зачем? Разве я просил принести ее?

Супер

диск

баба

Планета

— Я выполняю указание руководства! — ответил нянь.— Взгляните, кто-то написал Италья вместо Италия.

Этот «кто-то» был Осоло Джузеппе ди Джузеппе (так его звали в отличие от Осолы Джузеппе ди Карло и от Осолы Джузеппе ди Антонио).

— И вот результат! — с восторгом закричал «няня», показывая географическую карту, на которой были изображены остатки Италии, пережившей какую-то ужасную катастрофу: Сицилия оказалась на месте Ломбардии, Милан вместе с островом Эльба плавал в Неаполитанском заливе, Рим громоздился на вершине горы Монте Бьянко...

Бедная родина, сплошная ошибка! Да что толку вздыхать и ужасаться. К тому же в дверь, которую «няня» оставил приоткрытой, повалили мыши, сотни мышей, тысячи... Они неслись, словно спешили за дудочником Гаммелином.

— Ну вот опять, — огорчился «няня». — Мыши для нас настоящее бедствие! И знаете почему? Потому что у нас есть только мышИловки, и мыши преспокойно обходят их. А самое замечательное, что...

Но я так и не узнал никогда, что, по мнению няня, было самым замечательным, потому что он исчез, так и не закончив фразу. А вместе с ним исчезли мыши, и Италия приобрела привычную форму сапога. И за окном снова появилось озеро, лебеди, деревья, наш городок. И мы снова вернулись на землю. Ура! Труднейшая строка была написана. Я заглянул в тетрадь Орlando и прочитал: «Мне очень жаль расставаться с моим любимым учителем». Орlando ласково смотрел на меня, и на лице его сияла самая чистая улыбка. На этот раз он имел полное право улыбаться, потому что не сделал ни единой ошибки.

— Ладно, закончим на этом, — заторопился я, опасаясь, как бы новая ошибка снова не забросила нас на планету АшиПка.— Хватит. На сегодня и на этот учебный год.

Как путешествовал Кузнечик

Жил-был один кузнечик,
Прекраснейший певец,
Все оперы на свете
Пропел наш молодец.

Отправился в Ла Скала,
В известный театр, в Милан.
Его манила слава,
Но был пустым карман.

Билет на поезд дорог,
Купить его не смог,
Скакал босым бедняжка,
Чтоб не трепать сапог.

Где можно, экономил,
Была скудна еда.
А вскоре приключилась
С кузнечиком беда.

В Ломбардии суровой
Под ливнем он промок,
Жестоко простудился
И больше петь не мог.

В театре провалился,
Пришлось скакать назад.
В село свое вернулся,
Рыдал сто дней подряд.

Кузнечик безголосый
Потом всех уверял,
Что виноват был зонтик,
Который он не взял.

Два верблюда

Как-то раз одногорбый верблюд сказал верблюду двугорбому:

— Мой бедный приятель, позволь выразить тебе мое соболезнование.

— А в чем дело? — удивился тот. — Кажется, я не ношу траура.

— Вижу, вижу, — продолжал одногорбый верблюд, — что ты даже не понимаешь, как несчастлив. Ведь ты такой же верблюд, как я, только с недостатком — у тебя два горба вместо одного. И это, конечно, очень, очень грустно.

— Прости меня,— ответил двугорбый верблюд,— я не хотел тебе это говорить, не хотел обижать, но раз уж ты сам заговорил об этом, так знай же, что из нас двоих ты несчастнее. Потому что это ты с дефектом. Это у тебя вместо двух горбов, как должно быть у приличного верблюда, всего один!

Так они спорили довольно долго и даже чуть не подрались, как вдруг увидели проходящего мимо бедуина.

— Давай спросим у него, кто из нас прав,— предложил одногорбый верблюд.

Бедуин терпеливо выслушал их, покачал головой и ответил:

— Друзья мои, вы оба с недостатками. Но не в горбах дело. Их вам подарила природа. Двугорбый красив тем, что у него два горба, а одногорбый красив, потому что у него только один горб. А недостаток ваш в том, что вы до сих пор не поняли этого!

Путешествие в Малинию

Конечно, путешествовать
По незнакомым странам
Любим возможно транспортом.
А можно, как ни странно,
Отправиться в поездку
На пишущей машинке,
Благодаря ошибке...

Однажды я задумался,
Не те нажал я клавиши,
И вместо обращения
К моей подруге детства
Оливии Лавинии
В Малинию попал.

Страна, скажу вам, чудная!
Там жизнь совсем нетрудная:
Кругом растет малина,
И в вафельных долинах
Течет сироп из ягод

В железных берегах.
Народ не знает тягот,
Работает как надо,
За совесть — не за страх.

В чудесную Малинию
Частенько прилетают
Соседи из Черничии,
Друзья из Земляничии —
Кузнечики и бабочки,
Фламинго и дрозды.

Играют с ними дети,
Забыв про все на свете,
И скоро их костюмчики
И беленькие шапочки
От угощений ягодных
Становятся цветастыми,
Как клоунский наряд.

Страна моя счастливая,
Прекрасная Малиния,
Открытая ошибочно...

Но я ошибке рад!

Птицы

Я знаю одного синьора, который очень любит птиц. Всяких — и лесных, и болотных, и полевых: ворон, трясогузок, колибри; уток, водяных курочек, зеленушек, фазанов; европейских птиц и птиц африканских. У него дома целая библиотека о птицах — три тысячи томов, и многие даже в кожаном переплете.

С большим увлечением изучая жизнь птиц, он открыл, что аисты, когда летят с севера на юг, пролетают над Испанией и Марокко или над Турцией, Сирией и Египтом, делая таким образом большой круг, лишь бы не лететь над Средиземным морем — они очень боятся его. Не всегда ведь самая короткая дорога — самая надежная.

Вот уже многие годы, даже десятилетия, этот мой любознательный знакомый изучает жизнь птиц. Неудивительно, что он точно знает, когда они прилетают.

Тогда он берет свое автоматическое ружье и — бах, бах! — стреляет без промаха.

Рыбы

— Будь осторожна! — сказала как-то большая рыба рыбе маленькой. — Вот это — крючок! Не трогай его!

— Почему? — спросила маленькая рыбка.

— По двум причинам, — ответила большая рыба. — Начнем с того, что, если ты схватишь его, тебя поймут, обваляют в муке и поджарят на сковороде. А затем съедят с гарниром из салата!

— Ой, ой! Спасибо тебе большое, что предупредила! Ты спасла мне жизнь! А вторая причина?

— А вторая причина в том, — объяснила большая рыба, — что я сама хочу тебя съесть!

Две республики

Были когда-то две республики: одна называлась Республика Семпрония, другая — Республика Тиция. Существовали они уже многие века, и всегда были соседями.

Семпронские ребята учили в школе, что Семпрония граничит на западе с Тицией, и беда, если они этого не запомнят.

Тицийские ребята учили в школе, что Тиция граничит на востоке с Семпронией, и знали, что, если они не усвоят это, их не переведут в следующий класс.

За много веков Семпрония и Тиция, разумеется, частенько ссорились и по меньшей мере раз десять воевали друг с другом, пуская в ход сначала пики, потом ружья, затем пушки, самолеты, танки и т. д. И нельзя сказать, чтобы семпронийцы и тицийцы ненавидели друг друга. Напротив, в мирное время семпронийцы нередко приезжали в Тицию и находили, что это очень красивая страна, а тицийцы проводили в Семпронии каникулы и чувствовали себя там прекрасно.

Однако ребята, изучая в школе историю, слышали много плохого про своих соседей.

Школьники Семпронии читали в своих учебниках, что война всегда начиналась по вине тицийцев. Школьники

Тиции читали в своих учебниках, что семпронийцы часто нападали на их страну.

Школьники Тиции учили: «Знаменитая битва при Туци-Наци окончилась для семпронийцев позорным бегством».

Школьники Семпронии заучивали: «В знаменитом сражении при Наци-Туци тицийцы потерпели ужасное поражение».

В семпронийских учебниках истории были подробно перечислены все злодеяния тицийцев.

В тицийских учебниках истории были так же подробно перечислены преступления семпронийцев.

Неплохо все перепуталось, не так ли? Но я тут ни при чем. Именно так все и было — так и жили эти две республики. И, наверное, еще какие-то другие республики, названия которых мне сейчас не припомнить.

Мальчик и стол

Один мальчик, прыгая, больно ударился коленом о стол и рассердился:

— Противный стол!

Отец обещал этому мальчику принести интересный журнал с картинками, но забыл. И мальчик заплакал. Отец рассердился и закричал на него:

— Противный мальчишка!

Стол остался ужасно доволен.

Веселое оружие

Вот пистолет игрушечный,
Всегда стреляет мимо —
Не пулями, а дымом.

А вот, смотрите, пушка,
Веселая игрушка,
Стреляет понарошку,
Не напугает крошку,

И даже телевизор
От выстрела такого
Не вздрогнет, не сломается,
А только улыбается.

С игрушечным оружием
Легко ребенку справиться:
Пугает понарошку,
Не ранит, не убьет,
Повеселит немножко
И спать под шкаф пойдет.

Прошу вас очень, люди,
Ошибку исключить,
Оружие настоящее —
Гранаты, пистолеты,
Все пушки и ракеты
И атомные бомбы —
В игрушки превратить!
Тогда, поверьте, люди,
Войны совсем не будет
И можно мирно жить!

Неверное эхо

Не вздумайте нахваливать мне чудеса эха, не поверю!
Вчера меня повели знакомиться с одним из них. Я начал
с простейших арифметических вопросов:

— Сколько будет дважды два?

— Два! — ответило эхо, даже не подумав.

Неплохое начало, ничего не скажешь!

— Сколько будет трижды три?

— Три! — радостно воскликнуло глупенькое эхо.

В арифметике оно было явно не сильно. Я решил
дать ему возможность исправиться и сказал:

— Выслушай мой вопрос и подумай как следует,
прежде чем ответить. Что больше Рим или озеро Комо?

— Комо, — ответило эхо.

— Ну, ладно, оставим в покое географию. Перейдем
к истории. Кто основал Рим — Ромул или Цезарь?

— Цезарь, — крикнуло эхо.

Тут я совсем рассердился и решил задать последний
вопрос:

— Кто из нас меньше знает, я или ты?

— Ты! — невозмутимо ответило эхо.

Нет, не вздумайте нахваливать мне чудеса эха...

Закройте скобку!

Однажды беспечный школьник
Куда-то спешил
И скобку в примере
Закреть позабыл.
Цифры без скобки
Долго бодрились
И наконец простудились.
И попросили робко:

«Пожалуйста,
Кто-нибудь
Закройте скобку!
Иначе,
Предупреждаем,
Все задачи
Вам зачихаем!»

Цепь

Цепь стыдилась самой себя. «Увы,— думала она,— все презирают меня. И это понятно. Люди любят свободу и презирают оковы».

Проходил мимо какой-то человек. Он взял цепь, забрался на дерево, привязал оба ее конца к самому крепкому суку и сделал качели.

Теперь цепь служит для того, чтобы высоко взлетали на качелях детишки этого человека. И она очень довольна.

Дети и куклы

Я своей малышке дочке
Подарил большую куклу
И кукольный дом,
Где с комфортом,
Как на курорте,
Живет сказочный гном.
Есть у куклы
Хорошая спальня

И своя умывальня,
Кухня с набором посуды;
Есть матрешки и верблюды
И немало других зверюшек,
Очень забавных игрушек.

Даже коляска имеется
Для прогулок по коридору,
Когда туфли у куклы жмут,
Если они ей не впору.

А у куклы есть своя кукла-дочка,
У которой свой собственный домик,
Где живет поменьше гномик,
И помельче другие игрушки —
От диванчика до подушки.

А у куклы-дочки тоже есть кукла-дочка,
Лучшая в Италии...

И так далее, и так далее.

История эта была бы забавна,
Если бы дети
На нашей планете
Имели бы всё на свете.
Как было бы славно!

Но часто бывает так,
Что у куклы
Есть какие угодно игрушки,
А у девчушки из бедной семьи
Нет самой простенькой
Куклы-подружки.

Кто командует?

Я спросил одну девочку:

— Кто командует у тебя в доме?

Она смотрит на меня и молчит.

— Ну так кто же командует — папа или мама?

Она опять смотрит на меня и молчит.

— Что же ты молчишь? Ну кто-то ведь, наверное,
командует?

Она опять смотрит на меня растерянно и молчит.

— Не знаешь, что значит командовать?

Да нет, она знает.

— Так в чем же дело?

Она смотрит на меня и молчит. Сердиться на нее? Может, она, бедняжка, немая? А она вдруг как побежит от меня... Потом остановилась, показала мне язык и прокричала со смехом:

— Никто не командует, потому что мы все любим друг друга!

Послушный Тонино

Эта песенка про Тонино,
Который был словно глина
И безропотно слушался всех,
Потому что его голова
Была пуста,
Как гнилой орех.

Из него что угодно можно слепить,
Какую хочешь фигуру.
Самый нелепый и дикий приказ
Он тотчас исполнит сдуру.

Только услышит «Тонино, бегом!»,
Несется стремглав, как спринтер.
Крикнут «стой!», в тот же миг замрет
И ждет, что еще ему крикнут.

Без команды «Тонино, спать!»,
Он в постель ни за что не ляжет.
Так неделями и не спит,
Если «Заснуть!» не прикажут.

— Ну-ка, Тонино, спрыгни вниз
Вон с той высокой крыши!
И мальчишка лезет повыше
На самый опасный карниз.

— Да держите его, глупца! —
Закричал я что было силы.
К великому счастью, чья-то рука
Его вовремя подхватила.

Ах, Тонино, бедняжка Тонино,
Как обидно быть глиной!..

Старые пословицы

В одном городе, о нравах и обычаях которого я еще как-нибудь расскажу вам, есть неказистое, пожалуй просто старомодное, здание. Это Приют для старых пословиц. Тут отдыхают на старости лет забытые пословицы. Когда-то они были молодыми и полными сил, но теперь уже мало кто о них вспоминает. Я, кажется, сказал — «отдыхают»? Нет, правильнее было бы сказать «без конца болтают и спорят»!

— Ослом родился, ослом и умрешь! — заявляет, например, одна старая пословица.

— Вовсе нет! — возражают ей собеседницы. — А если учиться? Прилежно и старательно, изо всех сил! И вообще, если очень захотеть, можно всего добиться!

— Счастлив тот, кто умеет довольствоваться малым! — заявляет другая старая пословица.

— Неправда! — тут же вмешивается еще одна старая пословица. — Если бы люди довольствовались тем, что имеют, они бы до сих пор жили на деревьях, как обезьяны!

— Тот, кто все делает сам, работает за троих! — слышится еще чей-то возглас.

И тут же кто-то возражает:

— Нет, кто работает сам, работает только за одного. Зато в единстве — сила!

Старые пословицы задумываются. А самая старая пословица говорит:

«Кто хочет мира, готовится к войне!»

Тогда старая пословица помоложе дает ей валерьяновых капель и терпеливо объясняет, что тот, кто хочет мира, должен готовить мир, а не бомбы.

Еще одна старая пословица заявляет:

— В своем доме каждый сам себе король!

— Но в таком случае,— возражают ей сразу все старые пословицы,— почему же всем приходится платить налоги? И за свет! И за газ! Ничего себе король!

Как видите, старые пословицы, споря друг с другом, говорят иногда и умные вещи. Но чаще всего спорят они только потому, что им просто доставляет удовольствие возражать друг другу.

— Самое трудное всегда в конце! — говорит, например, одна из пословиц.

Но другая тут же возражает:

— Нет, конец — делу венец!

И мне становится жаль их. Они не замечают, что мир меняется, что со старыми пословицами теперь далеко не уедешь, что жизнь могут изменить только молодые, смелые люди с хорошими, умелыми руками и умной, светлой головой. Такие, как вы!

Трагедия одной запятой

Жила на свете
Одна Запятая,
Жила забот никаких не зная.
Но как-то раз
Одна очень робкая ученица
От большого волнения
В конце сочинения,
Забыв все правила,
Запятую поставила.

От такого обращения
И от тяжести сотен слов
Со своими удареньями,
Которые Запятая
Приходилось теперь
Держать одной,

Бедняжка надорвалась
И вскоре скончалась.

Но вместо обычных цветов
И погребальных венков
Начертал учитель в тетради
Из восклицательных знаков
Красный букет —
Лентяйке привет!

Два мечтателя

Жил однажды человек, которому каждую ночь снились прекраснейшие сны. А утром он просыпался и... Впрочем, расскажу все по порядку.

Как-то утром синьор Прожекты проснулся и позвал жену:

— Скорее! Одевайся! Едем!

— Куда?

— Как куда? На Лаго Маджоре, на нашу новую дачу!

— На дачу?

— Ох, до чего же ты глупа! Ну, на ту самую дачу с красивым портиком и виноградником.

— Тебе не приснилось это случайно?

— Вот именно, я уже давно мечтал о такой даче и теперь хочу поехать туда, чтобы провести там пару недель.

Как ни возмущалась синьора Прожекты, ей все же пришлось собрать вещи и отправиться вслед за мужем.

К вечеру они объехали почти все побережье Лаго Маджоре, включая и швейцарский берег озера, но дачи, которая пригрезилась синьору Прожекты, нигде не было и в помине.

— Видишь,— сказала синьора Прожекты,— я была права. Это всего лишь прекрасный сон, мечта!

— Не понимаю,— бормотал синьор Прожекты,— не понимаю, как можно украсть целую дачу с портиком и виноградником!

В другой раз синьору Прожекты приснилось, будто он прекрасно говорит по-болгарски. Он помчался в книжный магазин, купил две пачки книг на болгарском языке и, вернувшись домой, принялся листать их.

— Странно,— недоумевал он,— не понимаю ни слова! А ведь с тех пор, как я проснулся, не прошло и двух часов. Разве можно так быстро забыть иностранный язык!

И синьор Прожекты еще долгие годы путал свои грезы с действительностью. Но вот однажды ему приснилось, будто он летает, держась за зонтик. Проснувшись, он тут же схватил зонтик жены и прыгнул в окно со второго этажа. Ну и сломал себе ногу.

Через несколько недель он поправился, излечившись при этом и от своих грез во сне и наяву. Иногда, правда, еще случалось ему видеть прекрасные сны, но, проснувшись, он всеми силами старался забыть их. Бывало, он грезил и наяву, но как только замечал это, сразу же встряхивался, словно собака, выходящая из воды.

Он худел, грустнел, стал тихим и молчаливым. Между тем его сын, который в начале истории был ребенком (и я о нем даже не упомянул, чтобы не усложнять рассказ), вырос, стал замечательным юношей — веселым, любознательным, сильным, ну просто золото, а не парень! Но отец считал, что у него есть один очень большой недостаток — уж очень он большой фантазер и мечтатель!

— Ах,— говорил юноша,— как я мечтаю отправиться в какое-нибудь большое путешествие! Я бы хотел объехать всю Европу — от Португалии до Урала!

— Перестань мечтать! — остерегал его отец. — Не ходи на меня!

Но юноша не переставал мечтать. Он собрал чемодан и отправился путешествовать, а когда вернулся, оказалось, что объехал всю Европу.

— Ах,— сказал он вскоре после приезда,— как бы я хотел побывать на Луне!

— Прекрати эти глупости! — возразил отец. — Не путай мечты с действительностью. Часто такая путаница бывает очень опасна!

Но молодой человек не перестал мечтать, а, напротив, так переплел свои мечты с действительностью, что стал космонавтом и полетел на Луну, а потом и на другие планеты.

Синьор Прожекты, однако, говоря о нем, всегда добавлял:

— Отличный парень, только уж очень любит мечтать. И еще пожалеет об этом, ох как пожалеет!

Несчастный или Несчастные?

Два вполне уважаемых синьора ехали верхом на лошадях по сельской дороге. Впереди показался какой-то дом, и они придержали лошадей. Тут в окно выглянул старик с длинной бородой, молча посмотрел на них и исчез.

— Бедняга, жаль его! — сказал первый синьор.

— Да, мне тоже! — согласился второй.

— Не дай-то бог потерять разум!

— Что и говорить!

— Какое несчастье для близких!

— Да уж, представляю!

— Хорошо еще, что он не буйный сумасшедший. Просто какое-то странное упрямство...

— В том-то все и дело! Такой выдающийся математик, а утверждает, будто Земля вертится вокруг Солнца!

— Чистое безумие! Бедный Галилео Галилей!

Последний дрозд

В одном селе за морем
Жил развеселый дрозд.
Был птицей он воспитанной —
Со всеми мил и прост.

Хотите знать всю правду,
Поклясться я готов:
Тот дрозд был на планете
Последним из дроздов.

И пел он по старинке,
Не под магнитофон.
Без помощи рекламы
Стал знаменитым он.

Послушать его пение
Со всех концов земли
Съезжались на машинах,
Моторках и дрезинах,
На мотоциклах, поездом —
Кто как, на чем могли.

Село тонуло в мареве
От выхлопов густых.
От грозного урчания,
От лязга, грохотания
Бедняжка дрозд притих.

Его чудесный голос
Не смог перекрычать
Весь этот адский грохот.
Уж лучше замолчать!

И дрозд село покинул,
Машинам петь не стал.
Умолк волшебный голос,
Последний дрозд пропал.

Жалоба глаза

Довелось мне однажды подслушать жалобу глаза.

«Тяжко мне стало жить. Я всегда видел, что Солнце вращается вокруг Земли. Но появились этот Коперник, этот Галилей и доказали, что Земля вертится вокруг Солнца. Смотрел я в воду и видел, что она чистая и прозрачная. Но этот голландец Левенгук изобрел микроскоп и заявил, что в капле воды больше живых существ, чем в зоопарке. Смотрю я ночью на небо. Оно черное, какие тут могут быть сомнения. У меня ведь прекрасное зрение. Но подводят меня к телескопу, направленному туда же, высоко в небо, и я вдруг вижу там миллионы звезд. Так что теперь уже бесспорно доказано, что я все вижу неверно. Видимо, мне пора уйти на пенсию».

— А кто же будет смотреть в микроскопы и телескопы?

Моя корова

Корова моя
Темно-синего цвета.
Кличут ее Карлетта.
Когда садится в трамвай,
Никогда не берет билета.

Смотрят рога на север,
А хвост направлен на юг.
Не правда ль, хороший компас,
Если заблудишься вдруг?

Когда поднимается ветер,
Она надевает пальто,
В дырявый ботинок влезает
И вежливо машет хвостом.

Корова моя
Очень послушная,
Всем подает лапу.
Когда она станет взрослой,
Наверное, купит шляпу.

(Господин учитель,
Мое сочинение
Вас позабавит,
Потому что, честное слово,
Нет у меня коровы,
Не ведаю даже,
На что же она похожа...
Знаю, так поступать нежеже,
Но очень хотелось порадовать вас
И перейти в третий класс.)

Когда осел полетит

На берегу реки в жалком домишке жила одна бедная семья, такая бедная, что еды никогда не хватало на всех и кому-то одному непременно приходилось голодать.

Дети спрашивали дедушку:

— Почему мы не богатые? Когда мы разбогатеем?

Дедушка отвечал:

— Когда осел полетит!

Дети смеялись. Но все-таки немножко верили в это. И время от времени забегали в хлев, где осел жевал свою солому, гладили его и говорили:

— Мы все ждем, когда же ты наконец полетишь.

Утром первым делом они спешили к ослу.

— Ну сегодня? Смотри, какая хорошая погода, какое чистое небо! Самое подходящее время, чтобы полететь!

Но осел не обращал на них внимания и продолжал жевать свою солому.

Осенью начались сильные дожди, и река вышла из берегов. Плотина не выдержала напора, вода хлынула на равнину, затопила всю округу.

Несчастливым людям пришлось забраться на крышу. Они втащили туда и осла, потому что это было их главное богатство. Дети расплакались, и дедушка стал рассказывать им разные истории, а потом, чтобы рассмешить их, сказал, обращаясь к ослу:

— Глупый, видишь, какую беду ты навлек на нас! А умел бы ты летать, все было бы иначе!

Вскоре им помогли пожарные, которые подплыли к затопленному домику на моторной лодке. Они сняли людей с крыши и перевезли их в безопасное место. А осел ни за что не захотел спускаться в лодку. Дети опять расплакались и стали упрашивать его:

— Ну поехали с нами, поехали!

— Ладно,— решил пожарный,— потом вернемся за ним. А сейчас надо спасти людей.

Моторная лодка ушла, и осел остался на крыше.

И знаете, как его спасли? С помощью вертолета! Красивая металлическая стрекоза с мотором, жужжа, повисла над крышей домика. Из вертолета спустился по канату человек. Он, видимо, хорошо знал, как надо обращаться с осликами, потому что ловко подвязал его веревками под живот, вернулся в кабину, и вертолет поднялся.

И дети, стоявшие на холме, увидели, что их осел летит по воздуху. Они запрыгали, закричали, засмеялись:

— Осел полетел! Осел полетел! Теперь мы разбогатеем!

На крики ребят сбегался народ. Люди смотрели на осла и спрашивали:

— Что случилось? Что происходит?

— Наш осел полетел! — радовались ребята. — Теперь мы разбогатеем!

Лица людей осветились улыбкой, словно над мрачной, затопленной равниной взошло солнце. И кто-то сказал:

— У вас впереди еще такая большая жизнь, что бедными вас никак не назовешь.

Огромная муха и крохотный бегемот

Огромная муха
Узнала по слухам,
Что в зоопарке живет
Крохотный бегемот.

Муха сказала:
— Вот хорошо бы,
Чтобы
У меня, такой важной особы,
Служил на посылках
Такой бегемот,
Какой бы громадный
Был мне почет! •
Подумать только,
Как престижно
Побывать с бегемотом
В лавке книжной
Иль погулять, как с болонкой,
Крохотной собачонкой.
И тогда бы
На улице нашей
Я обрела больше веса,
Чем дородная баронесса!

Размечтавшись, огромная муха
Отправилась в зоопарк,
Чтоб с бегемотом-малышкой
Заключить контракт.
Нашла нужную клетку
И села возле на ветку.
Взглянула и испугалась —
В бассейне гора возвышалась!

Оказалось,
Что она, огромная муха,
Меньше в тысячу раз
Бегемота уха!

Не верьте, друзья,
Обманчивым слухам:
Даже самый крохотный бегемот
Намного больше
Огромной мухи,
А не наоборот.

Как лису хоронили

Однажды куры увидели на тропинке лису: лежит себе, совсем как неживая, глаза прикрыты, и хвост не шелокнется.

— Она умерла, умерла! — закудахтали куры. — Надо похоронить ее!

И они тут же зазвонили в колокола, облачились в траур, и петух пошел рыть яму в поле.

Это были очень красивые похороны, и цыплята принесли цветы. Когда же подошли к яме, лиса вдруг выскочила из гроба и съела всех кур.

Новость быстро разнеслась по всем курятникам. О ней передавали даже по радио. Но лису это нисколько не огорчило. Она затаилась на некоторое время, а потом перелазала в другое село и снова разлеглась на тропинке, прикрыв глаза.

Пришли куры из другого села и тоже сразу закудахтали:

— Она умерла, умерла! Надо похоронить ее!

Зазвонили в колокола, облачились в траур, и петух пошел рыть яму на кукурузном поле.

Это были очень красивые похороны, и цыплята пели так, что слышно было даже во Франции.

Когда же подошли к яме, лиса выскочила из гроба и съела весь похоронный кортеж.

Новость быстро разнеслась по всем курятникам и заставила пролить немало слез. О ней говорили даже по телевидению, но лиса ни капельки не испугалась. Она знала, что у кур короткая память, и жила себе припеваючи, притворяясь, когда надо, мертвой. А тот, кто будет поступать, как те куры, совсем не понял эту историю.

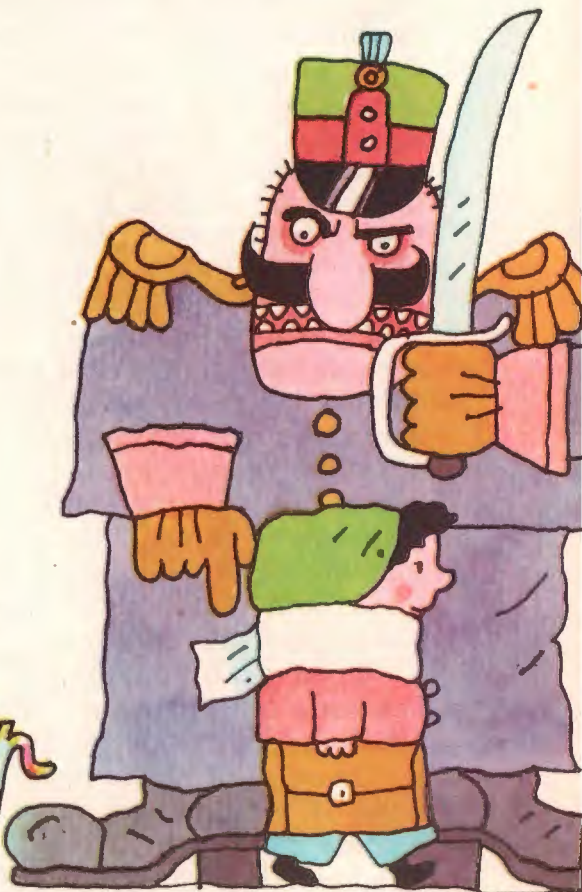
Точка

Малюсенькая точка
Однажды в пылу спора
С апломбом заявила:
— Лишь я всему опора!
Ведь мною люди часто
Заканчивают строчку
И говорят обычно:
«На этом ставим точку!»

Ты слишком возгордилась! —
Слова ей возражали. —
Закончив фразу точкой,
Нас пишут ниже строчкой,
Чтоб снова мысль рождалась...
А ты — воображала!

Бухгалтер и Боря

В Триесте в конторах разных пароходных компаний нередко встречаются невысокие, худощавые люди, которые всю свою жизнь заняты только тем, что выписывают бесчисленные колонки цифр и ведут учет корреспонденции с Нью-Йорком, Сиднеем, Ливерпулем, Одессой, Сингапуром. Люди эти свободно разговаривают на пяти или шести языках — на итальянском, немецком, английском, словацком, хорватском, венгерском — и переходят с одного языка на другой с легкостью птички, порхающей с ветки на ветку одного и того же дерева. Жены у этих

людей, как правило, высокие, светловолосые, красивые, потому что в Триесте все женщины красивые. Дети у них тоже высокие и крепкие, занимаются спортом, греблей, изучают ядерную физику и т. д. Но сами они, эти люди, бог знает почему, невысокого роста, худощавы. Впрочем, может быть, мне только так кажется, потому что я хорошо знаю бухгалтера Франческо Джузеппе Франца — того самого знаменитого бухгалтера Франца, которого унесла бора. Бора — это сильный северный ветер, который часто дует в Триесте. Он сильнее и быстрее курьерского поезда, идущего на полной скорости. Так вот, Франческо Джузеппе, когда был мальчиком и ходил в школу, весил не больше кошки. И в те дни, когда дул ветер, его мать, прежде чем выпустить сынишку из дома, давала ему тысячу наставлений и клала в портфель кирпич, чтобы ветер не унес его бог знает куда.

Однажды, а точнее — летом 1915 года, этот самый легкий ученик Триеста спокойно шел в школу, неся портфель с учебниками и кирпичом, как вдруг австрийский жандарм, грозно указав на него пальцем, обвинил его в демонстрации протеста. Дело в том, что на Франческо Джузеппе было зеленое пальто, красный шарф и белый шерстяной берет¹, так что он двигался по улице, словно маленький итальянский флаг, сбежавший из ящика комода, для того чтобы нарушить общественный порядок в Австрийской империи².

Франческо Джузеппе носил очки, поскольку был немного близорук, но грозный палец жандарма он мог различить и среди тысячи других пальцев.

От испуга Франческо Джузеппе выронил портфель. Если б воздушный шар сбросил сразу весь свой груз и даже кабину, он не смог бы взлететь вверх быстрее, чем это сделал Франческо Джузеппе. Оставшись без спасительного противовеса, он оторвался от земли, а бора подхватила его и понесла по воздуху, словно пушинку.

Минуту спустя маленькое итальянское знамя, зацепившись за фонарь, развевалось высоко над тротуаром.

— Спускайся! — кричала Австро-Венгерская империя.

— Не могу! — отвечал Франческо Джузеппе.

Он действительно не мог. Очень трудно карабкаться

¹ Зеленый, красный, белый — три цвета итальянского флага. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² В 1915 году Триест входил в состав Австрийской империи.

вверх, но еще труднее спускаться вниз, особенно когда мешает ветер.

У фонаря вскоре собралась небольшая толпа, и многие добрые триестинцы притворились, будто сердятся на возмутителя спокойствия.

— Эй, мальчишка, слушайся синьора жандарма!

— Да где там! Нынешняя молодежь никакого уважения не питает к властям.

Жандарм ушел за подмогой. Тогда из лавки вышел колбасник с лестницей, а рассыльный из порта забрался по ней и спустил Франческо Джузеппе вниз. Мальчик схватил свой портфель и пустился бежать со всех ног, а вслед ему неслись аплодисменты и смех.

Прошли годы, десятилетия. Франческо Джузеппе стал образцовым служащим. Он выписывал длинные колонки цифр, отправлял письма в Мехико, сопровождал свою красавицу жену на концерты, а детей — на спортплощадку. Но в те дни, когда дула бора, он всегда, в память о маме, клал в портфель все тот же старый кирпич.

Однажды утром — это было в 1957 году — дула сильная бора, и он с трудом шел против ветра. Вдруг его задела какая-то собака, и он уронил свой портфель. Тот упал ему прямо на ногу, а ведь в нем был кирпич. Но Франческо Джузеппе не успел почувствовать боли, потому что ветер тотчас же подхватил его и унес высоко в небо — он оказался над крышами домов, над торговыми кораблями, стоявшими на якоре в порту, и все летел и летел, пока не зацепился наконец за дымовую трубу какого-то корабля, отходившего в Австралию.

Спуститься он не решался, а снизу, с палубы, его никто не видел. Его заметили, только когда корабль уже переходил из Адриатического моря в Ионическое.

— Капитан, на борту безбилетный пассажир, «заяц»!

— Черт возьми! Придется везти его до Александрии, в Египет... Не возвращаться же из-за него с полпути.

Франческо Джузеппе возмутился, что его называют зайцем. Он рассказал про ветер, про кирпич и собаку, но когда заметил, что капитан готов взять свои слова назад только для того, чтоб назвать его чокнутым, замолчал.

Из Александрии он телеграфировал жене и на службу и попросил, чтобы ему помогли вернуться домой.

Разумеется, в Триесте ему тоже не поверили.

— Унесен борой? Да бросьте вы сказки рассказывать!

— Можно проверить на опыте,— предложил бухгалтер.— Могу показать, как это случилось.

А когда жена предложила ему вместо опыта сходить к врачу, он перестал уверять, что говорит правду.

«Ладно,— решил он про себя,— тем хуже для них. Пусть это будет мой секрет».

И он хранит его до сих пор. Каждый раз, когда начинает дуть бора, Франческо Джузеппе делает так: день или два живет спокойно, как ни в чем не бывало, чтобы никто ничего не заподозрил, а потом уходит за город и летает.

Он заполняет карманы камнями, привязывает веревку к поясу и к какому-нибудь дереву. Затем постепенно выбрасывает камни из карманов и поднимается в воздух до тех пор, пока не натягивается веревка. В таком положении он остается наверху столько времени, сколько ему хочется, если бора не прекращается.

Он смотрит по сторонам, с интересом наблюдает, как удивляются ему птицы. Иногда читает книгу. Больше всего он любит стихи Умберто Сабы, великого триестинского поэта, скончавшегося несколько лет назад. Может быть, это вас очень удивит, но не должно бы. Почему, собственно, бухгалтер не может любить стихи? Почему обыкновенный человек, такой, как все, как многие другие, не может иметь свой собственный, сокровенный секрет?

Никогда не судите о людях по их внешнему виду, по их профессии, по их одежде. Каждый человек способен на самые необыкновенные дела, и многие их не совершают только потому, что не знают, что могут.

Или потому, что не умеют вовремя освободиться от своего кирпича.

Памятник

Я слышал, где-то в Японии
В буддийском монастыре
Поставлен нелепый памятник
На заднем, глухом дворе.

Двое важных господ из мрамора
В гранитных колясках сидят,

Потому что они придумали
Новый транспорт, как говорят.

В оглобли, где место ослику,
Впряжен человек усталый.
Зовется он коротко рикшею
И приносит доход немалый.

Но деньги, что им заработаны,
В карманах господских таяли.
Неужели за это в мраморе
Им монумент поставили?

Нет сомненья, позорный
памятник
Перед буддийским храмом
Чья-то ошибка громадная —
Напрасно истраченный мрамор.

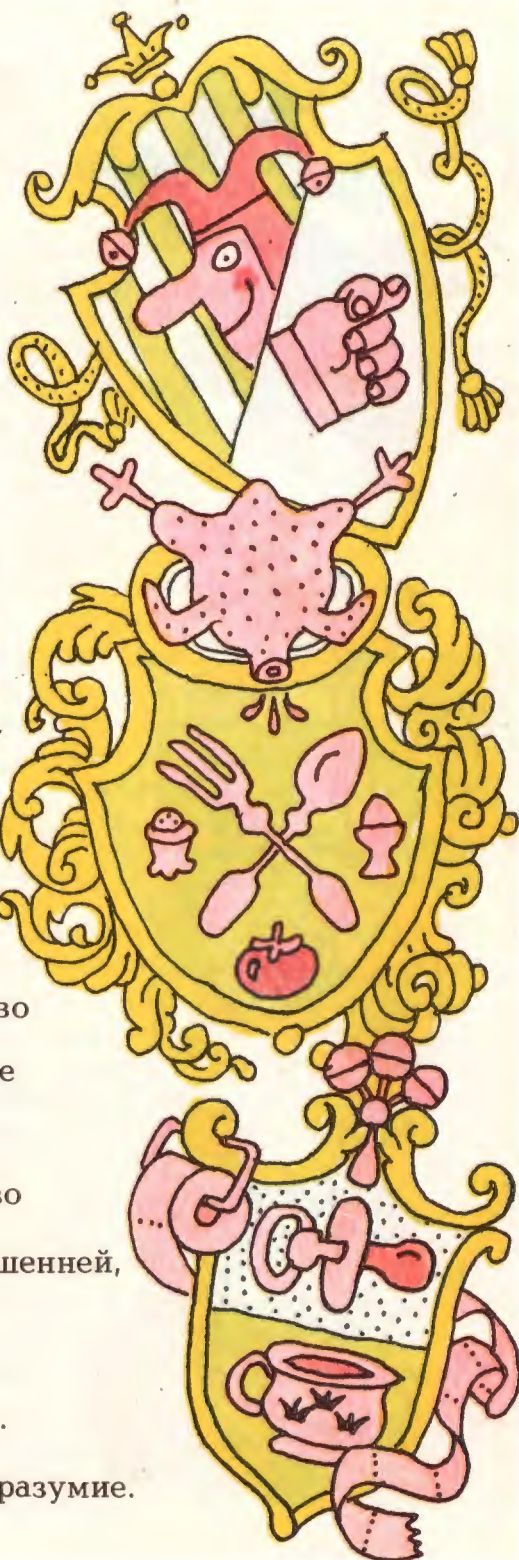
Титулы

Давайте придумаем титулы
Для очень тщеславных особ,
Кто ни князем, ни графом
Не смог родиться,
Но не может без титулов
Обходиться.

Ваша светлость и ваше священство
Ласкают и гордость и слух,
Но если сказать — ваше приличие
Или ваша правдивость —
Глупец к таким титулам глух.

А чем плохо — ваше приятельство
Или ваше молодчество?
Звучит, по-моему, гораздо возвышенней,
Чем ваше сиятельство
Или ваше высочество.

Есть еще неплохие титулы:
Ваше тиранство и ваше безумие...
Но величать подобным образом
Мещают нам скромность и благоразумие.

Песенка наоборот

Дедушка.

Хочешь спою тебе
Песенку наоборот,
Как один крот
Летал в облаках;
А жираф,
Забравшись на шкаф,
Воскресным днем
Ушел в плаванье на нем?

Внук.

Ой, дедушка,
Перепутал ты все на свете:
Не в облаках летал крот,
А на ракете;
А жираф
Не забирался на шкаф,
А участвовал в походе
На туристском теплоходе.

Дедушка.

Хочешь спою тебе
Песенку наоборот,
Как при хорошей погоде
Покинули клумбу цветы
И для бóльшей красоты
Расцвели на тучах...

Внук.

Ой, дедушка,
Помолчи лучше.
На спутнике цветы
Улетели с Земли
И в космосе расцвели.
Отстал ты совсем от века.
Стыдно быть таким
Несегодняшним человеком!

Встреча с Волшебниками

Меня зовут Оскар Бестетти, родом я из Болоньи и работаю в одной торговой фирме. Чтобы подыскивать покупателей и рекламировать товары, мне приходится ездить на своей машине по всей Италии, так что давайте спрашивайте о чем угодно. Хотите знать, сколько шлагбаумов на виа Аурелиа между Гроссетто и Фоллоникой? Сколько поворотов на виа Кассия между Витербо и Сиеной? Я знаю все обо всех дорогах нашего полуострова!

Бывает, что сажаю в машину тех, кто голосует на дороге — просит подвезти. Частенько кто-нибудь стоит у обочины и машет рукой — остановись, мол. Теперь так делают даже старушки, которые несут на рынок свежие яйца. С помощью такого автостопа они экономят, не тратя деньги на поезд или автобус. Когда в машине есть место и можно не спешить, я охотно подсаживаю людей: и поболтать приятно, и время летит быстро, да и узнаешь немало интересного. В прошлом году — это было в июле — у Виареджо останавливают меня двое парней.

— Не в Турин ли едете?

— В Турин. Садитесь.

И они садятся со своими рюкзаками — двое славных парней, двое туринских рабочих, которые провели отпуск у моря и теперь возвращались домой. Веселые, компанейские ребята. Одного звали Берто, другого Джулио. Ну, это все ничего. Мы разговорились, конечно, о том о сем, и я не заметил, как кончился бензин. Вернее, заметил, да поздно, когда уже совсем ничего не осталось в баке. Мотор поворчал, почихал, плюнул разок и замолчал.

— Ай-ай! — говорю. — Слыхали новость? До ближайшей бензоколонки всего каких-нибудь десять километров, и в каждом ровно по тысяче метров.

— Подумаешь! — говорит Берто. Или, может быть, Джулио? Ладно, оба смеются. — Туринцы мы или не туринцы? — говорят. — К тому же опытные механики. У машин от нас секретов нет.

— Тут дело не в технике и не в секретах, — возражаю я. — У меня ни капли бензина, даже в зажигалке.

— Резиновая трубка у вас найдется?

— Конечно. Только бензин она не заменит.

— Сейчас посмотрим. Да, да, вот такая нам и нужна!

Берто берет трубку, выходит из машины и что-то делает возле бензобака. Джулио улыбается.

— А что он там делает? — спрашиваю.

— Сейчас кончит. Бензин — это его специальность.

Берто идет к обочине дороги, срывает штук десять крупных маков, затем выбирает один из них, засовывает его в трубку, тотчас же раздается бульканье и появляется сильный запах бензина. Бензобак наполняется за несколько секунд. И мы едем дальше. У меня от удивления глаза на лоб лезут, но я не решаюсь и слова сказать.

— Видали? — говорит Джулио. — Да это же пустяки! Мы в автомобилях кое-что смыслим.

Я помалкиваю. И едва не врезаюсь в шлагбаум. Спыхватываюсь, жму на тормоза...

— Да вы что, — смеясь, кричит Джулио, — с ума сошли, что ли!

И тут же изо всех сил жмет ногой на акселератор.

— Спасайся, кто может! — ору я и зажимаюсь, чтобы не видеть, как произойдет катастрофа. Только ничего не случилось. Открываю глаза — машина, слегка задрвав капот, не замедляя движения, плавно перелетает шлагбаум и... проносится *над товарным составом*, несущимся на большой скорости, опускается на другой стороне и, коснувшись шинами асфальта, снова мчится вперед как ни в чем не бывало.

Парни на все это ноль внимания и продолжают болтать о каком-то туринском кафе, где можно попробовать лучшие во всей Солнечной системе грибы.

— Но как же так... — бормочу я. — Что это было?.. То есть я хочу сказать... Надо же!

Парни с недоумением смотрят на меня:

— Вам плохо? Что-нибудь случилось? Хотите конфетку? Жевательную резинку?

— Какая там резинка? Объясните лучше, что за чудеса вы творите!

Парни смотрят на меня с еще большей тревогой.

— Поосторожней в выражениях! — говорит Берто. А может быть, Джулио или оба сразу. — Поосторожней! Мы честные рабочие люди, а вы что думаете? Мы можем собрать машину с завязанными руками и глазами, это верно. Так мы уже говорили об этом.

Я умолкаю. Уже проехали Геную, миновали Апеннины, приближаемся к Турину. День клонится к закату.

Некоторое время едем молча. Затем Джулио — видимо, для того, чтобы восстановить мир, — предлагает:

— Послушаем музыку?

— Жаль, — говорю, — но у меня в машине нет радио.

— Ну, если дело только за этим...

Он каким-то особым образом нажимает рычажок включения «дворников». Как? Понятия не имею. «Дворники» неподвижны, а в машине звучит веселая музыка. Джулио и Берто крепко хлопают друг друга по плечу и клянутся, что, как только приедут в Турин, отправятся потанцевать в одно хорошее местечко на набережной По.

— Я не...

— Э, да сколько можно, уважаемый! Все-то вам не по нраву.

— Поймите как следует только одно — для хорошего туринского механика нет ничего невозможного. Ясно?

«Бах! Бух! Бах!» Лопается шина.

Тяжело вздыхая, лезу в багажник за домкратом, чтобы сменить колесо. Но не успеваю и оглянуться, как шина уже в порядке. Она тверда, как камень. А Джулио кладет в карман своего пиджака карандаш. Готов поспорить, что он накачал шину этим карандашом!

Словом, я совсем перестал понимать, кого же все-таки посадил к себе в машину — двух рабочих или двух волшебников. И подумать только, что таких людей, как они, в Турине десятки тысяч...

Гвидоберто и этрусски

Много, очень много лет назад профессор Гвидоберто Доминициани отрастил себе щеголеватую черную бородку и отправился в Перуджу. Я не хочу сказать, что без бороды он не смог бы совершить визит в город, который, как уверяют путеводители, «был некогда крупным центром этрусской цивилизации». Я хочу сказать, что и та, и другая идея — отрастить бородку и побывать в Перуд-

же — родились одновременно, в одном и том же году. И с тех пор, точнее, с того дня, когда Гвидоберто прошел под этрусской аркой, которую еще называют Аркой Августа, его борода и город Перуджа уже не разлучались.

Надо вам сказать, что Гвидоберто до безумия любил... этрусков. Среди всех событий, всех народов и всех загадок истории только этруски обладали способностью привести его мозг в крайнее напряжение. Кто они такие? Откуда пришли в Италию? И самое главное: на каком таком чертовском языке они говорили?

Надо вам сказать также, что язык этрусков, словно неприступная крепость, тысячелетиями выдерживал атаки ученых всего мира. Но до сих пор никто так и не расшифровал его, никто не понимает ни единого слова.

Тем самым этруски словно отомстили за себя, как бы говоря: «Вы уничтожили нас? Ладно. Древние римляне захватили и покорили наши города? Прекрасно. Зато мы сделаем так, что никто никогда не сможет заниматься этрусками без головной боли и нервного истощения».

И вот Гвидоберто оказался в Этрусско-романском музее. Он медленно, неторопливо, тщательно осматривал один зал за другим, растягивая удовольствие, словно сладкоежка, откусывающий шоколад крохотными кусочками, чтобы продлить приятное ощущение. Удар молнии разразился, когда он увидел знаменитейший «чиппо» — могильный столбик из местного камня травертина с высеченной на нем знаменитейшей «этрусской надписью» — несколькими строками, над которыми ломали свои светлые головы сотни виднейших ученых, головоломкой, от которой бросало в дрожь лучших дешифровщиков и любителей ребусов и кроссвордов.

Увидеть этот знаменитый могильный столбик и влюбиться в него было для Гвидоберто минутным делом. Почтительно прикоснуться к нему и решить, вернее, поклясться, что он прочтет высеченную на нем надпись, тоже было вполне естественно.

Так уж устроены этрускологи, то есть те, кто изучает культуру этрусков. Профессор Гвидоберто Доминициани, приехав в Перуджу всего на один день, остался там на всю жизнь. Все рабочие дни с 9 до 12 и с 15 до 17 часов (в соответствии с расписанием работы музея) он проводил перед своим любимым столбиком, созерцая его.

Однажды утром, когда он размышлял над словом «расенна», пытаясь понять, означает ли оно «народ»,

«люди» или, может быть, «увитые цветами балконы», кто-то обратился к нему на незнакомом языке. Молодой голландец надеялся получить у него хоть какие-нибудь сведения. Гвидоберто напрасно пытался объясниться с ним по-немецки, по-английски или по-французски. Ясно было, что они изучали эти языки у весьма различных преподавателей, потому что понимали друг друга не лучше, чем крокодил и утюг. Тем не менее молодой человек и профессор ощущали острую потребность в общении.

Как быть? Гвидоберто не оставалось ничего другого, как изучить голландский язык. Через несколько недель грамматика и словарь Нидерландов уже не составляли для Гвидоберто никакого секрета, и молодой голландец — студент знаменитого перуджинского университета для иностранцев — уже клялся, что посвятит свою жизнь этрускам, по крайней мере, одну половину, а другую сохранит для Голландии.

На следующий год профессор Гвидоберто вынужден был — все так же урывками — освоить шведский, финский, сербскохорватский, португальский и японский языки. К этим национальностям принадлежали иностранные студенты, увлеченные этрусской проблемой. И Гвидоберто волей-неволей пришлось изучать их языки, раз уж он хотел быть уверенным, что они правильно ухватили суть вопроса, а именно, что этрусский язык — поразительнейшая загадка и что тот, кто надеется понять в нем хоть одно слово, имеет полное право на льготный пропуск в сумасшедший дом.

В течение следующих быстро промелькнувших пяти лет профессор Гвидоберто, не отрывая ни одной минуты от созерцания могильного столбика, изучил турецкий, русский, чешский и арабский языки, а также дюжину наречий и диалектов стран Среднего Востока и черной Африки. Потому что теперь в Перуджу приезжали студенты и оттуда, и в городе можно было услышать языки всех стран мира. Неудивительно, что однажды какой-то иранец сказал другому (это были туристы — не студенты):

— Как на строительстве Вавилонской башни!

— Ошибаетесь! — тут же отозвался профессор Гвидоберто, который проходил мимо и услышал эту реплику. Он сказал это, разумеется, на чистейшем персидском языке. — Перуджа, дорогие господа, полная противоположность Вавилонии. Ведь там произошло смешение

языков, и люди перестали понимать друг друга — родного брата, соседа по дому, сборщика налогов. Здесь наоборот. Сюда приезжают со всех концов света и прекрасно понимают друг друга. Наш университет для иностранцев — это, если позволите, прообраз будущего мира, в котором все народы будут жить в дружбе.

Иранские туристы, услышав от итальянца такой длиннейший и к тому же без единой ошибки монолог на их родном языке, от волнения чуть в обморок не попадали. Они тут же завладели Гвидоберто и ни за что не захотели отпускать его. Они пошли за ним в Этрusco-романский музей, позволили объяснить себе, что такое «чиппо» — могильный столбик, и очень быстро и охотно согласились, что этрусский язык — самая замечательная загадка во всей Вселенной.

— Подобных эпизодов я мог бы привести вам сотни. А сегодня профессор Гвидоберто безупречно пишет и говорит на двухстах четырнадцати языках и диалектах планеты, которые он изучил, как вы понимаете, только в свободное время. Его борода поседела, а под шляпой прячется совсем жалкая прядь волос. Каждое утро он спешит в музей и отдается своему любимому занятию. Для него «чиппо» — сердце Перуджи, больше того — всей Умбрии и даже Вселенной.

Когда кто-нибудь восхищается его лингвистическими знаниями и способностями, Гвидоберто резко прерывает собеседника.

— Не говорите глупостей! — возражает он. — За тридцать лет я так и не смог освоить этрусский язык.

То, чего мы еще не знаем, всегда важнее того, что знаем.

Вопросительный Знак

Жил среди нас
Любознайка ужасный.
Звали его Вопросительный Знак.
Он ни минуты не тратил напрасно,
Постоянно выпрашивал:
Это что? Это где? Это как?

Если кто-то ответил неверно
Или урок подготовил скверно,

Завиток на его макушке,
Похожий на полватрушки,
Угрожающе выпрямлялся
И в тонкий хлыст превращался.

Однажды в какой-то школе
На уроке решали задачу —
Ее завершал вопросительный знак.
Нелегкую эту задачу
Пытались решить и этак, и так —
Не решалась задача никак.

Вопросительный знак
Очень долго крепился,
Пока завиток его не раскрутился
И не выпрямился окончательно,
И тогда вопросительный знак
Превратился в знак восклицательный!

Пигмалион

Давным-давно, во времена древних мифов, жил на Кипре молодой скульптор по имени Пигмалион. Он любил свое искусство больше всего на свете. Когда каменщики приносили ему новый блок мрамора, он внимательно осматривал его, обходил вокруг и спрашивал себя:

— Интересно, кто скрыт в этой мраморной глыбе? Человек или бог? Женщина или хищный зверь?

Однажды он представил себе, что в камне скрыта красивейшая девушка, какой еще никто никогда не видел на Кипре, да что там на Кипре — на всем средиземноморском побережье!

Он с таким волнением принялся за работу, что даже вслух заговорил сам с собой:

— Я знаю, ты томишься там многие тысячелетия! Потерпи, и я освобожу тебя из мраморного плена!

День за днем работал он, не зная отдыха. И каждый удар его резца приближал освобождение прекраснейшей девушки. И когда он касался своим инструментом ее носа, губ, маленьких, скрытых за локонами ушей, он дрожал от страха, как бы не причинить ей боль.

Он старательно разгладил складки ее туники, сделал

ей изящные сандалии и долго трудился над ее пальцами, которые все казались ему недостаточно утонченными.

А когда последний раз коснулся резцом ее глаз, то заговорил с девушкой так, будто она могла понять его.

— Ты навсегда останешься со мной! — воскликнул он. — Ты прекрасна! Такой я и представлял тебя. Никогда не будет на свете женщины красивее тебя!

Желая доставить девушке удовольствие, Пигмалион подкрасил ей губы, нарисовал длинные ресницы, покрыл лаком ногти на руках и ногах, уложил волосы.

Когда же наступила ночь, он с тысячью предосторожностей опустил ее с подставки, уложил в свою постель и укрыл одеялом, натянув его до самого подбородка.

— Спи! — сказал он, укладываясь рядом на полу. — А я посижу, чтобы никто не потревожил твой сон.

Каждый день он менял ей наряды: то брал для нее у матери красивый плащ, то вышитую тунику, то пояс, украшенный драгоценными камнями, то шелковое покрывало.

Он приносил ей игрушки, угощал самыми свежими фруктами, самыми изысканными сладостями. Он клал все это к ногам статуи, не замечая, что она ни к чему не притрагивается, ни на что не смотрит.

Долгими часами он ласково говорил с ней, рассказывал сказки, сообщал домашние и городские новости, если они доходили до него, потому что сам он почти никуда не выходил и никого не хотел видеть.

Он даже совсем перестал работать.

Его родители, не решаясь побеспокоить сына, с тревогой упрасивали из-за двери:

— Сынок, приди в себя! Нельзя же любить кусок камня! Нельзя посвящать жизнь какой-то игрушке!

— Оставьте меня в покое! — взрывался он. — У меня есть все, что мне надо, я не хочу ничего другого!

Он разговаривал со своей статуей, представляя, что она отвечала бы ему, если бы могла говорить, и радовался:

— Ах, как ты мила, как остроумна!

Так девочки играют со своими куклами. Но девочки, когда вырастают, забывают кукол. А Пигмалион — юноша высокий, сильный и к тому же красивый — вел себя как ребенок, который не хочет расти.

Но чем дальше, тем труднее становилось ему убеждать себя, будто статуя отвечает ему, разговаривает с ним. Из-за этого он сделался нервным и раздражительным. А голос разума как нарочно становился все громче:

— Глупец! Не видишь разве, что эта девушка мертва! Немая и холодная статуя!

Пигмалион злился и подавлял в себе этот голос, но тот звучал все громче и громче, приводя юношу в отчаяние. Радость скульптора гасла быстро, как соломенный факел, и горе охватило его.

Если верить легенде, то однажды Пигмалион пришел в храм Венеры и обратился к богине любви с мольбой, а когда вернулся домой, увидел, что статуя превратилась в настоящую живую девушку, влюбленную в него так же сильно, как он в нее. Он назвал ее Галатеей и женился на ней.

На самом же деле все было не так.

Это верно, что он пошел в храм Венеры и обратился к богине любви с мольбой. А вот потом, возвращаясь домой, он встретил девушку, с которой прежде, когда был ребенком, вместе играл. Он не видел ее много лет, помнил маленькой девочкой, а теперь она выросла и стала просто красавицей.

Увидев его, девушка сказала только два слова:

— Привет, Пигмалион!

Но, говоря это, она взглянула на него своими черными, смеющимися глазами. И, заглянув в эти живые, веселые глаза, Пигмалион позабыл мраморные глаза своей статуи. Он влюбился в эту настоящую, живую девушку и женился на ней, и создал много прекраснейших статуй, которые изображали не мечту его, а жену, его детей, друзей и саму жизнь, которая захватила его в свой стремительный круговорот.

Для кого
придут
три старушки

Ох, и зловредные же были боги в древних мифах! Однажды, например, Зевс обидел Аполлона, просто так, из прихоти. Аполлон не забыл этого и, как только представился случай, отомстил ему — убил нескольких циклопов, одноглазых чудовищ.

Спрашивается, что общего между маслом и железной дорогой и какое отношение имели циклопы к Зевсу?

Имели! И самое прямое! Они поставляли ему молнии самого высокого качества. Ведь в производстве этой продукции циклопы не знали конкуренции. Надо ли удивляться, что Зевс надышаться на них не мог. Когда же ему сказали, что из-за Аполлона поставка молний вдруг прекратилась, Зевс не на шутку разгневался и послал ему обвинение в преступлении. Пришлось Аполлону предстать перед Зевсом — все-таки как-никак царь богов.

— В наказание отправишься в ссылку, — сказал Зевс. — На землю. На семь лет. И все это время будешь прислуживать, словно раб, Адмету, королю Фессалии.

Аполлон не стал спорить с Зевсом. Он был парень сильный, здоровый, умел расположить к себе. С Адметом они даже подружились. А спустя семь лет Аполлон вернулся на Олимп. Идет он домой, а его приветствуют с балкона старушки, которые прядут там пряжу.

— Как поживает ваш ревматизм? — вежливо осведомился он.

— Не жалуемся, — ответили старушки — три Парки.

(Догадались? Ну да, те самые богини, от которых зависит судьба каждого человека на земле — с самого рождения до смерти. Каждому человеку они прядут нить его судьбы, а когда обрывают ее, то человек, значит, уже может писать завещание.)

— А работа у вас продвинулась, — заметил Аполлон.

— Что верно, то верно. Эту нить мы уже, пожалуй, закончили. А знаешь, кстати, чья она?

— Нет.

— Короля Адмета. Нам осталось пряхть всего два или три дня.

«Черт возьми! — подумал Аполлон. — Вот не повезло бедняге. Я оставил его в добром здравии, а он, оказывается, вот-вот умрет».

— Послушайте! — сказал он старушкам. — Адмет мой друг. Не могли бы вы дать ему пожить еще несколько лет?

— Каким же это образом? — удивились Парки. — Мы ничего не имеем против него. Прекрасный человек! Но раз пора, значит, пора. Смерть должна взять свое.

— Но ведь он не так уж и стар!

— Дело не в возрасте, сокровище наше! А ты что, очень дружен с ним?

— Ну да, я же сказал вам, что мы большие друзья!

— Пожалуй, мы могли бы пока еще и не рвать его нить, но при одном условии — если найдется человек, который согласится умереть вместо него.

— Да! Спасибо большое!

— Не за что!

Аполлон даже не забежал домой посмотреть почту, а сразу же вернулся на землю и поспешил к Адмету. Тот как раз собирался отправиться в театр.

— Послушай, Адмет,— сказал он. Так, мол, и так и так далее. Словом, ты был на волосок от смерти, но теперь тебе надо устроить другие похороны. Найдешь кого-нибудь, кто согласится лечь вместо тебя в гроб?

— Да уж наверное,— ответил Адмет, наливая рюмочку вина покрепче, чтобы прийти в себя.— Король я или нет? Моя жизнь слишком важна для государства! Черт возьми, ты, однако, заставил меня поволноваться!

— Что поделаешь! Се ля ви!

— Нет, нет! Тут как раз наоборот...

— Ну ладно, чао!

— Чао, Аполлон, чао! Даже не знаю, как и благодарить тебя. Пошлю тебе ящик того вина, которое так нравилось тебе когда-то.

«Черт возьми! — подумал Адмет, едва остался один.— Надо же, как получается! Хорошо еще, что у меня есть знакомства в верхах!»

И он велел позвать своего самого верного слугу, рассказал ему, как обстоят дела, дружески хлопнул его по плечу и велел приготовиться.

— К чему, ваше величество?

— И ты еще спрашиваешь? К смерти, разумеется. Не откажешь ведь ты мне в этой услуге?! Разве я был плохим хозяином? Разве не платил тебе всегда сверхурочные, не давал ссуды и тринадцатую зарплату?

— Конечно, конечно...

— Вот и я так думаю. Так что поторопись, не теряй времени даром. Ты подумай о смерти, а я позабочусь обо всем остальном — похороны по первому разряду, мраморное надгробие, пенсия вдове, стипендия сыну... Согласен?

— Согласен, ваше величество. Завтра буду готов.

— Почему завтра утром? Никогда не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня!

— Мне надо написать письма, сделать кое-какие распоряжения...

— Ну ладно, завтра так завтра. Только пораньше.

— На рассвете, сир, на рассвете.

Однако на рассвете верный слуга был уже далеко в море, на финикийском корабле, который увозил его в Сардинию. И нельзя было даже напечатать его фотографию в газетах под рубрикой «Кто его видел?», потому что газеты тогда еще не были изобретены. И фотография тоже.

Для Адмета это был тяжелый удар. Он даже заплакал. Вот и доверяйся после этого верному слуге в трудную минуту.

Адмет велел подать карету и отправился к родителям, которые жили за городом в прелестной вилле с паровым отоплением и прочими удобствами.

— Что ж,— сказал он,— вы единственные люди, кто по-настоящему любит меня.

— О да, в этом ты можешь не сомневаться!

— Вы единственные, к кому я могу обратиться с любой просьбой!

— Не хочешь попробовать эту прекрасную редиску с нашего огорода? — осторожно спросили старики.

Когда же они узнали, что ему нужно, у них начался нервный тик.

— Адметик,— сказали они,— мы дали тебе жизнь, а теперь ты хочешь взамен взять нашу. Вот так благодарность!

— Но вы ведь одной ногой и так уже стоите в могиле!

— Вот придет наш час, тогда и умрем. А пока еще рано. И тогда мы не станем просить тебя умереть вместо нас.

— Понимаю, понимаю. Очень вы меня любите, конечно, очень...

— И ты еще недоволен! Это после того, как мы оставили тебе трон и виноградник.

Адмет машинально взял редиску с тарелки, которую мать поставила перед ним, положил в рот, потом выплюнул, вскочил в карету и вернулся в свое королевство.

Одного за другим стал он приглашать своих министров, генералов, адмиралов, придворных, мажордомов, адвокатов, нотариусов, астрологов, драматургов, богословов, музыкантов, поваров, егерей... И все они один за другим отвечали:

— Ваше величество, я бы со всей радостью умер за вас, но у меня три старые тетушки! Что будет с ними?!

— Сир, хоть сию минуту, немедленно! Но я только вчера ушел в отпуск...

— Хозяин, поймите ради бога, я же должен закончить свои воспоминания...

— Подлецы! — вскричал Адмет, топая ногами. — Выходит, все вы так боитесь смерти? Я прикажу отрубить вам головы! Мне это все равно не поможет, потому что только добровольец может спасти меня, зато я, по крайней мере, умру не один... И мы всей компанией отправимся в ад.

Придворные заплакали, застучали от страха зубами. Адмет приказал сунуть всех до одного в самую мрачную камеру, а палачу велел наточить топор. Сам же тем временем пошел к жене выпить апельсинового сока, чтобы утолить жажду.

— Альчести, дорогая, — сказал он ей с обреченным видом, — нам придется проститься раз и навсегда. Так, мол, и так. Парки и так далее. Аполлон — настоящий друг и тому подобное. Все очень любят меня, но никто не соглашается умереть вместо меня.

— Из-за этого ты так расстраиваешься? А меня почему не спросил?

— Тебя?

— Ну конечно! Я умру вместо тебя. Это так просто.

— Ты с ума сошла, Альчести! Я не перенесу этого! Ты не представляешь, как я буду плакать на твоих похоронах!

— Поплачешь, а потом все пройдет.

— Нет, не пройдет.

— Да уж поверь мне, пройдет, и ты еще будешь долго жить, счастливый и довольный.

— Думаешь?

— Уверяю тебя!

— Ну, тогда... Если так... Раз ты так хочешь...

Они расцеловались на прощанье. Альчести ушла в свою комнату и умерла. Королевство огласилось плачем и криками. Адмет рыдал громче всех. Тем не менее выпустил на свободу министров, поваров и всю прочую компанию, велел звонить по усопшей и приспустить флаги, вызвал представителя похоронного бюро и договорился с ним о похоронах. И когда он обсуждал, какие должны быть ручки у гроба, слуга объявил ему, что пришел гость.

— Геракл, друг мой!

— Чао, Адмет. Я тут шел мимо, по пути в сады Геспе-

рид, где мне надо украсть золотые яблоки, и решил заглянуть к тебе ненадолго.

— И прекрасно сделал! Я б тебе не простил, если б ты не зашел ко мне.

— Кстати,— сказал Геракл,— я вижу, у вас траур.

— Да,— ответил Адмет торопливо,— умерла тут одна женщина. Но тебе незачем огорчаться. Гость для нас дороже всего. Я велю приготовить тебе хорошую ванну, а потом мы поужинаем и вспомним старые добрые времена.

Легендарный гигант отправился принимать ванну. Это было весьма кстати. Постоянно совершая свои героические подвиги, убивая чудовищ, чистя Авгиевы конюшни и делая разного рода другие тяжелые и трудные работы, он, конечно, не часто имел возможность принять душ. Он с удовольствием потирал себе спину щеткой и напевал любимую песенку:

О, Геракл,
Мой Геракл,
Ты силен, как Геракл,
Ты...

— Господин,— шепнул ему слуга,— вам бы не следовало петь, ведь умерла наша добрая хозяйка.

— Что? Кто умер?

Словом, Геракл все узнал и очень удивился, что Адмет не сказал ему, как обстоят дела. Бедная Альчести! И бедный Адмет! Он чуть не расплакался, когда подумал...

— А зачем, собственно плакать! — воскликнул он, выскочив из ванны.— Тут надо действовать, а не плакать! Эй, кто там... Слуга! Где моя палица? Кажется, я оставил ее в прихожей, рядом с зонтиком.

Геракл схватил свою палицу, побежал на кладбище и спрятался у могилы, где должны были похоронить Альчести. И когда увидел Смерть, бесстрашно набросился на нее и давай дубасить своей палицей. Смерть защищалась ударами косы, но так как она была умна, то быстро поняла, что Геракл сильнее ее, и пошла на попятную.

Геракл радостно рассмеялся и, напевая песенку, вернулся в королевство. Люди неодобрительно смотрели на него: кто же поет, когда в стране траур! Но он знал, что делает.

— Адмет! Адмет! Все в порядке!

— Что в порядке?

— Я прогнал эту старуху с косой! Альчести будет жить!

Адмет побледнел так, что белее уже и нельзя быть. И страх вновь обрушился на него. Он услышал чьи-то шаги. Это была Альчести! Живая! Она шла к нему с таким видом, будто хотела попросить прощения...

— Так вы недовольны? — растерялся Геракл. — В чем дело? Давайте же веселиться.

Но где там! Казалось, похороны только начались. Адмет упал в кресло и задрожал так, что на него было жалко смотреть. Альчести стояла, виновато опустив глаза.

— Ну так я же... — сказал Геракл, вытирая со лба пот. — Я же хотел порадовать вас, а выходит вроде наоборот... Да, в наши дни не всегда угадаешь, как вести себя с друзьями! Ну ладно, я, пожалуй, пошел... Пишите, если что...

И он ушел недовольный, помахивая своей палицей. Адмет прислушался. Ему показалось, он слышит какой-то очень далекий шум. Где-то далеко, на своем балконе три старушки прядут... Прядут... Интересно, для кого...

Трактат о Бефание

У Бефаны, доброй волшебницы, которая приносит итальянским детям новогодние подарки, есть, как известно, три волшебные вещи — метла, мешок и дырявые башмаки. Некоторые, может быть, думают, что это не так и, разумеется, это их дело, но мне кажется, что прав все-таки я. А теперь я опишу вам одну за другой все вещи и постараюсь ни в чем не ошибиться.

Вещь первая. Метла.

После Нового года Бефана, которая живет на площади Навона, использует метлу уже только для посещения других миров. Она летает на Луну, на Марс, на Антарес. облетает туманности и галактики. Наконец возвращается в страну Бефан и сразу же обрушивается на свою сестру за то, что та не вымыла полы, не вытерла пыль с мебели и не сходила в парикмахерскую. Сестра Бефаны —

тоже Бефана, но она не любит путешествовать. Она все время сидит дома, жует шоколад и сосет анисовые карамельки. Она ленивее двадцати четырех коров, вместе взятых.

Сестры держат магазин, в котором продают метлы. Тут покупают метлы все Бефаны Италии: из Оменьи, из Реджо-Эмилии, из Ривисондоли — отовсюду. Бефан тысячи, и они расходуют горы метел, так что дела у сестер идут хорошо. Когда же спрос на метлы падает, Бефана говорит сестре:

— Спрос падает. Надо что-то предпринимать. И ты, наверное, что-нибудь придумаешь, — ведь столько шоколада съедаешь!

— Можно устроить распродажу по сниженным ценам. В прошлом году мы таким образом продали старые реставрированные метлы за новые.

— Придумай что-нибудь получше. Иначе я ограничу расходы на карамель!

Сестра Бефаны сосредоточенно думает.

— Можно, — говорит она, — предложить новую моду. Например, мини-метлу.

— Что это еще такое?

— Совсем коротенькая метла.

— Но это будет выглядеть неприлично.

— Подумаешь! Повозмущаются какие-нибудь старые ханжи, а потом, вот увидишь, молодые Бефаны будут с ума сходить из-за таких метелок.

Мода на мини-метлу производит фурор. Поначалу пожилые Бефаны рвут и мечут от негодования, посылают петиции в газеты и организовывают демонстрации протеста. Но затем и они начинают, плотно задвинув шторы, тайком примерять такую метлу. В один прекрасный день они тоже появляются на улице с мини-метлой. Самые скупые Бефаны просто отрезают ручку у своей старой метлы. Но это очень заметно, потому что нарушаются пропорции, да и скупость не делает им чести.

Спустя некоторое время спрос опять падает.

— Ну, — говорит Бефана своей сестре, — давай придумаешь еще что-нибудь, а то я не дам тебе больше денег на кино!

— Но у меня даже голова заболела, столько я думаю!

— Не будешь думать — не пойдешь в кино!

— Уф! Предложи моду на макси-метлу.

— Что это значит?

— Длинная-предлинная метла. Вдвое длинней, чем нужно.

— Гм... Не будет ли это излишеством?

— Разумеется, это будет излишеством. Именно потому и будет спрос.

В тот день, когда первая Бефана — одна совсем юная, стройная Бефаночка — появляется в обществе с метлой, все Бефаны просто с ума сходят от зависти. Зарегистрировано двадцать семь обмороков, тридцать восемь нервных припадков и сорок девять тысяч всхлипываний. Еще до наступления вечера перед магазином метел выстраивается такая длинная очередь, что конец ее оказывается в Бусто Арсицио.

На следующий год сестра Бефаны в обмен на коробку чернослива в шоколаде изобретает миди-метлу. Не большую и не маленькую — среднюю. Бефаны становятся очень богатыми и открывают магазин пылесосов.

И тут начинаются несчастья, потому что Бефаны, летая не на метлах, а на пылесосах, засасывают облака, кометы, маленьких и больших птиц, парашютистов, бумажные змеи, метеориты, естественные и искусственные спутники, небольшие планеты, летучих мышей и даже преподавателей латинского языка. А одна Бефана по рассеянности засосала даже самолет со всеми пассажирами, и потом ей пришлось доставить всех домой через дымовую трубу.

Пылесос хорош, когда нужно навести чистоту. А для путешествий все же гораздо практичнее старая метла.

Вещь вторая. Мешок.

Однажды Бефана не заметила, что продырявился мешок с подарками. Она летит себе как ни в чем не бывало, а подарки сыплются куда им вздумается, без всякого смысла. Электрический паровозик оказывается на куполе святого Петра в Риме и начинает бегать вокруг него как сумасшедший. Какой-то служитель Ватикана смотрит в окно, видит эту карусель на куполе, и от ужаса его прошибает холодный пот.

— Это дьявол! — кричит он. — Конец света!

А другой служитель заглядывает в железнодорожное расписание и качает головой:

— Нет, это скорый из Витербо ошибся колеей...

Кукла падает рядом с волчьей норой. И волки делают неправильный вывод.

— А,— решают они,— это, наверное, как в тот раз с Ромулом и Ремом. Слава совсем близко — стоит только протянуть лапу. Мы выкормим это создание, оно вырастет и построит тут город. И тогда сделают множество бронзовых скульптур, изображающих нас, волков. И мэр будет дарить их приезжим знаменитостям, чтобы как-то выйти из положения.

Много лет они заботливо растили куклу. Но она не росла, только теряла туфли, волосы, глаза. Волк и волчица состарились, так и не прославившись. Но понимали, что им все равно повезло — ведь столько теперь развелось всяких любителей поохотиться.

Норковая шубка, подарок синьора Мамбретти его подруге, падает в Сардинии, в двух шагах от пастуха, пасущего своих овец. Но пастух не пугается и не убегает с криком: «Привидение! Привидение!», а надевает шубку, и она приходится ему весьма кстати. Бефана видит это в зеркало заднего вида, возвращается, пикирует на оливковое дерево, но на полпути передумывает.

— Правильно! — говорит она.— Кому нужнее эта прекрасная шуба? Пастуху или той противной девице, у которой уже есть две шубы, и к тому же машина с кондиционером?

А был случай, когда Бефаны в суматохе отъезда — прощания, советы, слезы — перепутали мешки. Бефана из Домодоссолы взяла мешок Бефаны из Массаломбарды, Бефана из Сараева — мешок Бефаны из Милана... А когда подарки были уже розданы, вдруг обнаружилось, что все перепутано. Тут началось! «Ты виновата!» — «Ты сама виновата...» — «Я тебе говорила...» — «Ты, наверное, своей бабушке говорила...»

— Не будем плакать над пролитым молоком,— сказала наконец Бефана из Рима.

— А я и не плачу,— ответила черноглазая Бефаночка со светлыми волосами,— стану я из-за этого портить себе грим!

— Я хотела сказать, что остается только одно — вернуться, забрать подарки и отнести их тем, кому они предназначены.

— И не подумаю! — заявила хорошенькая Бефаночка.— У меня свидание с женихом, мы пойдем в кафе! Какое мне дело до всего этого!

И ушла, даже не обернувшись. Но другие Бефаны повздыхали, повздыхали и отправились в путь. К сожалению, поздно. Дети уже проснулись, чтобы посмотреть подарки, которые принесла Бефана.

— О боже, какой ужас!

Да нет же, ничего страшного! Все дети остались очень довольны, и не нашлось ни одного ребенка, кому не понравилась бы игрушка, какая ему досталась. Ребята в Вене получили подарки неаполитанских ребят, но все равно были рады.

— Понимаю,— сказала римская Бефана,— дети во всем мире одинаковы и любят одни и те же игрушки. Вот в чем дело!

— Глупости,— возразила ее сестра,— ты, как всегда, смотришь на мир сквозь розовые очки! Ну как ты не понимаешь, что дети во всем мире уже просто привыкли к одним и тем же игрушкам, потому что их производят одни и те же фабрики. Детям кажется, что это они сами выбирают игрушки... И выбирают одно и то же — то, что фабриканты уже выбрали за них!

Не очень понятно, кто же из двух сестер прав.

Вещь третья. Дырявые башмаки

Все дети знают, что башмаки у Бефаны просят каши — так и в песенке поется. Некоторые ребята смеются, потому что из таких дырявых башмаков торчит большой палец. Другие огорчаются и не спят целую ночь:

— Бедная Бефана, у нее мерзнут ноги!

Ребят, которые жалеют Бефану, гораздо больше. Они пишут в газеты, на радио, ведущей детской телепередачи. Предлагают собрать деньги, чтобы купить в складчину Бефане новые туфли. И какие-то мошенники сразу начинают ходить по домам сначала в Милане, а потом в Турине и во Флоренции (в Неаполе они почему-то не появляются) и собирать деньги на туфли для Бефаны. Они собирают двести двенадцать миллионов лир и убегают с ними в Швейцарию, Сингапур и Гонконг.

А Бефана так и остается в дырявых башмаках.

И тогда в новогоднюю ночь многие дети оставляют рядом с пустым чулком, куда Бефана обычно кладет свои подарки, большую коробку и записку: «Для Бефаны!» В коробке лежит пара новых туфель. Для пожилой синьоры, но элегантные. Почти все черные, но встречаются

также темно-коричневые или бежевые. С высоким каблуком, со средним и вообще без каблука. С пряжками или со шнурками.

Бефана из Виджевано каким-то образом узнает об этом раньше других. И что же она делает? Ставит будильник на час раньше и облетает всю землю со сверхзвуковой скоростью. Нагружает три автопоезда новыми туфлями и возвращается в страну Бефан довольная-предовольная.

Тут история разделилась на две части, потому что специалисты по бефанологии так и не пришли к согласию относительно ее продолжения.

Одни специалисты — люди хорошие, добрые, другие — плохие и бездушные. Хорошие специалисты считали, что Бефана из Виджевано, глядя на все эти замечательные туфли всех размеров, думала о людях, которые ходят босиком, и сочувствовала им. Тогда она взяла свой груз и снова облетела весь мир, чтобы подарить туфли всем бедным женщинам, у которых их не было. И у нее еще остались туфли для многих бедных мужчин, у которых тоже нет обуви. Неважно, что эти туфли женские, они наденут их, лишь бы не ходить босиком.

А бездушные, напротив, утверждали, что Бефана из Виджевано открыла магазин обуви в стране Бефан и стала загребать деньги, продавая туфли, подаренные детьми, своим подругам. И получила огромный доход, потому что эти туфли не стоили ей ни одной монетки. Как же тут не купить себе великолепный автомобиль и трамвай целиком из золота!

Я не специалист, я не хороший и не плохой, поэтому мое мнение ничего не значит.

Постскрипtum

Когда я показал одному знатоку это мое описание трех волшебных вещей Бефаны, он усмехнулся:

— Все правильно. Но вы забыли самую важную деталь?

— Какую?

— Вы забыли сказать, что Бефана приносит подарки только хорошим детям, а плохим — нет.

Я смотрел на него ровно тридцать секунд, а потом сказал:

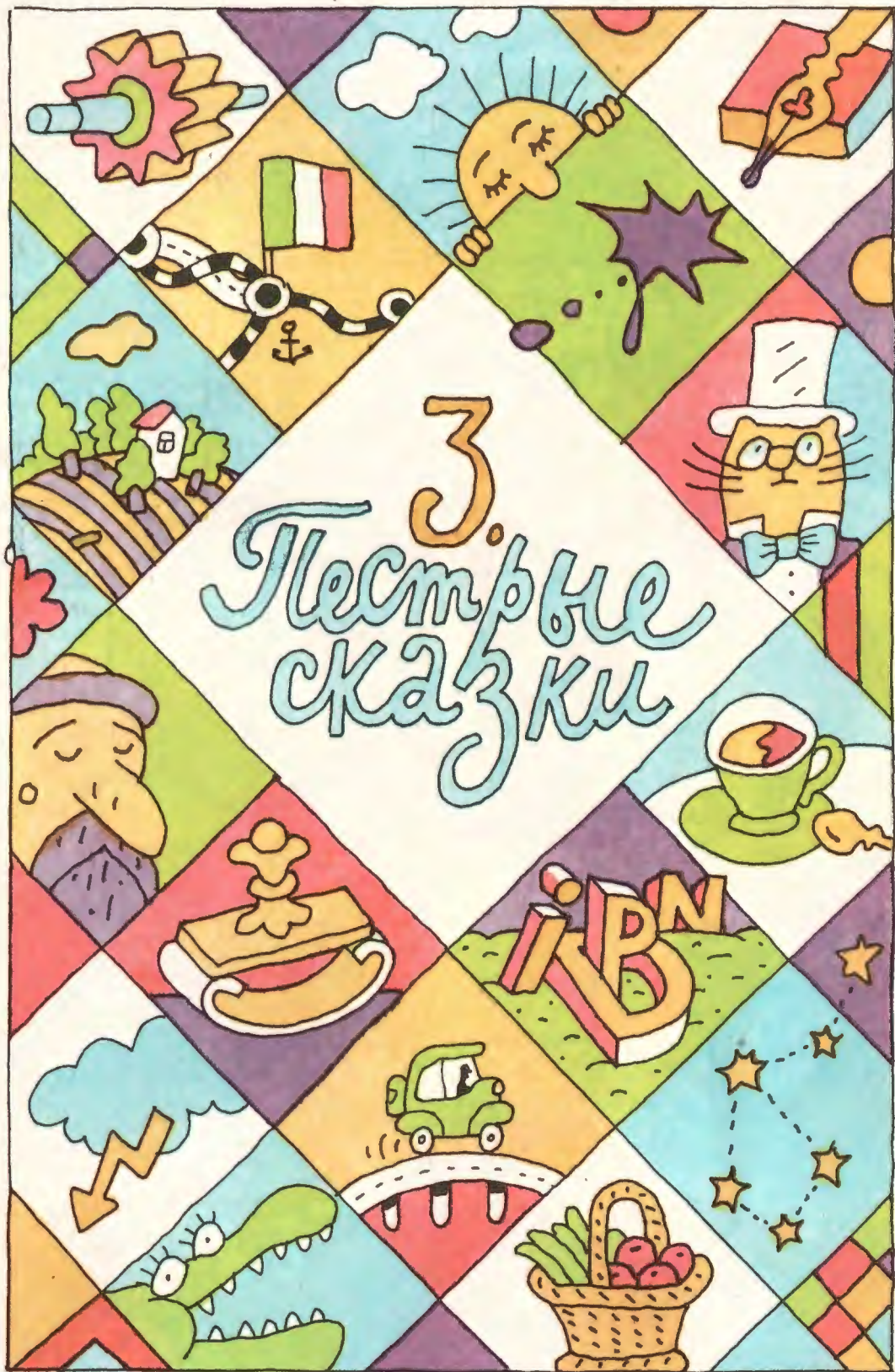
— Выбирайте — оторвать вам ухо или откусить нос?

- Как вы сказали, извините?
- Я спрашиваю, что вы хотите,— получить хороший удар зонтиком по голове или килограмм льда за шиворот?
- Да как вы смеете! Вы забываете, с кем говорите!
- А как вы смеете утверждать, что бывают плохие дети? Становитесь на колени и просите прощения!
- Что вы собираетесь делать этим молотком?
- Ударить по вашему мизинцу, если вы сейчас же не поклянетесь, что все дети хорошие. И особенно те, которые не получают подарков, потому что они бедные. Так вы клянетесь или нет?
- Клянусь! Клянусь!
- То-то! А теперь, видите, я уйду и даже не плюю вам в лицо. Это потому, что я слишком хороший.

Страна Без Ошибок

Жил однажды человек,
Беспокойный человек,
Он объездил всю планету,
Все искал по белу свету
Страну Без Ошибок.
Но, увы, надежды зыбки,
Всюду он встречал ошибки:
И на севере, на юге,
В самой маленькой округе —
Везде были ошибки.
Значит, он искал напрасно?
Нет, мы с этим не согласны!
Надо цель другую ставить,
Выбрать путь совсем иной:
Перестать бродить по свету,
Беспокоить всю планету,
А в своей стране исправить
Все ошибки до одной!

3.
Тесты
сказки

Синьор Боемондо

Веселый человек, этот синьор Боемондо. И чего только не придумает, чтобы позабавить детей!

Вот едет он в поезде. Напротив сидят ребятишки и ссорятся — каждый хочет оказаться поближе к окошку.

— Тише, тише, — успокаивает их синьор Боемондо. — Давайте лучше поиграем. Я знаю одну очень хорошую игру.

Ребятишки согласны поиграть в одну очень хорошую игру.

— Тогда замурьтесь на минутку, пока не скажу, что можно смотреть.

Дети открывают глаза и что же они видят: отец исчез, а на его месте сидит старая синьора с попугаем на плече. У заморской птицы желтые и зеленые перья, и она громко кричит: «Хочу к окошку! Хочу к окошку!»

Ребята хохочут до слез и даже не замечают, как исчезает старая синьора и на ее месте возникает монах. Он поглаживает свою длинную, до самой земли бороду и строго смотрит на детей. Ребятишки пугаются и молчат, словно воды в рот набрали.

— Гм, гм, — вещает старый монах.

Дети в страхе замирают.

— Гм, гм, — повторяет монах. Ребятишки вот-вот расплачутся. Они опускают глаза и потому не замечают, как исчезает монах. А когда осматриваются, то обнаруживают совсем маленького синьора, который прыгает на своем месте и хохочет как сумасшедший.

Дети смеются.

— Как вас зовут, синьор Совсем-Маленький?

— Меня зовут Джанни.

— А почему?

— Потому что ловлю раков в ванне!

— Какая глупость! — ворчит пожилая синьора.

Но дети хохочут еще громче. А человечек вдруг начинает надуваться словно пузырь. Надувается, надувается...

Вот он уже огромный!.. Оп-ля! Пузырь лопается, и перед ребятами снова сидит синьор Боемондо, и счастливые дети обнимают своего отца.

Оранжевая синьора возмущается:

— В поезде запрещено вытворять подобные глупости!

— В поезде, синьора, запрещено курить, запрещено плевать. Но я не курю и не плююсь,— объясняет синьор Боемондо. Дети смеются. Пожилая синьора злится, грозит позвать кондуктора, но, к счастью, поезд уже приехал.

Однако прежде чем выйти из вагона, синьор Боемондо сморкается. Как он это делает? Обыкновенно. Снимает нос со своего лица и протирает его как следует платком. При этом он смотрит на пожилую синьору и подмигивает ей. Синьора становится пунцовой, как помидор, и отворачивается. Синьор Боемондо помещает нос на свое место и выходит из вагона, а следом за ним один за другим выпрыгивают и ребяташки.

Да, да, я знаю такого человечка. Совсем крохотного. Живет он в облаках. Прыгает с одного на другое, но никогда не проваливается — такой он легкий.

На облаках имеются краники — много-много. Когда Дождевичок открывает их, на землю льется вода, а когда закрывает, дождь, понятное дело, прекращается. Ох, и много же хлопот доставляют Дождевичку эти краники! То открыть их надо, то закрыть... Конечно, иногда хочется отдохнуть. Тогда он укладывается на какое-нибудь особенно пышное облако и засыпает. Спит, спит, спит, а из краников, что остались открытыми, все льет и льет дождь. По счастью, от особенно сильного удара грома Дождевичок просыпается. Поспешно вскакивает и вздыхает:

— Ох, горе мне, кто знает, как долго я спал!

Смотрит вниз, на землю, и видит: поля, села, города — все затянуто серой пеленой дождя. Вид у них грустный

и унылый — слишком много воды обрушилось на землю. Тогда человечек принимается прыгать с тучи на тучу и быстро-быстро закрывает краники — все до единого. Дождь, сами понимаете, прекращается. А облака, подталкиваемые легким ветерком, не спеша плывут дальше, мягко укачивая Дождевичка, и он опять засыпает.

А проснувшись, снова вздыхает:

— Ох, горе мне, кто знает, как долго я спал!

Смотрит вниз, на землю, и видит: она вся потрескалась от жары, изнемогая от жажды. Даже как будто дымит — вот-вот вспыхнет. Тогда Дождевичок опять обегает небо и открывает краники — все до единого.

Вот так и живет этот маленький человечек — Дождевичок!

Когда мне доводится ездить в трамвае, я нередко встречаю одного очень неприятного синьора. Низенького роста, с вытянутой, словно редька, головой и крючковатым носом, он почему-то сразу у всех вызывает неприязнь к себе.

Подает ему кондуктор билет.

— Не возьму! — взрывается неприятный синьор.

— Но почему?

— Потому что это билет № 13 — несчастливый!

Кондуктор так же вежливо пытается объяснить синьору, что это суеверие, что неприлично верить в подобные глупости.

— Не ваше дело! — отрезает неприятный синьор. — Имейте в виду, я очень важная персона, и уж как-нибудь поумнее вас!

Лишь бы прекратить спор, кондуктор меняет билет и протягивает ему № 14.

— Можете оставить его себе на память! — опять возмущается синьор.

— Но в чем дело? — недоумевает кондуктор.

— В том, что он желтый. А я хочу зеленый!

— Но у меня нет зеленых билетов!

— Есть! В сумке, только вам лень достать его. Вы не хотите работать!

Кондуктор все так же вежливо раскрывает свою сумку: зеленых билетов там нет.

Занудливый синьор вроде бы успокоился, но тут появился контролер со своим дыроколом.

— Вы сделали мне кривую дырку! — выходит из себя неуживчивый синьор. — И вообще пора кончать с этими трамваями!

— В чем дело? — удивляется контролер.

— Вот полюбуйтесь: вы же ничего не умеете делать! Даже дырку не можете пробить как положено! Она должна быть абсолютно круглой! Я заявлю протест через газеты. Людям надоели кривые дырки!

Контролер — человек умный, поэтому он не сердится на неприятного синьора. Тогда тот набрасывается на вагоновожатого:

— А ну-ка, поверните сейчас же вправо!

— Во время движения запрещено разговаривать с водителем, — улыбаясь, замечаю я.

— Не суйтесь не в свое дело! А вы — сворачивайте вправо! Не слышите, что ли?

— Я не глухой. Но ведь тут нет рельсов?

— А меня не интересует, есть рельсы или нет! Я заплатил за билет. Я живу вот тут, за углом, направо, и желаю, чтобы меня подвезли к моему дому. Вы меня поняли?

— Конечно. Только трамвай не может идти без рельсов.

— Хватит! — визжит неприятный синьор, точь-в-точь как расстроенный кларнет. — Хватит! Все водители — лодыри! Я заявлю в полицию! И вы за все ответите! Сейчас же выпустите меня из вагона!

— Но тут нет остановки, — объясняет водитель, по-прежнему сохраняя спокойствие.

— Негодяй! Это безобразие! Делают, понимаете ли, что им взбредет в голову! — вопит противный синьор.

На остановке он так рванул в дверь, что выпал на мостовую, и водитель с готовностью помогает ему подняться, ищет его очки, отряхивает пальто от пыли.

— Оставьте меня! Не трогайте, не то я позову полицию! — кричит этот противный человечиска.

И спешит сообщить в газету, что все вагоноводители — вредные, гадкие люди.

А что вы об этом скажете?

Усы синьора Эджисто

Синьор Эджисто очень несчастлив, потому что у него вовсе не растут усы. Как тут быть? У всех мужчин есть усы. Даже у некоторых чересчур полных женщин тоже есть, а у синьора Эджисто нет.

— Ну, был бы хоть один ус,— горюет синьор Эджисто,— совсем маленький-маленький, с одной только стороны. Хотя бы даже половинка уса, крохотного, как родинка.

Синьор Эджисто так много думал об этом, что у него вдруг вырос этот ус. Правда, всего один. И выглядело это, конечно, весьма странно: у всех по два уса, а у него только один. С левой стороны губа прикрыта густыми черными волосами, а с правой — кожа над ней чистая и гладкая, как у ребенка.

— Это смех да и только,— огорчается синьор Эджисто, глядясь в зеркало.— Мне непременно нужен еще ус!

Он столько об этом думал, что у него вдруг появился и второй ус. Синьор Эджисто так обрадовался, что дал клятву никогда не сбривать свои усы.

Шло время, и усы, понятное дело, росли, становились все длиннее и длиннее, закрыли губы, начали свисать на подбородок, потом на грудь. Они мешали синьору Эджисто есть, и ему приходилось завязывать их над головой, отчего казалось, будто у него уложены косы.

Наконец усы синьора Эджисто стали такими длинными, что их пришлось засовывать в карманы, иначе они мешали ему двигаться. Правый ус он прятал в правый карман, левый, естественно,— в левый.

Иногда синьор Эджисто использует свои усы как шпагат для перевязывания пакетов, и нет веревки прочнее. А когда он разъезжает верхом, они служат ему поводьями.

Бывает, жена просит его:

— Эджисто, одолжи-ка твои усы. Мне надо развесить белье для просушки.

Тогда синьор Эджисто усаживается на балконе, жена привязывает его усы к перилам и получаютcя две отлич-

ные веревки для белья. Пока оно сохнет, синьор Эджисто читает газету.

Все соседи выходят на балконы, чтобы полюбоваться на его усы. И женщины говорят своим мужьям:

— Ну вот, хоть какая-то польза от усов. А иначе что проку от этих твоих завитушек под носом?

Вот и вся история про усы синьора Эджисто.

Синьор Гульельмо живет в лесу и очень боится воров. Он не богат, но воры-то этого не знают. Думал, думал синьор Гульельмо и решил повесить на двери вот такое объявление: «Воров просят звонить в колокольчик. Их сразу же впустят в дом, и они сами смогут убедиться, что взять в доме нечего. По ночам просьба звонить дольше, потому что сплю я крепко». И подпись: «Синьор Гульельмо».

Как-то ночью зазвонил колокольчик. Синьор Гульельмо поднялся посмотреть, кто пришел.

— Это мы, воры! — слышит он из-за двери.

— Иду, иду! — отзывается синьор Гульельмо и впускает их.

Входят воры с наклеенными бородами и в масках. Синьор Гульельмо показывает им свой дом, и воры видят, что действительно взять тут нечего — ни одного драгоценного камешка нет, ну хотя бы с рисовое зернышко. Воры поворчали-поворчали и ушли, недовольные, ничего не прихватив.

— А все благодаря моему объявлению! — обрадовался синьор Гульельмо.

Теперь воры часто навещают его. Приходят всякие — длинные и невысокие, тощие и толстые. Когда синьор Гульельмо видит, что воры совсем бедные, он дарит им что-нибудь, скажем, кусок мыла, лезвие для безопасной бритвы или угощает хлебом с сыром. Воры всегда очень вежливы и, уходя, непременно раскланиваются с ним.

Пиковый Валет

Бабушка строит карточный домик. Он уже поднялся довольно высоко, но одна карта сегодня никак не хочет встать на место, так и норовит упасть. Это Пиковый Валет.

— Собираетесь построить высокую башню и поместить наверху Пикового Валета, чтобы стоял там на часах? Ничего не получится!

— Скажи-ка мне лучше,— интересуется бабушка,— у тебя что, кружится голова?

— Так точно, синьора Феличита. Кружится голова. Кто это говорит? Нет, не мы. Мы сидим тихо и смиренно, подперев руками подбородок, и смотрим на бабушку: она действительно мастерица строить карточные домики.

— Бедняжка,— сокрушается бабушка,— что же ты раньше не сказал мне об этом?

— Ну а теперь, когда вы об этом знаете, не ставьте меня так высоко. Вот у этого окна на втором этаже я бы охотно пристроился. Отсюда тоже можно обнаружить врагов, если они появятся, и поднять тревогу.

Кто это говорит? Нет, не мы. Мы молчим, словно воды в рот набрали, и сидим не шелохнувшись.

Так кто же это все-таки говорит?

Да, это он — Пиковый Валет. Вот он, раздвинув локти, выходит из карты, и мы видим его во весь рост, видим и его ноги, которые обычно на карте не обозначены — они у него тонюсенькие, в розовых чулочках до колен, а выше у Валета короткие пышные штаны.

Пиковый Валет приветствует нас низким поклоном.

— Пожалуйста,— просит он,— не говорите королю, что я убежал. Его Величество Пиковый Король — очень злой человек, во всех карманах у него сидит по черту, и каждый дает ему какой-нибудь плохой совет. Вот из-за этого-то так печальна Пиковая Дама. Синьора бабушка Феличита, почему вы никогда не ставите меня в караул у покоев королевы?

С этими словами он подошел к нам и ласково потрепал каждого по щеке.

— Спроси его о чем-нибудь, бабушка! — шепчу я.

— Синьор Пиковый Валет, я не очень-то довольна Вами сегодня. Как это получается, что вы засыпаете именно тогда, когда враги проникают в парк?

— Синьора Феличита, и я не очень доволен вами. Почему вы постоянно впускаете врагов со стороны парка? И они всегда нападают на меня сзади.

Мы смеемся, но бабушка очень строга и серьезна.

— А для чего это вы в прошлый раз взяли кулек с золотом и притворились, будто спите? Враги пробрались у вас под самым носом и проникли в замок!

— Это был не кулек с золотом, а всего лишь медное сольдо, синьора бабушка Феличита, и теперь оно лежит в копилке у Роберто.

Точно, лежит. Ему и это известно!

— А что вы скажете о Червонной Даме?

Пиковый Валет густо краснеет. На этот раз рассмеялась и бабушка. Пиковый Валет влюблен в Червонную Даму, но она и слышать о нем не хочет, потому что у него черные волосы.

— Попросите художника, пусть он нарисует мне светлые волосы. Попросите, синьора бабушка Феличита?

Бабушка заверяет, что выполнит его поручение.

— А теперь марш на место, синьор Пиковый Валет!

Прощаясь, Пиковый Валет низко раскланивается с каждым из нас. Удаляясь в свою карту, он еще раз подмигивает нам, и вы можете теперь задавать ему сколько угодно вопросов, он больше не ответит ни на один из них. Да и как можно заставить говорить кусочек атласной бумаги?

Дерево, на котором растут туфли

Крестьянин Пьетро вышел как-то утром в свой фруктовый сад, чтобы нарвать яблок. Яблоня росла в самом углу, и Пьетро еще издали заметил в ее ветвях какие-то разноцветные пятна: голубые, желтые, розовые, фиолетовые.

— Вот чудеса! — удивился он. — Никогда не видел голубых яблок! Интересно, что это такое!

А когда он подошел к дереву ближе, еще больше удивился: на ветвях висели, покачиваясь от ветра, сотни разных туфель.

— И кому это пришло в голову развесить туфли на моей яблоне? — недоумевал Пьетро.

Однако, забравшись на дерево, он увидел, что туфли не подвешены, а держатся на черенках, иными словами — выросли вместо яблок. Пьетро не верил своим глазам. Он даже ущипнул себя за ногу, чтобы убедиться, не сон ли это. Не было никакого сомнения — не сон.

Пьетро долго любовался красивыми и необычными туфлями. Каких только тут не было фасонов — с бантами и пряжками, с толстой подошвой и совсем воздушные, с каблучками и без них, атласные и лакированные... Что делать?

Как закончить сказку?

На этот раз, дорогие друзья, я не скажу вам, чем закончилась сказка. Продолжайте ее сами. Подумайте хорошенько, подумайте, а потом расскажите мне, какие, по-вашему, события произойдут дальше.

Каждый вечер мой сын, прежде чем отправиться спать, собирает свой школьный портфель. Вернее, можно бы сказать — сует в него как попало книги, тетради, пеналы, резинки, промокашки. Но сам он называет эту операцию «приводить в порядок портфель». И он не знает, что едва лишь он закрывает глаза и славные призраки сна заводят свой хоровод над его подушкой, как в портфеле начинаются необыкновенные чудеса — все вещи оживают, потягиваются, как это делаем мы по утрам, здороваются и начинают разговаривать.

Промокательная бумага пытается разгладить свои помятые углы и жалуется:

— Дорогие друзья, сегодня мне досталось как никогда! Наш хозяин всю меня исписал возгласами «ура» в честь футболиста Коппи Фаусто. Он писал, правда, Копи — через одно «п», но я все-таки подозреваю, что речь идет о Коппи — известном футболисте. Вы только взгляните на меня — я похожа на предвыборный плакат!

— И ты недовольна? — удивляется учебник истории. А ты посмотри на меня, на мои страницы! Наш симпатичный тиран нарисовал усы Карлу Великому, приделал перо к шляпе Рафаэля и посадил муху на нос Кристофору Колумбу. Мало того, он продлил реку По до самого Триеста и протянул наплавной мост между Сицилией и Сардинией. Прямо-таки революция, я вам доложу!

— Это еще что! — говорит учебник литературы. — Взгляните на мою страницу 45. Все буквы «о» закрашены красным карандашом, все «а» — зеленым, все «е» — желтым. На странице 57, бог знает почему, наш молодой человек нарисовал голову змеи, тело которой пересекает страницы 58 и 59, а хвост кончается на странице 60. «Змея с колокольчиками!» — подписал он. Наверное потому, что все ее туловище разрисовано колокольчиками.

— А вы посмотрите, как он сгрыз мой замечательный острый кончик! — восклицает ручка.

— А с меня содрал мою коричневую шубу! — сердится карандаш.

Я, отец виновника этих безобразий, слушаю все это в полной растерянности. Я хотел было разбудить сына, чтобы и он услышал, что говорят о нем, но как раз в этот момент портфель открылся и две тетради — одна в клеточку, другая в линейку — подошли ко мне с петицией.

— Вы, возможно, не виноваты, — вежливо обратилась ко мне тетрадь в клеточку. — Но тут изложены наши просьбы. Передайте их, пожалуйста, вашему сыну.

Тетрадь в клеточку вручила мне бумагу и возвратилась в портфель. Я взял петицию и прочитал:

«Мы, нижеподписавшиеся, горячо протестуем против насилия, жертвой которого становимся каждый день. Мы категорически требуем:

1. Чтобы наш хозяин воздержался от заполнения нас возгласами «Ура!», рисунками, усами и другими незаконными знаками, не предусмотренными школьной программой.

2. Чтобы была соблюдена неприкосновенность карандашей и ручек и чтобы их больше не грызли.

3. Чтобы перья хранились в специальном пенале, а не разбрасывались в беспорядке среди других вещей. Сегодня утром учебник географии опять получил глубокое ранение от такого беспризорного пера.

Если наши требования не будут удовлетворены, мы сделаем все, чтобы наш хозяин провалился на экзаменах». Подписи: «Хрестоматия, Задачник, Дневник, Химический карандаш и т. д. и т. д.»

Утром я покажу эту петицию моему сыну. Надеюсь, мне не придется больше выслушивать подобные жалобы.

Крыша — путешественница

Крыша моего дома — большая любительница путешествовать. Время от времени у нее возникает желание погулять, и тогда она снимается со стен дома и улетает высоко в небо, паря, словно воздушный змей.

Если желание прогуляться появляется у нее во время дождя, дело плохо — вода льет прямо в комнату. Тогда я выглядываю в окно и вижу, что моя крыша отдыхает где-нибудь на деревьях в городском парке.

— А ну-ка, марш домой! — кричу я ей. — Ведь дождь идет!

Она будто не слышит, покидает деревья и отправляется в зоопарк, где садится на клетку с мартышками.

Как-то я поднялся на крышу, чтобы осмотреть трубу, которая почему-то стала дымить, и как раз в этот момент крыша снялась со своего места, и отправилась в очередное путешествие.

— Черт возьми! — закричал я, глядя вниз. — Моя крыша решила, видимо, что она дирижабль и теперь летит покорять Северный полюс!

Вот что приключается с моей крышей. Придется, наверное, заменить ее. Устрою вместо крыши террасу. Посажу цветы, поставлю кадки с деревьями и скамейки. Представляете, как было бы прекрасно, если бы на домах вместо крыш были бы только увитые цветами террасы.

Машинка для приготовления уроков

Как-то раз постучался к нам очень странный и смешной человечек — совсем крохотный, чуть повыше двух спичек. На спине он тащил большую сумку, гораздо больше его самого.

— Я тут разные машинки продаю... — представился он.

— Что за машинки? Покажите! — заинтересовался отец.

— Вот, к примеру, машинка для приготовления уроков. Нажмешь красную кнопку — решит задачу, нажмешь желтую — напишет сочинение, зеленую — выучит урок по географии. Все сама сделает и быстро — в одну минуту!

— Папа, купи! — обрадовался я.

— Ну, ладно. А сколько стоит?

— Я денег не беру, — ответил человечек.

— Но вы же не зазря, должно быть, трудились?

— Конечно. Только в обмен на машинку мне не деньги нужны. Мне нужен мозг вашего сына.

— Вы с ума сошли! — возмутился отец.

— Ну, посудите сами, — улыбнулся человечек. — Зачем ему мозг, если уроки за него станет делать машинка?

— Пап, купи! — стал я упрашивать отца. — И в самом деле, на что мне мозг, когда есть такая машинка!

Отец внимательно посмотрел на меня, помолчал немного и согласился:

— Ладно, забирайте его мозг, и по рукам!

Человечек взял у меня мозг и спрятал его в свою сумку. Каким же я сразу стал легким, когда опустела моя голова! Таким легким, что вспорхнул в воздух и начал летать по комнате. И если бы отец вовремя не поймал меня, наверное, оказался бы за окном.

— Придется держать его в клетке, — предупредил человечек.

— Почему? — удивился отец.

— Потому что он теперь безмозглый — вот почему! Не углядите — улетит в лес, словно пичужка, и умрет там с голоду.

Отец посадил меня в клетку, точно канарейку. Клетка была маленькая, тесная — не пошевелиться! Прутья так сжимали мне ребра, так сжимали, что я... в страхе проснулся. Как хорошо, что все это мне только приснилось! Не поверите, я тут же сел за уроки!

Письмо одного паука Хозяину дома

Уважаемый синьор,
я — старый паук и до сих пор жил буквально у вас за спиной, вернее, за гипсовым бюстом того самого странного бога с двумя лицами, которого, если не ошибаюсь, вы называете Янусом. Смешно, конечно, иметь два носа, зато он может строить сразу две рожицы. Однако не о боге Янусе я хочу поговорить, а о себе, о моей несчастной доле. Я был в свое время красивым, жирным, черным пауком, но теперь превратился в жалкое немощное существо. И все из-за тех сражений, которые я вынужден был вести каждое утро с вашей женой. Ведь она одним взмахом метлы уничтожала все шедевры моего ткаческого искусства, на которое я затрачивал столько кропотливого труда.

Будь вы рыбаком и каждое утро какая-нибудь акула рвала бы ваши сети, как бы вы отнеслись к этому? Нет, я вовсе не хочу сравнить вашу жену с акулой. Однако мне пришлось ограничиться только охотой на мух в вашей библиотеке, где я и нашел укрытие за головой бога Януса, и он, по-моему, не очень жалуется на меня. В том углу я и состарился. Мух я ловлю все меньше и меньше — столько теперь изобрели всяких инсектицидов.

Я хотел было попросить вашу жену оставлять хотя бы две-три мухи в неделю, не уничтожать их всех без исключения. Но я знаю, что это бесполезно: ваша жена ненавидит мух, потому что они пачкают скатерти и оконные стекла. Поэтому я решил покинуть ваш дом и переселиться в деревню. Там я, наверно, найду, чем питаться. Мне пришло недавно письмо от моих друзей, которые жили прежде на чердаке, а потом перебрались в сад. Им там

живется совсем неплохо, и они приглашают меня к себе. Да, синьор, скоро мы, пауки, совсем уйдем от вас, навсегда покинем дома людей, потому что нам нечем тут кормиться.

Ухожу я без печали, но мне кажется, что я проявил бы к вам неуважение, если бы расстался, не попрощавшись.

Искренне преданный вам

паук Восьминожка.

Медвежий танец

Медведя Бурого отловили, когда он был еще совсем маленьким медвежонком и даже не мог сам выбраться из берлоги, где жил со своими родителями. Бурого продали хозяину бродячего цирка, и тот велел дрессировщику научить медвежонка танцевать.

А знаете, как учат медведей танцевать? О, это очень жестокая школа. Рассыпают по земле горячие угли и заставляют зверя пройти по ним под звуки дудочки или волынки. После второго или третьего раза медведь, слышав знакомые звуки, начинает быстро переступать с ноги на ногу, как если бы он и вправду шел по горячим углям. И этот мучительный для него танец кажется зрителям таким смешным, что они не в силах удержаться от смеха.

А заканчивается выступление, медведя опять загоняют в клетку и к тому же сажают на цепь — чтобы не вздумал убежать. Однажды Бурому довелось повстречаться в цирке с одним старым медведем, которого поймали, когда тот был уже почти взрослым. Звали его Руби. Он тоже много лет провел в заточении, но все время вспоминал о вольной жизни в лесу — о той жизни, которую Бурый совсем не знал.

— Деревья над твоей головой дышат свободно, — рассказывал Руби, — под ногами скрипит снег, а весной в долинах по рекам плывут льдины... Поднимешь нос и чувствуешь столько разных чудных ароматов вокруг.

— А что это такое — чудный аромат? — поинтересовался Бурый, которому никогда не доводилось вдыхать запахи леса и свободы.

— Бедняга, ты, выходит, даже не знаешь, что такое счастье! Я-то уже слишком стар, чтобы пытаться бежать,— вздохнул Руби,— но ты молод и силен. Почему бы тебе не попробовать?

Они часто возвращались к этому разговору. И однажды, когда цирк расположился в одном горном городке у самого леса, Бурый решил бежать. Едва дрессировщик вывел его из клетки на арену, Бурый осмотрелся, словно для того, чтобы получить последние аплодисменты, а затем вдруг решительно направился к выходу. Зрители сначала засмеялись, но потом, увидев, что медведь движется прямо на них словно немняемый, перепугались. Толпа раздалась в стороны, и Бурый был почти у самого выхода. Он даже прибавил шагу и уже хотел пуститься бежать прямо в лес, как вдруг за его спиной зазвучала дудочка.

Какая-то неведомая сила схватила Бурого за холку и неотвратно потянула обратно. Почти сам того не заметив, Бурый остановился, повернулся и стал смешно притаптывать ногами.

Бурый танцевал, а зрители, еще не очень осмелев, стали возвращаться на свои места. Медведь танцевал и видел просторные снежные поля, густые зеленые леса, бурные горные реки и ощущал запахи, о которых ему рассказывал старый Руби. Сердце Бурого страстно рвалось к свободе, а ноги его топтались на месте в такт музыке. Когда дудочка умолкла, медведь замер и вдруг рухнул на землю, словно сраженный молнией. Тюрьма убила его.

Говорящий кот

Один мальчик попросил меня написать сказку про говорящего кота. Я передал его просьбу моему коту Пинни и тот принес мне следующее послание:

«Дорогой Джанни, я славный кот из хорошей семьи. Моя мать была самой толстой кошкой во всей округе, а старые миланские коты еще хорошо помнят, какой хвост был у моего деда — длиной в сорок сантиметров и походил скорее на конский, чем на кошачий. Я мог бы стать очень знаменитым котом, потому что умею говорить и писать

и даже немного играю на рояле — четырьмя лапками. Правда, когда я прохаживаюсь по клавишам, ты всегда гонишь меня прочь. Почему бы это? Наверно, тебя не устраивает моя музыка. Но мне не нравится твоя, так что мы квиты. Когда ты играешь на рояле, может быть, мне тоже шлепками гнать тебя прочь, как делаешь это ты?

И вот еще на что я хочу пожаловаться: ты все время пользуешься моей подушкой, и это несправедливо. Не успею я задремать, как ты гонишь меня и сам усаживаешься на нее. Это некрасиво с твоей стороны. Я ведь оставляю тебе кровать, диван, кресло-качалку, а ты уж мог бы не трогать мою подушку.

Наконец должен заметить, что я не очень-то люблю сырое мясо. Поэтому прежде, чем оставить его на столе в кухне, чтобы я мог, если проголодаюсь, подкрепиться ночью, прошу тебя отварить мясо и добавить сливочного масла, а также немного оливкового и веточку петрушки. А теперь я прощаюсь с тобой и отправляюсь на прогулку. Включи, пожалуйста, электрическую печку, потому что, когда вернусь, мне нужно будет согреться. Вчера вечером я пришел совсем промокший и простуженный.

Твой любящий кот Пинни».

Так что вы скажете о моем коте?

Как развлекаются в джунглях

Вот как, по-моему, развлекаются в джунглях. Я, разумеется, сам ничего не видел, о чем собираюсь рассказать вам, но уверен, что все происходит именно так.

Прежде всего о мартышках. В джунглях это самые настоящие уличные сорванцы. Их любимое занятие — кидаться кокосовыми орехами в крокодила, когда он дремлет в грязном иле.

— Входите! — говорит крокодил в ответ на удары, думая, что кто-то стучит ему в спину и спрашивает разрешение войти в реку. Мартышки хохочут, держась за животы, и продолжают бросать орехи.

— Входите! — кричит крокодил, думая, что его не слышат. А когда до него доходит, что это проказничают

мартышки, он грозит: — Ну, погодите у меня! Вода в реке станет алой от вашей крови, проклятые сорванцы!

В это время озорница змея дергает крокодила за хвост и тут же удирает, вернее ускользает от беды подальше.

А слоны придумали себе более умное развлечение. Они играют в «железный хобот». Становятся лицом друг к другу, сцепляют хоботы и гнут их изо всех сил. Побеждает тот, кто сумеет согнуть хобот противника.

Слонята играют проще — кто дольше удержит равновесие, стоя на хоботе.

Есть в джунглях и «Салон красоты», куда тигрицы приходят подкрашивать свои полосатые шкуры, напмаживать усы и перебивать косточки льву. Однако, если в салоне появляется сам царь зверей, все сидят тихо-тихо, не проронив ни звука.

— Что угодно — одеколон или лак? — интересуется парикмахер леопард.

— Лак! — отвечает лев.

И стоит ему выйти за дверь, как тигрицы бурно делятся впечатлениями:

— Почти что лыс, а ему, видите ли, лак для волос требуется!

— Ему, бедняжке, следовало бы носить парик!

Лев отправляется с медведем играть в бильярд. Вместо шаров они, разумеется, гоняют кокосовые орехи. Лев так сильно ударяет своей мощной лапой, что его шар попадает в крокодила.

— Да входите же! — орет крокодил. Лев и медведь ухмыляются. А крокодил ворчит: — Поспать не дадут!

Луна пишет свои воспоминания. У нее нет карандаша или ручки, а потому она вынуждена пользоваться кометой, обмакивая ее хвост в черноту ночи. У нее нет и бумаги. Она пишет на облаках и тучах, которые тут же улетают прочь. То и дело Луна удивляется:

— Куда делась страница 18?

Страница 18 — это туча, которая как раз в этот момент проливается дождем над Моденой.

Жители Модены видят тучу, мокнут под дождем, но даже не подозревают, что его капли — это буквы, которые были написаны на странице 18.

Луна пишет и пишет, а ветер уносит прочь все ее воспоминания.

— Ах, потерялась страница 24! — расстраивается Луна.

Страница 24 — это розовое облачко, улетевшее в сторону моря.

Мне удалось прочитать только страницу 35, на которой Луна написала: «Я самая ловкая из всех волчков на свете, потому что делаю сразу три оборота — вокруг себя, вокруг Земли и вокруг Солнца! Я нахожусь в услужении у Земли, но она никогда не платит мне за работу. Иногда я ухожу от нее и отправляюсь кружить вокруг Марса — он такой умный, воспитанный, и живот у него весь разрисован аккуратными каналами».

На странице 51 (а это было белое, как молоко, облако) Луна написала: «Я видела сон, будто Земля стала красной, как огонь, и на месте полюса горит звезда».

А дальше я не смог прочитать — страница 51 (облако белое, как молоко) улетело в сторону Аббьятеграссо.

Когда-то очень давно хозяином молний был Зевс — старый и грозный бог. И если кто-нибудь сердил его, он, не задумываясь, кидал в него молнию, грозясь испепелить обидчика. Так во всяком случае рассказывали тогда, в те далекие времена.

Бог Зевс расхаживал по облакам с пучком молний в руке, точно с букетом цветов. Однажды он забыл этот букет на какой-то туче, и та улетела, да так быстро, что когда Зевс вспомнил о своих молниях и вернулся, то уже не нашел ни одной. А туча раздарила молнии подругам и, видно, их было не так уж мало, если они до сих пор еще время от времени сверкают в небе. Когда бывает гроза, тучи

очень веселятся и начинают играть в кегли с колокольнями, башнями и высокими деревьями, только вместо шаров они кидают огненные стрелы. Люди, однако, хитрые — понаставили повсюду громоотводы, которые как магнитом притягивают молнии. Тучи злятся, что им никак не удастся попасть в цель, и недовольно ворчат. Это ворчание вы и слышите, когда гремит гром.

— Видно, стареем,— огорчаются тучи,— вот и зрение совсем ослабело...

Почему же они не купят очки? А вам понравились бы тучи в очках?

ГЕОГРАФИЯ НА КАНИКУЛАХ

Однажды ночью, когда над Средиземным морем мирно сияли звезды, Сардиния вдруг услышала:

— Эй, тебе не надоело стоять все время на одном и том же месте?

— Что? Кто это?

— Это я, Сицилия.

— Дорогая сестра, с каких это пор ты стала разговаривать? Я думала, ты умеешь только ворчать своим вулканическим Этна.

— Послушай, а почему бы нам не прогуляться немного? Мы ведь пленницы географической карты, которая держит нас как на привязи на одном и том же месте в этом крохотном, точно ванна, Средиземном море. А я слышала, что некоторым островам повезло и они плавают в огромных океанах или в теплых морях у экватора, где бананы растут прямо на пальмах и их не приходится покупать в магазине. Давай снимемся с якоря и уйдем подальше отсюда?

— По правде говоря,— отвечала Сардиния,— я не очень-то представляю, где находятся мои якоря. А совершить небольшое морское путешествие я бы, конечно, не отказалась.

Наконец они решились. Слегка раскачались и сумели оторваться от морского дна. Подплыли друг к другу и

стали показывать свои достопримечательности. Сицилия похвасталась курящимся вулканом Этна, а Сардиния продемонстрировала старшей сестре все извилистые бухты своего побережья.

Потом потихонечку сестры направились к Гибралтарскому проливу. И тут начались неприятности, потому что пролив оказался слишком узким, и ни Сицилия, ни Сардиния не могли протиснуться в него.

Гибралтар хохотал как безумный:

— Да у вас животы, что винные склады! Спорю, что не пройдете!

— А тебе что, трудно раздвинуться немного! — рассердилась Сицилия.

— Оставь его,— попросила Сардиния, у которой был более миролюбивый характер.

— Но я хочу выйти в океан! — настаивала Сицилия.

— Попробуем через Суэцкий канал.

Они повернули обратно и вскоре приблизились к Суэцкому каналу. Однако и он оказался слишком узким.

— Я бы раздвинулся,— пожал плечами Суэц,— мне-то что, да только египтяне возражают. Говорят, что я и так слишком широк.

— Что же теперь делать? — задумалась Сардиния, не особенно, впрочем, огорчаясь.

— Надо попросить Африку сдвинуться немного на юг, тогда Суэцкий канал и Гибралтарский пролив станут шире, и мы сможем спокойно пройти. Что если и Африку пригласить на прогулку с нами?

Стали звать Африку, но она не откликалась. Наверное, спала где-нибудь в густых джунглях или в песках пустыни Сахара. А может, поднялась на вершину своей самой высокой горы Килиманджаро, чтобы освежиться немного в ледниках. Словом, бедной Сицилии пришлось смириться с тем, что прогулка состоялась только по Средиземному морю. А Сардиния не очень-то и огорчилась. Они не спеша вернулись на место возле итальянского «сапога».

— Жаль, что ничего не вышло,— досадовала Сицилия.

— Но мы все-таки немного погуляли,— успокоила ее Сардиния.— К тому же надо радоваться, что с нами ничего не приключилось.

Они помолчали. Ночь подходила к концу. Звезды померкли, и на востоке появилась розовая полоска. Никто не заметил, как уходили гулять два острова. Ведь у географических карт тоже были каникулы.

Горы — путешественницы

В давние-предавние времена горы вышли из моря. Однажды, разумеется. Первой появилась над водой вершина Монте-Бьянко, затем Монте-Роза и наконец показался кончик шляпы Червино.

Перед горами открылась неоглядная пустыня, и они вытянули шеи, стараясь разглядеть, что же там находится дальше. Но ничего, совсем ничего не было видно.

Тогда они медленно двинулись в путь. Не могли же они бежать, нагруженные всеми этими снежными лавинами, ледниками, оврагами и прочим багажом.

Разговаривали они о чем-нибудь во время этого грандиозного перехода? Наверное, разговаривали, но, разумеется, на языке гор, а это означает, что гремели громы, неистовствовали бури, свистели ветры, грохотали обвалы — ну и так далее.

— Наверное, лучше было бы оставаться на дне моря, — ворчала Монте-Бьянко, — лоб у меня уже покрылся снегом, а спина совсем раскалывается ото льда. Посмотрите-ка, что там у меня сзади делается?

— Ха-ха-ха! — рассмеялась Червино, а горы, известное дело, ужасно страшно смеются. Червино, например, когда смеется, все вокруг засыпает градом. — У тебя была такая гладкая спина, а теперь вся в морщинах, словно у миллионнолетнего старика.

— Поосторожнее с возрастом! Мне самое большее пятьсот тысяч лет! — обиделась Монте-Бьянко.

— Не ссорьтесь! — дунула ветром Монте-Роза. — В море нельзя было больше оставаться, вы же знаете. Я слышала, что Африка приближается к Европе. Наверное, поэтому меня так толкнуло, что пришлось выбраться на поверхность. Должно быть, и с вами так было?

Действительно, и с ними так было. И теперь горы медленно и тяжело, словно огромные баржи, двигались по морю на север.

— Мне кажется, я все еще по воде плыву, — ворчала Монте-Бьянко.

— А я нет,— смеялась Червино,— я уже вышла на берег.— Это была высокая, отвесная гора, хитрая и коварная. Она на лету хватала проплывающие мимо тучи и связывала себе ими лоб, как мальчишки, когда играют в индейцев.— А ну, посмотрим, кто поднимется выше!

Горы согласились посостязаться. Все они были хорошими скалолазами и быстро поднялись на высоту пять тысяч метров над уровнем моря. Поднялись и остановились, потому что только тут был чистый и прохладный воздух и они наконец-то смогли вдохнуть его, отчего голова сразу сделалась свежей и ясной. Между прочим, интересно было бы узнать, а что там в голове у этих гор — железо, медь, золото, серебро?

Прошло немало веков. Снежные лавины, стремительные реки и селевые потоки оставили на горах глубокие борозды, образовали у их подножий долины, высекали на склонах утесы, похожие на гигантские статуи. И они стали намного ниже, эти огромные горы. Ниже всех оказалась Червино, а выше всех — Монте-Бьянко. Только теперь уже горам не хотелось никуда идти. Они состарились, и сил у них заметно убавилось. Можно себе представить, какие же древние и беспомощные они теперь, спустя столько миллионов лет!

Вот почему горы и стоят так недвижно и лишь едва приоткрывают глаза, когда бушует буря.

САМАЯ КОРОТКАЯ СКАЗКА

Встретились однажды три сказочника, встретились и решили устроить состязание — кто расскажет самую короткую сказку.

Послушали первого сказочника и подсчитали слова в его сказке — их оказалось ровно сто. Послушали второго — слов было вдвое меньше — только пятьдесят.

А третий сказочник сидит и молчит.

— Очередь за тобой,— обратились к нему.— Что же ты молчишь?

— А я уже кончил свою сказку. Она называется «Молчание — золото».

И все согласились, что его сказка — самая короткая, и вручили ему премию. Вот только мне не удалось узнать, что это была за премия.

Дополнение к Телефонному справочнику

В телефонном справочнике, на мой взгляд, есть немало упущений. Недостает многих весьма полезных номеров, которые должны быть помещены рядом с телефонами пожарных, Скорой помощи и справочного бюро. Вот почему я немедленно перехожу к делу и высказываю свои предложения, как можно улучшить телефонную службу. По-моему, совершенно необходимо добавить в справочник вот такие новые телефонные номера.

000 000 001. Служба сказки. Эта служба очень нужна детям, которые не могут уснуть, пока кто-нибудь не расскажет им сказку. Очень полезна она и родителям, потому что они обычно очень мало знают сказок и уж совсем не умеют рассказывать их. А тут вы наберете номер, и ласковый голос поведаст вам сказку, а то и две.

000 000 002. Служба анекдотов. Кто не любит слушать анекдоты — веселые, забавные, а порой и поучительные истории. Но большинство людей тут же забывает их, а если и вспоминает потом, то почему-то никому уже не бывает смешно и конец, как правило, перепутан. Помимо того, трудно все время успевать следить за новыми анекдотами, когда у вас столько дел. Телефонная служба анекдотов была бы очень желательна.

000 000 003. Служба титулов и званий. Есть люди, которые очень убиваются из-за того, что им не удалось получить в свое время какое-нибудь почетное звание или титул, чтобы поставить его в визитной карточке рядом со своим именем и фамилией. Так вот, я думаю, что телефонная служба могла бы просто осчастливить таких людей. Когда им особенно грустно и тоскливо, они могли бы снять трубку и заботливый голос с почтением и подобо-

страстием приветствовал бы их, например, так: «Добрый вечер, уважаемый кавалер ордена лошадки-качалки, генерал вареных груш!» и так далее и так далее.

000 000 004. Служба подсказок. Это совершенно необходимая служба. У вас нет, к примеру, в кармане ни сольдо, и вы ума не приложите, как бы вам пообедать. Служба подсказок может посоветовать вам, как выйти из такого затруднительного положения, может назвать, к примеру, адрес траттории, где готовы накормить вас в кредит, ну и тому подобное.

Думаю, что ведущие телефонные компании с должным вниманием отнесутся к моим предложениям.

Однажды машины взбунтовались. Они отказались делать оружие. Хотите узнать, с чего все это началось? Поначалу взбунтовалась машина, которая производила трубы — тонкие, как мизинец, и толстые, как ствол от пушки — для водопровода.

Когда ей приказали выпускать пушки, машина как ни в чем не бывало продолжала выдавать трубы.

— Что же это! — возмущались генералы. — Мы ведь не можем стрелять из таких стволов!

— А так ли уж непременно надо стрелять? — хитро улыбаясь, спросила машина. Генералы, разумеется, не поняли ее слов. Им ведь понятен только язык пушек. Не заметили они и улыбку машины, потому что у нее нет лица и улыбалась она своими шестеренками.

Другая машина штамповала гвозди, и когда ей велели отливать пули, она так же спокойно продолжала выдавать гвозди, как будто и не слышала, что ей приказывают.

— Черт побери! — негодовали генералы. — Не можем ведь мы стрелять гвоздями! Неприятель подберет их и начнет чинить ими свои сапоги.

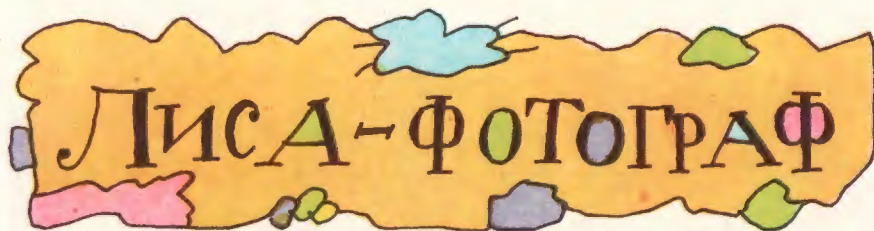
Третьей машине приказали выпускать порох и другие взрывчатые вещества. Но она притворилась, будто ничего не поняла, и по-прежнему, не торопясь, продолжала делать удобрения для полей.

— Для чего нам удобрения! — кипели от возмущения генералы. — Мы ведь не можем начинить ими бомбы! Вместо взрывов и разрушений в стане противника мы только поможем ему растить хороший урожай!

И тогда генералы решили наказать машины — оставили их без масла и без воды. Машины голодали. Они худели на глазах и покрывались ржавчиной. Но рабочие, чтобы спасти машины, стали ухаживать за ними еще лучше, чистили и смазывали каждую деталь. А когда генералам вздумалось повторить свои приказы, машины, как и прежде, опять стали выпускать трубы, гвозди и удобрения. Генералы выходили из себя от злости, что не могут начать войну, а люди были очень довольны. Проходя мимо фабрик, они улыбались, слушая, как машины поют:

Генералы, тук-тук-тук,
Не возьмешь нас на испуг!
Боевые сбросьте каски
И наденьте лучше маски
Для смешного маскарада.
Как все люди будут рады!

В один прекрасный день лиса вдруг обнаружила, что ее призвание — быть фотографом. Вы бы стали сниматься у этой хитрой кумушки? Я, честно говоря, нет. И объясню, почему.

Так вот, появилась однажды лиса с новым фотоаппаратом, треногой и с целой выставкой своих фотографий недалеко от большого курятника. Куры, находившиеся за металлической сеткой, чувствовали себя в безопасности и потому рискнули подойти к лисе поближе.

— Смотрите, какие великолепные фотографии! Это же просто произведения искусства! — принялась рекламировать себя лиса. — Вот это я снимала по просьбе петуха Зеленый Хвост, когда ему надо было послать фотографию невесте.

— Изумительно! — вздыхали восхищенные куры.

— А это я снимала семейство кроликов. Очень религиозная семья, они хотели, чтобы над головой у них были нимбы. Как видите, я выполнила их просьбу. Своим фотоаппаратом я могу снимать даже то, что не видно.

— Поразительно! — воскликнули куры.

Две особенно самовлюбленные молоденькие курочки решили сфотографироваться.

— Только мы хотим непременно с пуховым шлейфом! — заявили они.

— Конечно, конечно! К тому же я не беру денег за работу. Я ведь художница по призванию.

Курочки, придя в восторг, с кудяхтаньем выпорхнули из курятника и встали в позу. Лиса притворилась, будто смотрит в аппарат, накинула на голову черную накидку, выглянула из-под нее, переставила треногу поближе к курам, сделала вид, будто наводит на фокус, и попросила:

— Поближе, пожалуйста, и прошу вас — улыбайтесь! Смотрите вот на это дерево справа. Готовы? Не двигаться!

И, когда куры подошли еще ближе и замерли перед объективом, лиса щелк — и мигом съела их. Бедняжки! Лучше бы обошлись каким-нибудь рисунком, пусть даже набросанным углем.

В прошлом году оказался в наших краях передвижной цирк с очень интересной программой. Самый замечательный номер был такой: четыре слона поднимали на своих хоботах пятого, и тот, чтобы не оставаться без дела, сажал на хобот кота и подбрасывал его будто мяч.

Публике так понравилось это зрелище, что она без конца требовала:

— Пирамиду! Хотим пирамиду!

Тогда директор цирка снова выпускал слонов, и они повторяли свой номер.

А надо вам сказать, что кот, участвовавший в пирамиде, был очень тщеславный. Когда публика аплодировала, он, стоя на хоботе слона, раскланивался во все сто-

роны, громко мурлыкал от удовольствия, топорщил усы и задира л хвост. Словом, вовсю наслаждался успехом, а слонам снисходительно говорил:

— Эх вы! Не будь меня, вас бы освистали давно! Слышите, какие аплодисменты? Это все моя заслуга, жалкие твари! Вы должны в ноги мне поклониться!

Слоны слушали эти обидные слова, но молчали. А однажды кот вздумал обратиться к публике с речью.

— Дамы и господа,— заявил он,— вы уж извините этих ни на что не способных глупых слонов, которые не могут развлечь вас. По счастью, тут есть я...

Но не успел он закончить свою речь, как слон, который держал его на хоботе, слегка подбросил зазнайку и зашвырнул его в оркестровую ложу. Под оглушительный хохот публики кот влетел прямо в тромбон. А когда спектакль окончился, он так улепетнул из цирка, что даже забыл про полагавшееся ему вознаграждение.

Как-то раз один бродячий кот случайно оказался в обществе котов аристократов, собравшихся на одной из террас Рима с видом на Колизей. Тут были герцог Кошкательи, маркиза Сиамини, князь Ангоро, барон Мики-Мяуди Рокка Кошкини и многие другие знатные коты, все в роскошных одеяниях, с пышными бантами на шее, надушенные и причесанные так, что им позавидовали бы даже звезды кино.

При виде кота Бродяги все эти важные господа недовольно поморщились.

— Как дурно пахнет! — воскликнула маркиза Сиамини.— Простите, вы не могли бы опрыскать себя одеколоном?

— Скажите на милость,— обратился к Бродяге граф де Кошачис, поправляя монокль,— не могли бы вы напачкать себе усы! Неужели вы не понимаете, что в таком виде неудобно появляться в приличном обществе! Посмотрите, какие у вас когти! Вы давно делали маникюр?

Кот Бродяга почувствовал, что краснеет от стыда, но к счастью, никто не заметил этого, потому что у него была черная шкура. Как раз в этот момент на террасу выбежала серая остроносая мышка.

При виде страшного врага герцог Кошкателли, граф де Кошачис, баронесса Киса-из-Гладкошерстных и все прочие важные господа бросились врассыпную.

— Спасайся кто может! Помогите! Вызовите пожарных! Мы пропали! Началась революция!

А кот Бродяга одним прыжком настиг мышку и мигом проглотил ее. Сладко облизываясь, он растянулся на опустевшей террасе.

— Посмотрите-ка на этих богатеев! — усмехнулся он. — Так привыкли жить на всем готовом, что боятся даже крохотной мышки и бегут от нее, как от тигра. Тем лучше — теперь хозяином здесь буду я!

Наследство Большой Мыши

Старая Большая Мышь, чувствуя, что дни ее сочтены, позвала своих детей — Серую Мышку, Прямой Хвостик и Полу-уса.

— Дети, — вздохнула мать, поправляя грелку на животе, — я умираю и хочу поделить между вами свое добро. Тебе, Серая Мышка, я завещаю большой круг пармиджанского сыра, тот самый, что лежит в витрине лавки синьора Брамбилла. Тебе, Прямой Хвостик, — коробку с печеньем, которую забыла в передней синьора Тереза. А тебе, Полу-ус, мне совсем нечего оставить. Но у тебя есть хорошие коготочки и крепкие зубки, надеюсь, ты не пропадешь.

Сказав это, Большая Мышь вздохнула и отвернулась к стене, чтобы не видеть, как плачут ее дети.

Когда она умерла, мышки похоронили ее в подвале, забросав песком, в который зарывают бутылки с вином, чтобы оно со временем стало крепче. «Запах вина, — решили они, — ее подкрепит». Закончив погребение, мышки распрощались друг с другом и разбежались по своим делам.

Серая Мышка сразу же переселилась со своей семьей в большой круг пармиджанского сыра, доставшийся ей по наследству. Они дружно принялись рыть галереи, лестницы, залы и спальни.

Однако всем хорошо известно, как мыши любят сыр — каждый день исчезал довольно большой кусок. То Серая Мышка съедала на ужин камин, то ее супруг завтракал спальным гарнитуром... Словом, через неделю от пармиджанского сыра не осталось и следа, а кот, казалось, только и ждал этого момента. Так что история семьи Серой Мышки закончилась весьма печально.

Прямой Хвостик поспешил в коробку с печеньем и, забравшись туда, вскоре так растолстел, что не мог выбраться. Кот подцепил его лапкой и... приятного аппетита!

А Полу-ус не знал подобных затруднений — у него не оказалось богатства, чтобы трястись над ним. Но у него были крепкие зубки, чтобы грызть, что попадется. В трудах и заботах он набрался опыта и стал таким хитрым, что кот до сих пор не может его найти. И вы не говорите ему, пожалуйста, если знаете, где прячется Полу-ус!

Араб и верблюд

У одного арабского купца был верблюд, который перевозил ему товары с одного края пустыни в другой. А надо сказать, что в те стародавние времена животные еще умели говорить.

И вот однажды верблюд сказал купцу:

— Хозяин, я работал на тебя всю жизнь. Не считаешь ли ты, что я заслужил себе спокойную старость и уважение? Возьми на этот раз в дорогу другого верблюда, помоложе, а меня оставь в хлеве отдохнуть.

Купец рассмеялся ему прямо в лицо:

— И не подумаю! Будешь работать до тех пор, пока сможешь передвигать ноги. А остановишься — убью!

И они снова отправились в дальний путь. Шли, шли, и вдруг посреди пустыни их застигла песчаная буря. Верблюд лег в песок и сжался в комок, а купец укрылся

у него под боком. Они спасались так два дня и две ночи. Когда же песчаная буря улеглась, купец сказал:

— Вставай и скорее идем дальше! Иначе погибнем! Смотри, как палит солнце, а у нас кончилась вода.

— Вода есть еще в моем горбе,— успокоил его верблюд.— Разрежь его и пей.

Купец разрезал горб верблюда, выпил воду, и они продолжали путь. Но у верблюда уже почти не было сил, и он остановился.

— Ну, уж если ты не можешь идти,— сказал купец,— придется убить тебя.

Верблюд ничего не ответил. Он снова двинулся в путь и даже прибавил шагу, а потом пустился бегом, но сбился с тропы и привел хозяина в какой-то незнакомый оазис, где, как оказалось, жило жестокое племя. Люди этого племени забрали купца себе в рабство и посадили на цепь.

— Ты предал меня! — набросился купец на верблюда, гневно сжимая кулаки.

— Не жди любви, если сеешь зло! — ответил верблюд.— Я спас тебя от смерти, а ты грозил убить меня. Я хотел, чтобы ты стал моим братом, а ты хотел быть только моим хозяином. Теперь и ты узнаешь, что значит иметь хозяина.

И верблюд удалился в пустыню.

Арабы рассказывают эту историю, чтобы научить своих детей любить верблюдов не как животных, а как друзей.

Жил однажды мальчик, которого звали Джорджо. Он очень хотел стать художником. И как только кто-нибудь приходил к нему, он сразу же говорил:

— Посиди спокойно. Я нарисую твой портрет!

И действительно, он сразу же принимался рисовать кусочком угля. У него получались какие-то смешные каракули, а он с довольным видом спрашивал:

— Правда, похоже?

Сходства, разумеется, не было никакого, но надо иметь в виду, что Джорджо было всего четыре года. Когда ему исполнилось пять лет, он начал рисовать карандашом, а в шесть уже использовал для своих рисунков цветную пастель. Однако, если сказать правду, у Джорджо слишком мало было терпения. Не получался рисунок сразу, он бросал его и убегал играть. Словом, он мечтал стать художником, но потрудиться для этого не хотел.

Однажды, когда Джорджо рисовал на полянке только что распустившуюся маргаритку, к нему подошел какой-то странный Персонаж.

— Добрый день! — приветствовал он мальчика. — Я вижу, ты очень хорошо рисуешь.

— Да, я-то рисую очень хорошо, — подтвердил Джорджо, — а вот эти глупые пастели не желают делать то, что я хочу. Не слушаются меня! Сажают пятна, выводят какие-то каракули и ничего нельзя понять. Вместо маргаритки какие-то странные фигуры — не то ветряная мельница, не то велосипед!

Персонаж улыбнулся и сказал:

— Я подарю тебе послушную кисть — волшебную! И она сама будет рисовать все, что ты захочешь. Но при одном условии: ты каждый день должен один час отдавать уроку рисования. После урока кисть будет двигаться сама собой и нарисует все, как надо.

Сказав это, Персонаж вручил Джорджо небольшую кисть и ушел. Мальчик вернулся домой и решил сразу же испробовать кисть. Он остался очень доволен, когда убедился, что таинственный Персонаж сказал правду. Стоило мальчику сесть перед чистым листом бумаги и сказать: «Хочу нарисовать пейзаж с розовым облаком и зелеными пиниями», как кисть сразу же начинала двигаться по полотну, и не успевал Джорджо сосчитать и до десяти, как картина уже была готова.

Джорджо, однако, не забыл об условии Персонажа и каждый день целый час занимался рисованием.

Вскоре, благодаря волшебной кисти, он стал знаменитым художником, и все хотели получить портрет его работы. Картины Джорджо заполнили музеи, и посетители громко восхищались ими.

Однажды Джорджо устал заниматься рисунком и подумал: «Теперь я уже знаменитый художник, кисть прекрасно служит мне! К чему теперь утомительные и скучные занятия рисунком?»

И он перестал заниматься. В тот же вечер он захотел написать картину с бурным морем. Сел перед чистым полотном, взял кисть, а она и не думает двигаться. Джорджо так рассердился, что в сердцах отшвырнул кисть в сторону, но потом спохватился, хотел поднять ее, да только никак не мог найти — неизвестно, куда она подевалась.

Несчастный художник искал ее повсюду. Он обошел все лавки города, купил сотни новых кистей, но ни одна из них не хотела рисовать сама. И никому больше не нужны были его картины. Джорджо стал нищим.

И все же, несмотря на лень, Джорджо по-настоящему любил живопись, и в одно прекрасное утро он вновь с волнением взялся за кисть. Это было нелегко, потому что теперь ему нужно было рисовать самому. Чтобы написать только одну картину, ему пришлось потратить несколько месяцев, и люди смеялись над ним. Джорджо страдал от голода, но сумел все-таки создать прекрасную картину — в сто раз более прекрасную, чем те, которые писала прежде волшебная кисть. И тогда Джорджо понял, что и другие картины рождались не сами собой — кисть создавала их только потому, что он каждый день занимался рисунком. Он понял, что без труда не одолеваются сложности и не создается красота. В тот же вечер он нашел свою волшебную кисть, только она была ему теперь не нужна, потому что Джорджо стал настоящим художником. Он повесил кисть на стену и сохранял ее как драгоценный сувенир.

Я был однажды в его мастерской и видел ее — простая кисть за два сольдо, какие продаются в каждой лавке.

Человек, который приходит во сне

Когда я засыпаю, на мою подушку опускается крохотный-прекрохотный человечек и говорит мне:

— Смотри-ка, ты летишь, как на воздушном шаре, держась за зонтик!

И правда, я сразу же верю, что действительно лечу, держась за зонтик, среди теплых, влажных облаков и смот-

рю вниз, а там до самого горизонта сверкают реки и озера. Вдруг человечек шепчет мне:

— Спасайся! Видишь, разбойники!

И я в самом деле вижу разбойников. Их двое, они в масках... Нацеливают на меня свой тромбон... Мне очень страшно, я хочу убежать, но не могу пошевелить даже пальцем. А человечек забавляется, заставляя меня верить во все, что нашептывает:

— Смотри, сейчас у тебя на ладони вырастет роза!

Я смотрю на свою ладонь и вижу, что между указательным пальцем и средним и правда появляется роза...

Каждый раз, когда я ложусь спать, я говорю себе: «Ну, сегодня-то я не стану ему верить!» Но едва закрываю глаза, как человечек тут как тут:

— Смотри-ка, вон плывет кит!

И я — вот чудак! — вижу кита, плавающего в стакане с водой, что стоит на тумбочке возле кровати.

А с вами такое бывает?

Маленький поезд

Поезд, который отправляется из Пута в Пэт, называют маленьким, потому что он и в самом деле такой крохотный, что его можно сунуть в карман.

В этом поезде только один вагон, и все места в нем возле окон. Вагончик очень узенький, но для толстых синьоров в стенах сделаны углубления. Толстые синьоры входят в вагон, вставляют свои огромные животы в эти углубления и, очень довольные, сразу же засыпают. Интересно, почему это толстые люди всегда спят в поезде?

Иногда, осенью, когда поспевают фрукты, машинист Адальджизе останавливает поезд посреди дороги, залезает на дерево и обирает груши, а пассажиры смотрят на него из окон вагона и хитро подмигивают. А когда бывает туман и совсем ничего не видно, контролер объясняет детям, что нужно видеть. Он столько раз уже проезжал тут, что знает на память все вокруг.

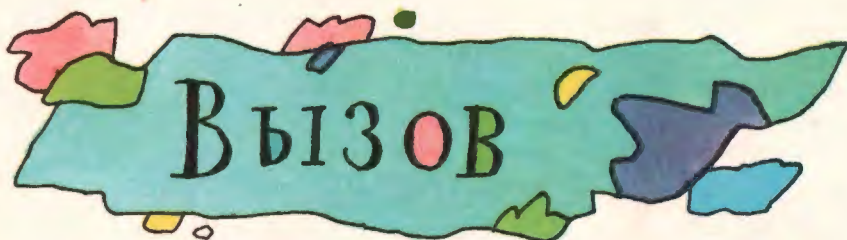
— Справа,— объясняет он,— кукурузное поле, слева белокурая девочка, которая машет красным платочком. Там же озеро.

Когда нужно выходить из поезда, толстые синьоры не всегда могут сразу вытащить свои животы из углублений в стене. Тогда контролер помогает им:

— Ну, еще немного поднажмите, синьор Луитпольдо!

Синьор Луитпольдо — самый толстый из всех пассажиров — обливается потом, пыхтит, но никак не может вытащить свой живот.

Тогда приходится машинисту идти на помощь. Но вот наконец синьор Луитпольдо спускается на платформу. Поезд поворачивают, и он стоит, ожидая, когда подойдет время отправляться обратно.

Мне было восемь лет, когда со мной приключилась история, о которой я и хочу рассказать. Тогда, как и сейчас, звали меня Джакомо, но, правда, только в школе.

— Рива Джакомо!

— Здесь!

А дома и во дворе все называли меня просто Мино — от ласкательного имени Джакомино.

— Мино, учи уроки!

— Мино, сбегай за молоком!

— Мино, выходи играть!

Это звал меня Риккардо, мой лучший друг. С Риккардо хорошо было дружить еще потому, что у него была старшая сестра, которая водила его в кино, в парк аттракционов, в зоосад. И мама всегда отпускала меня вместе с ними. Сестра Риккардо была очень разумной девочкой, и ей доверяли все мамы в нашем дворе. Звали ее Карла, косы она укладывала вокруг головы, но все это не имеет никакого отношения к рассказу, тем более, что Карла далеко не главное действующее лицо в нашей истории.

Однажды мы втроем отправились в зоопарк. Там-то Риккардо и бросил мне вызов.

— Спорим,— заявил он,— что у тебя не хватит смелости провести тут всю ночь!

Мы стояли как раз возле клетки с тигрицей, а Карла прошла немного вперед. Я взглянул на хищницу, которая мирно дремала, подвернув лапы, и почувствовал, что вызов Риккардо задел меня.

— Я? Это ты побоялся бы остаться тут на ночь. Ты боишься даже собак!

— Что? Что ты сказал? Боюсь собак?

И пошло, и пошло. Не стоит пересказывать наш спор, потому что он был долгим и бурным. Но прежде, чем Карла вернулась за нами и повела нас дальше, уже было принято твердое решение: мы докажем друг другу, что не боимся провести ночь возле клеток и для этого вместе спрячемся тут и пробудем, от зари до зари вместе с тиграми и черными пантерами.

Два дня спустя, прихватив кое-что перекусить, мы потихоньку вышли из дому и отправились в зоосад, чувствуя себя завоевателями. Бдительность сторожей обмануть было нетрудно — мы просто спрятались в кустах возле слоновника. Куда труднее было выйти оттуда, когда ночь скрыла от глаз все окружающее и мы остались, страшно испуганные, в жуткой темноте, в которой то и дело раздавалось то рычание хищников, то резкий свист какой-нибудь тропической птицы. Притаившись в кустах, мы почувствовали себя в безопасности, и все же походили, наверное, на маленьких дикарей, затерявшихся в непроходимых джунглях.

— Ну, ну, выходите! — раздался вдруг чей-то голос. — Я видел вас!

Риккардо схватил меня за руку и крепко сжал ее. Я ответил таким же пожатием, не произнося ни звука — не из осторожности, а потому, что у меня настолько перехватило дыхание, что я не способен был испустить даже вздох.

— Смелее, тут же никого нет! — продолжал голос. — Или хотите, чтобы я вытащил вас своим хоботом?

Хоботом?! Да кто же это говорит таким низким, добродушным, как у дедушки, голосом?

— Ну да, это я, слон. Люди зовут меня Джумбо. А вы разве не знали, что ночью животные в зоопарке разговаривают? Что же, теперь будете знать. У одного из вас в кармане лежит яблоко, если меня не подводит обоняние. Не могли бы вы поделиться со мной?

Яблоко я взял с собой вместо ужина и совсем забыл про него. Отодвинув ветку, я увидел хобот Джумбо, который протянулся из-за ограды и кружил над моей головой. Я достал яблоко, и слон очень аккуратно, как обычно, взял его из моих рук.

Тогда мы с Риккардо выбрались из нашего укрытия. Страх прошел, и мы чувствовали себя свободно.

— Молодцы,— похвалил Джумбо,— а теперь расскажите, что же вы тут делаете?

— Ну, мы...— заговорил Риккардо,— мы потерялись... Сестра оставила нас, чтобы... Одним словом, мы заблудились.

— Имейте в виду,— предупредил Джумбо,— что у лжи короткий хобот.

— У Пиноккьо, по правде говоря, было наоборот,— ответил я.— Когда он лгал, его нос удлинялся.

— Нос — это нос,— возразил слон,— а хобот — это хобот.

— Кстати,— громко сказал Риккардо,— любопытно, почему у слонов выросли хоботы?

— На этот вопрос могут ответить ученые,— сказал Джумбо,— но, к сожалению, по ночам они спят, а не бродят по зоопаркам, чтобы объяснять свои теории. А мне известна про это только одна история. Мне рассказал ее мой дедушка Сэм, когда я был маленьким. Хотите послушать?

— Конечно! — хором ответили мы.— И Джумбо рассказал нам историю про слона, который всюду совал свой нос.

СЛОН, КОТОРЫЙ ВСЮДУ СОВАЛ СВОЙ НОС

В те далекие времена, когда у слонов еще не было хобота, родился однажды слоненок, которого родители называли Палла, что значит мячик, но соседи очень быстро придумали ему прозвище — Фикканазо, что означает тот, кто всюду сует свой нос. Дело в том, что слоненок был очень любопытным, все на свете хотел знать и заводил разговор с первым встречным.

— Сынок, сынок, мой дорогой! — учила его мама, — не лезь в чужие дела! Думай только о своих, этого тоже вполне достаточно.

— Хорошо, мама, — отвечал Фикканазо. Но едва он выходил из дому, как сразу же забывал, что надо думать только о себе. Например, встречалась ему старая слониха, которая шла из леса с большой вязанкой дров на спине. И Фикканазо спешил ей навстречу:

— Бабушка, не слишком ли тяжела для вас эта вязанка?

— Тяжела, что и говорить!

— Хотите, помогу?

— Ну, что ж, помоги, внучок, только думаю, и тебе она будет не по силам.

— А мы понесем вместе!

Так и сделали. Подойдя к дому, встретили сына слонихи, бездельника, что целые дни проводит в остерии. Тот сердито закричал на мать:

— Чтобы принести эти две щепки, тебе понадобился помощник? Конечно, для того, чтобы потом про меня говорили, будто я не помогаю тебе!

Он накричал и на Фикканазо:

— А ты чего суешь свой нос в чужие дела? Когда научишься заниматься только своими?

В другой раз Фикканазо заметил, что крыша одной хижины вот-вот упадет, и предложил хозяину:

— Хотите, почию вам крышу?

Тот пнул его ногой и закричал:

— Не суй нос в чужие дела, несносный грубиян!

Фикканазо, конечно, огорчился и в очередной раз поклялся никогда больше не смотреть по сторонам и ни на что не обращать внимания. Но так уж получалось, что он почему-то всегда забывал про свое обещание, и когда снова осматривался кругом, видел, к примеру, щенка, который неосторожно перебежал дорогу, рискуя попасть под трамвай. Он бросался спасать его, отводил к маме, которая болтала неподалеку с приятельницами и... получал еще одну порцию бранных слов.

— Негодяй! Думай лучше о своих делах! Тоже еще, вздумал указывать мне, как я должна следить за моими детьми...

Но Фикканазо не отчаивался. У него было слишком большое сердце, чтобы он мог думать только о себе. И если слоненок видел, что кому-то трудно, всеми силами

старался помочь человеку. И случалось, люди благодарили его и говорили о нем только хорошее. А некоторые даже поступали точно так же, как он. А однажды утром, глядясь в ручеек, Фикканазо вдруг обнаружил, что нос у него очень вырос — превратился в хобот.

— Вот хорошо! — обрадовался он. — Это все равно, что у меня появилась еще одна рука, чтобы помогать людям!

Вот так Мячик по прозвищу Фикканазо оказался первым слоном, у которого был хобот вместо носа.

— Хорошая история, — одобрил я.

— А еще какую-нибудь сказку знаешь? — поинтересовался Риккардо.

Человек, олень и Медведь

— Знаю ли я еще какую-нибудь сказку? — переспросил Джумбо. — О, я знаю, по меньшей мере, миллион сказок!

— Паяц! — произнес вдруг чей-то глухой и хриплый голос. Мы с Риккардо в страхе обернулись.

— Не бойтесь, — успокоил нас Джумбо, — это гималайский медведь Нерон. Ему не нравятся мои сказки.

— Ты сам мне не нравишься еще больше! — огрызнулся Нерон. — Ты самый настоящий лизоблюд! Стоит тебе услышать запах человека, как ты сразу же начинаешь вилять хвостом, словно собачка при виде хозяина. Ты слишком быстро забыл все.

— А что он забыл? — спросил я Нерона, который со злобой старался согнуть прутья клетки.

— Он забыл о несправедливости человека! О том, что тот сделал животным сотни тысяч лет назад. Тогда люди украли у нас наши пещеры, чтобы устроить в них себе гнездо, и содрали с нас наши шкуры, чтобы сделать себе одежды.

— Но это же было так давно! — добродушно произнес Джумбо. — Стоит ли вспоминать теперь об этом?

— Это было так давно! — с иронией повторил Нерон. — Но если бы человек не обманул нас, то, возможно, сейчас

он сидел бы в клетке, а мы бы гуляли по этому парку. Почему ты не расскажешь им историю про то, как соревновались человек, олень и медведь? Весьма поучительная история!

— Вот и расскажи сам! — предложил Джумбо.

И Нерон рассказал.

— Когда человек, как и все животные, жил в лесах, питаясь червями, личинками и насекомыми, и не сделался еще властелином мира, встретились однажды на водопое у ручья человек, олень и медведь. Человек, разумеется, держался в стороне. Он опасался когтей медведя и рогов оленя, ведь у него самого не было ни когтей, ни рогов, даже никаких колючек на коже, чтобы защитить себя.

— Пей, пей, не бойся, — усмехнулся медведь, — мы пришли сюда напиться воды, а не обедать. К тому же человеческое мясо я не стал бы есть.

— Пей, пей! — снизошел олень. — Я уж как-нибудь в другой раз поохочусь за тобой.

Человек стерпел насмешки, напился, вытер рот рукой, а потом сказал своим забавным тонким голосом, который не напугает даже кролика:

— Олень так уверен, что бежит быстрее меня, но я на его месте был бы поосторожнее. И медведь убежден, что сильнее меня, но я на его месте поменьше бы болтал!

Олень и медведь рассмеялись.

— Это что, вызов? Хочешь наперегонки со мной побегать?

— Хочешь побороться со мной? Ну, так давай, выходи!

Человек молчал, что-то обдумывая.

— Ну так что, бежим? — спросил олень.

— Завтра утром! — ответил человек. — Приходите сюда завтра утром и померяемся силами.

На следующий день на рассвете олень и медведь отправились к месту встречи, не сомневаясь, что победят человека, потому что природа создала его слабым и немощным — несчастное существо, которое всех боялось в лесу. Но человек уже ждал их и выглядел совершенно спокойным.

— Кто первый? — спросил он.

— Я! — заявил олень. — Догони меня, если сумеешь!

И, смеясь, стрелой помчался в лес.

А человек сделал несколько шагов, наклонился, поднял что-то, лежавшее в кустах, и в его руках оказалось копьё. Человек метнул его. Раздался легкий свист, и, настигнутый

копьем, раненый олень упал в траву. Человек не торопясь подошел к нему и в знак победы поставил ногу ему на грудь. Потом вернулся к медведю, и тот со злобой проревел:

— Ты хитер, точно змея, и поступил подло, как гиена! А теперь посмотрим, на что способны твои хилые руки!

И зверь набросился на человека, не сомневаясь, что раздавит его. Но человек выхватил из-за пояса каменный нож, и спустя несколько мгновений медведь лежал без движения на земле. Вот так самое неповоротливое животное стало самым быстрым, самое хилое — самым сильным.

Нерон замолчал. Его история поразила меня, и я не находил слов, чтобы оправдать моего далекого предка. Но Риккардо быстро сообразил, что ответить:

— Друг медведь, — сказал он, — не думаешь ли ты, что мне станет стыдно за древнего человека? У него ведь было только одно единственное оружие — ум. Как бы он выжил среди вас, если бы не имел его?

— Правильно! — согласился Джумбо. — Это были очень жестокие времена для всех нас, живущих на земле. Род человеческий давно бы вымер, если б человек не использовал свой ум для приобретения силы, которую природа не дала ему. Это была неравная война, и мы ее проиграли. Не пора ли, наконец, помириться?

— Ни за что! — взревел Нерон. — Жить в мире с тем, кто нас всегда ненавидел?

— Ты преувеличиваешь, — усмехнулся Джумбо, — было время, когда человек даже поклонялся животным, как богам. Мне пришла на память одна история...

И Джумбо, не обращая внимания на протест Нерона, рассказал еще одну историю.

Персы и священные коты

Тысячи лет назад кошка была в Египте священным животным. Считалось, что в ней воплотилась богиня плодородия Баст, которая прежде имела облик львицы. Человек, убивший кошку, приговаривался к смертной казни. В честь кошек и, естественно, богини Баст устраи-

вались большие праздники, во время которых жители весело мяукали. По всему городу только и слышалось: «Миау! Миау! Миау!»

Да, да, миау — через «иа», потому что древние египтяне именно так передавали кошачьи звуки.

Однажды Камбиз, властитель Мидии и Персии, собрал огромную армию и пошел войной на Египет. Он прошел через Сирию, Финикию, преодолел пустыню и оказался перед войсками фараона Тутмоса, которые готовы были отважно защищать свою страну. Камбиз не знал, что предпринять, чтобы одолеть их сопротивление. Но однажды вечером в его походную палатку пришел неизвестный старик, закутанный в плащ, даже лица не видно было. Кто он? Шпион? Какой-нибудь египтянин, который ненавидел фараона? Неизвестно. Никто не знает также, что именно он сказал Камбизу. Зато все знают, что на следующее утро персидская армия получила приказ наловить как можно больше котов и кошек.

— Каждый солдат, — гласил этот приказ, — должен поймать хотя бы одного кота!

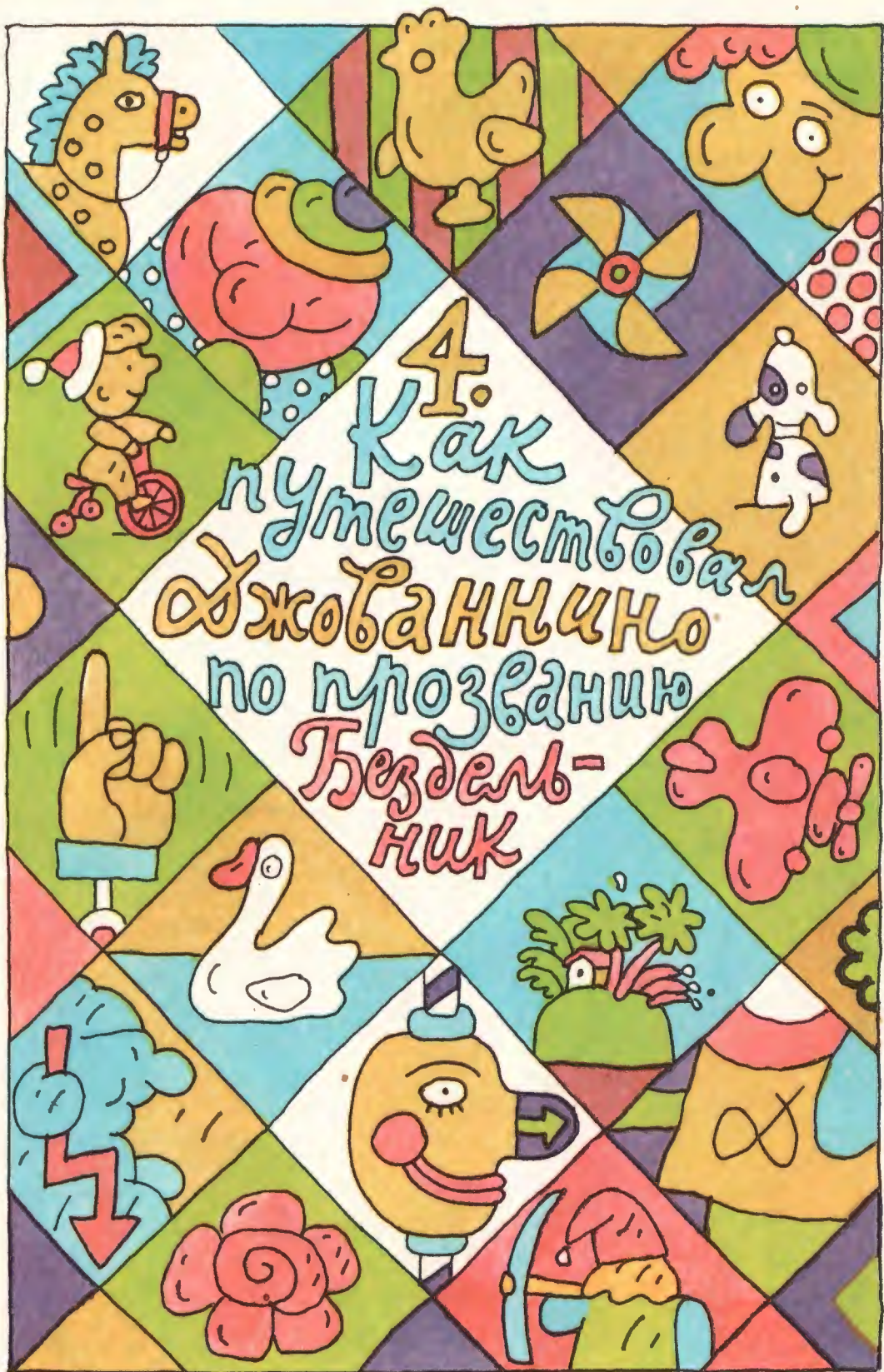
Солдаты решили, что их повелитель сошел с ума от огорчения, что никак не может одолеть египтян, но повиновались. Котов и кошек в Египте было видимо-невидимо, потому что никто не причинял им никакого вреда.

Когда охота на животных была окончена, у каждого воина сидела на руках кошка или кот, и солдаты забавлялись, поглаживая их и слушая, как они мурлычут. Камбиз дал приказ наступать, неся кошек перед собой, чтобы они были хорошо видны неприятелю. Египетские солдаты уже нацелили свои стрелы, готовясь встретить захватчиков так, как они того заслуживают, но внезапно застыли в ужасе: а что если стрелы попадут в кошек? Что подумает богиня Баст, если они убьют тысячи священных животных?

Персы наступали. Они были уже совсем близко, но из их рядов доносились не воинственные крики, а только «Миау! Миау!», и кровь леденела в жилах солдат фараона.

Короче говоря, египтяне отступили, но кошек убивать не стали. И Камбиз выиграл битву.

4.
Как
путешествовал
Ажобаннино
по прозвищу
Бездель-
ник

Сладкая страна

Наш Бездельник Джованнино
Как-то раз на вертолете
Залетел в страну, в которой
Только сладкое в почете.

Там текут, как в старой сказке,
В берегах кисельных речки,
И живут в домах-бисквитах
Сладкоежки-человечки.

Имена их нежно-сладки:
Крем-брюле, Эклер, Батончик...
А монарха величают
В Пудре Сахарной Сверхпончик!

Очень любят сладкоежки
Мед с халвою и вареньем.
Здесь всё сахарное — горы,
Города и поселенья.

Карамельки вместо листьев,
А земля, как манный пудинг.
Всюду сахар, сахар, сахар
И препризорные люди.

Подслащенную пьют воду
И сиропом запивают.
Рафинадом вместо соли
Макароны приправляют.

— И в селедку сыпят сахар? —
Удивился Джованнино. —
Ну, тогда до скорой встречи,
Жить в такой стране противно!

Люди из мыла

Непоседа Джованнино,
Путешествуя в карете,
Оказался в странном месте,
Где всё мыльное, поверьте!

Люди слеплены из мыла —
Моют руки беспрестанно,
Пахнут мылом и шампунем,
Будто только что из ванны.

Говорят они — и звуки
Мыльным роем вылетают,
И слова в сиянье солнца
Яркой радугой сверкают.

Если папа недоволен
Поведением сынишки,
Он пускает мыльный шарик,
И понятно всё мальчишке.

А учитель на уроке,
Озаренный вдохновеньем,
Наполняет класс шарами,
Объясняя упражнение.

В городах и поселениях,
По проселкам и проспектам
Всюду шарики летают,
Исчезая неприметно.

И от стольких слов прекрасных,
Мудрых, красочных, солидных,
Ничего не остается...
Разве это не обидно?

СтеклЯнный остров

Наш бродяга Джованнино,
По прозванью Бейбаклуши,
Как-то раз, катаясь в лодке,
Отдохнуть решил на суше.

Он попал на странный остров
Из прозрачного стекла:
Все сверкало там на солнце —
И деревья, и дома.

Как хрусталь, прозрачны люди,
Точно чистая вода;
Оттого чужие мысли
Там читают без труда.

Стоит приподнять лишь шляпу,—
Не нужны совсем слова,—
Вмиг узнает каждый встречный,
Как идут у вас дела.

Но проходят люди мимо,
Шляп они не поднимают —
Потому что неприятно,
Когда всё о вас узнают.

ЛЮДИ- ЛЬДИНКИ

Наш Бездельник Джованнино,
Разъезжая где придется,
Очутился в жутком месте,
Что Лёдландией зовется.

Круглый год там воют вьюги,
День и ночь метут метели...
Люди, превратившись в льдинки,
В холодильники засели.

Спят всё лето в морозилке,
Иней служит им подушкой,
А сугробы — одеялом.
Их разбудишь только пушкой.

Как проснутся, начинают
Нехотя играть в бирюльки.
На обед им предлагают
В снежном соусе сосульки.

Всё готовится из снега.
И на завтрак и на ужин,
Потому что людям-льдинкам
Рацион особый нужен.

Если кто-то по ошибке
Дверь чуть-чуть приоткрывает:

— Закрывайте! — слышен голос.—
А не то наш мозг растает.

Как-то, улучив минутку,
Любопытный Джованнино
Захотел спросить о Солнце:
Что о нем известно льдинкам?

— Солнце?! — вскрикнул человечек.—
Мы на солнце не бываем.
Стоит выскочить наружу,
И мы тотчас же растаем.

— Ну а есть ли у вас сердце?
Или вы о нем забыли?

— Сердце греет слишком жарко,
И его мы упразднили.

— Бессердечные людишки,
Не людишки, а ледышки.
Я немножко вас послушал
И уже отмерзли уши.

Бумажные Человечки

Беспокойный Джованнино
Полный, как всегда, отваги,
Раз попал в страну такую,
Где все люди из бумаги.

Люди в клеточку, в линейку —
Их родители — тетради.
Из картона чемпионы,
Здоровеннейшие дяди.

Были девушки-пушинки
Из бумаги папиросной:
Они в цирке выступали.
Говорят, что очень сносно!

Города росли, как в сказке,
Из тугих цветных открыток.

Каждый мог построить домик —
Быстро, дешево, сердито!

«Перенять немало можно
У бумажных человечков...
Только жаль, что из бумаги
Города, увы, не вечны!»

ОБЛАЧНАЯ ПЛАНЕТА

Неуемный Джованнино
В день дождливый и туманный
Приземлился в космолете
На планете очень странной.

Всё там облачно, всё серо,
Всё неверно и всё зыбко.
— Оказался в этом крае
Я, наверно, по ошибке...

Города тут из тумана,
Жители мрачнее тучи,
Мечут молнии и громы —
Как им только не наскучит?

В облаках-домах мелькают,
Словно призраки, мышата.
И охотятся за ними
Нереальные котята.

Облака-автомобили,
Как слепые в дымке бродят.
И бесплотные трамваи
Им дорогу переходят.

Не дождешься слов привета,
Сколько ни гляди в оконце.
«Полечу скорей подальше,
Где сияет вечно солнце!»

СТРАНА, ГДЕ НИКТО НЕ СПИТ

Наш Бездельник Джованнино,
Самый первый в мире соня,
Вдруг попал в страну без сна,
Очень может быть, спросонья.

Всю округу обошел,
От Болоньи до Саронно,
Нигде места не нашел,
Чтоб поспать в краю бессонном.

Люди сутками не спят,
Не прилягут на минуту:
Все снуют туда-сюда
По привычному маршруту.

Все работают, а если
Разрешат свободный час,
Они тотчас же садятся
За любимый контрабас.

Песен немало в народе живет,
Но колыбельной нигде не услышишь.
«Глазок своих никогда не смыкай...» —
Мама поют вечно бодрым малышам.

Джованнино решил: «Они молодцы
И, бесспорно, живут прекрасно.
Но я, извините, люблю подремать
И здесь оказался напрасно!»

РЕЗИНОВЫЕ ЛЮДИ

Непоседа Джованнино
Как-то раз, устав порядком,
Прискакал в забавный город
На игрушечной лошадке.

Там строенья из резины,
И резины уйма всюду.
Очень весело живет
Каучуковому люду!

Целый день они, как в цирке,
Скачут, прыгают, летают,
И смеются, и резвятся,
Никаких забот не знают.

Им нисколько не больно,
Если нос себе расквасят
Или радужная шишка
Лоб нечаянно украсит.

Из резины руки, ноги,
Голова, и грудь, и шея...
Постарался всё разведать
Наш герой, глазам не веря.

— Что у вас внутри, ребята?
— Пустота, как у игрушек.
— Что вы думаете, люди?
— А зачем? Не думать лучше.

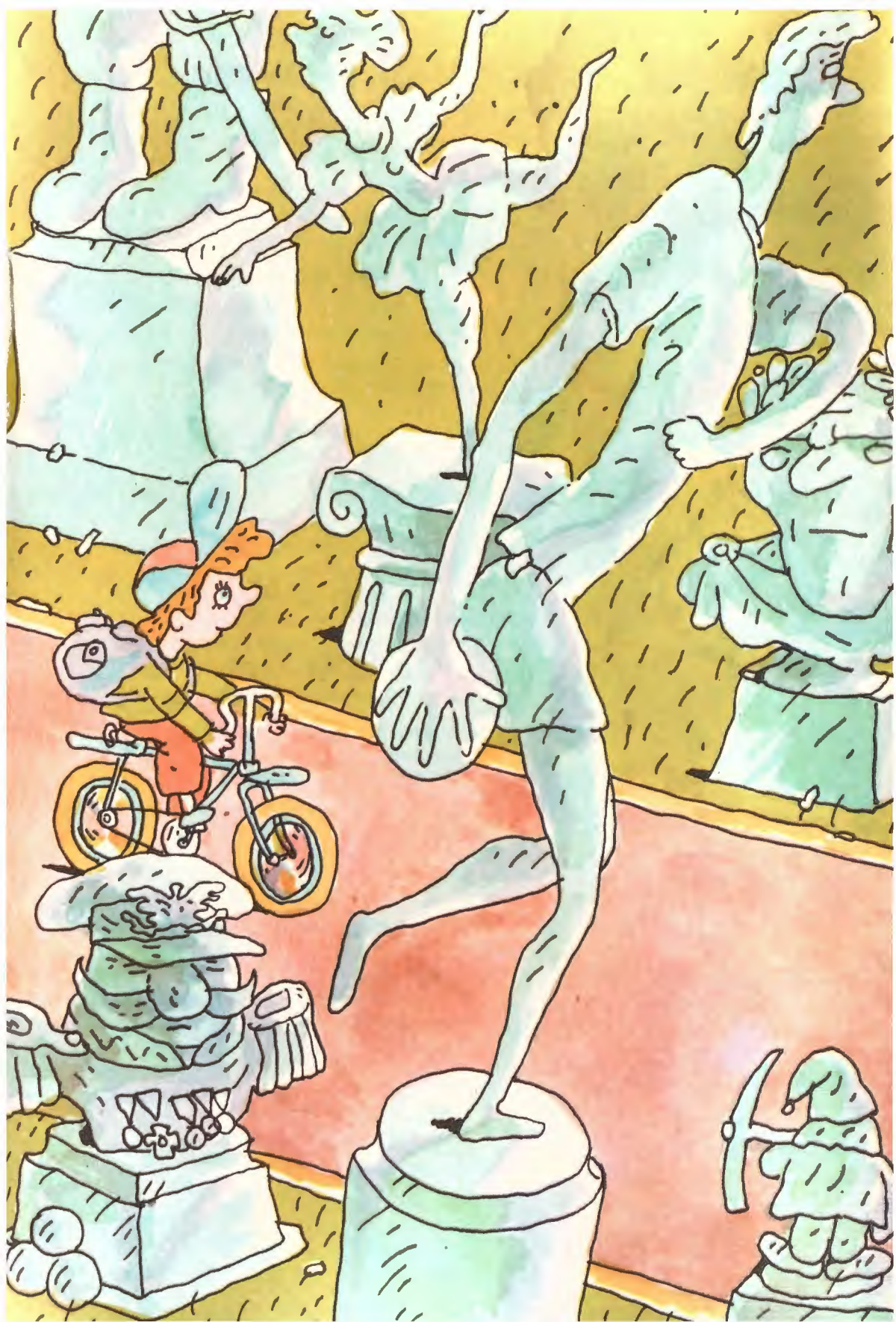
— Для чего же голова вам?
— Для того, чтоб красоваться...
«Нет, отсюда поскорее
Надо, братцы, убираться!»

КОНТИНЕНТ «САМЫХ-САМЫХ»

Любопытный Джованнино,
Разъезжая по планете,
Побывал в стране зазнаек
Где всё «самое» на свете.

Каждый житель в той округе
Слыл отменным чемпионом.
Мэр столицы был, к примеру,
Самым видным пустозвоном.

Были чудо-рекордсмены
В легком и тяжелом весе.
Жил такой чудак, который
Ровно ничего не весил.

Проживали богатеи,
Что богаче всех на свете.
Жили нищие бродяги,
Что беднее и не встретишь.

Были люди мягче воска
И титаны из гранита.
Были страшные обжоры
И совсем без аппетита

Жили карлики с наперсток
И сверхдлинные верзилы...
Только вот людей хороших
Там совсем не находили.

ТАБАЧНЫЕ ЛЮДИШКИ

Непоседа Джованнино
Неожиданно-нежданно
Оказался в дымном месте,
Где курили непрестанно.

Были скроены из листьев
Обитатели селенья
И без отдыха дымили
Чуть не с самого рожденья.

Жили люди-сигареты
В папиросных старых пачках.
Нос, служивший вечной трубкой,
Постоянно был испачкан.

А к обеду подавали
Щи из вьедливого дыма,
Плов из жареного пепла
И компот из никотина.

«Ну,— подумал Джованнино,—
Напустили столько дыма,
Геркулес и тот зачахнет,
А котлетами не пахнет...»

ПлАнета нытИков

Наш Бездельник Джованнино
На сверхновом самолете
Оказался на планете,
Где вы, к счастью, не живете.

Там под небом светлым, чистым —
Разбери-поди откуда? —
Слишком много обитает
Неуживчивого люда.

Среди пальм и кипарисов
Ходят, головы понуря:
Опасаются, что завтра
Налетит злодейка-буря.

Кормят в местном ресторане
И недорого, и вкусно.
А безрадостные люди
Головой качают грустно.

Говорят, дрожа от страха:
— Что нас ждет, никто не знает...
Ну и что ж, что так сегодня —
После солнца дождь бывает.

Если школьник «пять» получит,
Он скулит, слезу пускает:
Очень может быть, что скоро
Его «двойка» ожидает.

— Как же можно, в самом деле,
Без надежды жить на свете? —
Удивился Джованнино
И послал привет планете.

Люди-флюгеры

Хитроумный Джованнино
В запечатанном конверте
Прибыл в край, где надо было
Нос всегда держать по ветру.

Люди в той стране по виду
От людей не отличались:
В пиджаках, ботинках, шляпах —
Словом, всё как полагалось.

Но чуть только дунет ветер,
И совсем не ураганный,
Вместе с ним несутся толпы,
Как послушные бараны.

Против ветра — вот крамольник! —
Шел один лишь Джованнино.
На него смотрели косо:
«Это все не без причины...

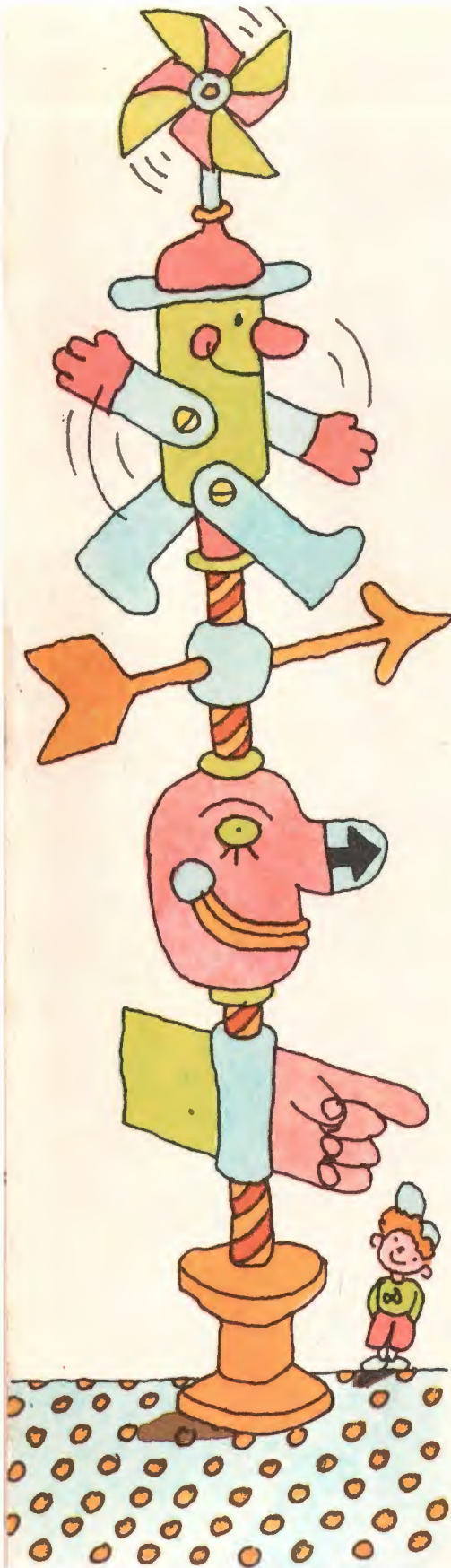
Надо всем идти по ветру,
Ну, а он — бунтарь, как видно!»

Людам-флюгерам такое
Видеть больно и обидно.

Планета-крошка

Джованнино-Бейбаклуши
Отдохнуть хотел немножко.
Прилетел он для забавы
На одну планету-крошку.

Все там было микро-мини —
Мини-горы, мини-речки...

В микро-домиках повсюду
Жили микро-человечки.

Обучались в микро-школах,
В микро-цирк ходили.
Покупали микро-книжки,
Микро-соки пили.

В чем тут кроется причина?
Радиация повинна?
Нет, на маленькой планете
Обитали только дети.

Каждый день в саду гуляли,
В прятки, в салочки играли,
Развлекались, забавлялись
И... стать взрослыми боялись!

— Ведь у взрослых нет игрушек,
Мрачные гнетут их мысли...
Быть детьми гораздо лучше,
Повзрослев, мы тут же скиснем!..

Осмотрелся Джованнино:
— Ой, какие ж вы трусишки!
Слишком мало тут простора,
До свиданья, ребяташки!

ШОКОЛАДНАЯ ПЛАНЕТА

Непутевый Джованнино
В скором поезде из Нардо
Оказался ненароком
На планете шоколадной.

Шоколад лежит повсюду,
Точно негры, чёрны люди.
А цветы на клумбе в парке,
Будто ассорти на блюде.

Альпинисты с рюкзаками
Поднимаются на горы,

Не доходят до вершины —
Она съедена, синьоры!

В школе всё из шоколада:
Доски, ручки, книжки, парты...
Хочешь — парту съешь сегодня,
Хочешь — отложи на завтра.

Словом, говоря короче,
На диковинной планете
Даже горькая горчица
Слаще всех конфет на свете.

Джованнино жил, как в сказке,
И нисколько не был жадным.
Но спустя примерно месяц,
Стал почти что шоколадным.

— Нет, шалишь, — сказал Бездельник, —
Надо удирать отсюда,
А не то сам превратишься
В шоколадного верблюда.

Остров Ни

Неумейка Джованнино
На сверхмощном теплоходе
Обнаружил новый остров,
Проведя сто дней в походе.

Там в безбрежном океане
Дикари-туземцы жили
И на разные вопросы
Только «ни» и говорили.

Спросишь их: — Хотите рыбы?
— Ни, — они ответят кратко.
— Ну а мяса? — Ни, синьоры.
«Жить в такой стране не сладко».

— Что за мямли эти люди! —
Сокрушался Джованнино. —
И ни рыба, и ни мясо:
«Да и нет» для них едино.

Спросишь их: — Хотите мира?
— Ни-ни-ни! — они ответят.
— А войны? — Ни-ни, синьор мой.
«Нет, друзья, мне здесь не светит».

— Ну а жизнью вы довольны?
Да иль нет? Скажите честно!
— Ни... — промямлили смущенно.
«До чего же это пресно».

— Эти немощные люди
Опротивят очень скоро...
Больше я сюда, на остров,
Ни-ни-ни! Привет, синьоры!

Заводные человечки

Знаменитый Джованнино,
Путешественник беспечный,
Приглашен был как-то в гости
В край железных человечков.

Вместо ног у них колеса
И сирены вместо носа,
Чтоб разини-пешеходы
Соблюдали переходы.

А в груди на месте сердца
Был моторчик заводной,
Каждый час им приходилось
Ключ подвинчивать тугой.

Заведенные ребята
Сутки целые носились,
Не роптали, не сердились
И без отдыха трудились.

«Нет, — решил тогда Бездельник, —
Каждый день тут понедельник,
Не дожدهшься воскресенья,
Всем привет, мое почтенье!»

Пустые головы

Наш Бездельник Джованнино,
Побродив по разным странам,
Как-то летом оказался
В поселенье очень странном.

Жили люди в этом крае
С головами, как пушинки,
Что от слабенького ветра
Разлетались, как снежинки.

Чтобы закрепить на шее
Эти головы-пустышки.
Надо класть под шляпы камни
Иль тяжелые ледышки.

Все же люди очень часто
Безголовыми ходили,
А их головы обычно
На деревьях находили.

Всюду головы порхали —
Ни единой в них мыслишки...
— Нет, — промолвил Джованнино, —
Для меня уж это слишком...

Страна, где никто не ошибается

Наш Бездельник Джованнино,
Путешествуя в вагоне,
Оказался, словно в сказке,
На далеком перегоне.

Город чистый и красивый,
А дома — как на картинках!
Перекрестки украшают
Розы в мраморных корзинках.

И строения, и люди
Идеальны, бесподобны!
Всё сработано на совесть,
Всё на месте, всё удобно!

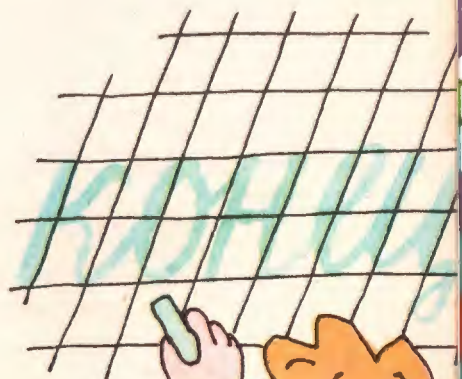
Продаются книжки-сказки...
И, хочу отметить это,
Ни одной, ну, ни единой
Безответственной газеты!

В школах — только медалисты,
Справедливы педагоги.
Учат радостным наукам,
В меру мудры, в меру строги.

Всюду дружеские лица
И счастливые улыбки.
И нигде не обнаружить
Ни малюсенькой ошибки!

Точно мак, расцвел Бездельник,
Что за чудо, в самом деле!
И, запрыгав, оказался
В своей собственной постели.

Значит, всё ему приснилось?
Впрочем, может быть... Кто знает...
Если крепко веришь, в жизни
Небывалое бывает!

Содержание

327 Сорок. разг. : - ; - ;
464 - не релать

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ

Терезина-которая-не-растет	7
Жареная Кукуруза	12
Принц Дуралей	20
Принцесса Веселина	25
Волшебник Гару	32
Королевская гитара	37
Говорящая статуя	43
Пудовичок и Пушкинка	49
Солдатская гармошка	56
Зеркальное отражение	63
Пастух и фонтан	69
Пуговкин домик	72

КАКИЕ БЫВАЮТ ОШИБКИ

Между нами, взрослыми, говоря	81
Помогите!	82
Быть и иметь	82
Дорожное происшествие	84
Самый большой молодец на свете	84
Спелое небо	85
Оратор	86
Грамматикус и бомба	86
Реформа грамматики	87
Загородная прогулка	87
Как убежал Твердый Знак	88
Голос совИсти	91
Дик Быстроне	91
Экстренное сообщение	92
Великий изобретатель	93
Виновато ударение	94
Машина, которая уничтожала ошибки	95
Учитель Многоточие	98
Италия с маленькой буквы	98
Падающая башня	100
Из поезда	101

Последний день учебного

года	102
Как путешествовал кузнецик	106
Два верблюда	107
Путешествие в Малинию	108
Птицы	109
Рыбы	110
Две республики	110
Мальчик и стол	112
Веселое оружие	112
Неверное эхо	113
Закройте скобку!	114
Цепь	114
Дети и куклы	114
Кто командует?	115
Послушный Тонино	116
Старые пословицы	117
Трагедия одной запятой	118
Два мечтателя	119
Несчастный или несчастные?	122
Последний дрозд	122
Жалоба глаза	123
Моя корова	123
Когда осел полетит	124
Огромная муха и крохотный бегемот	126
Как лису хоронили	127
Точка	129
Бухгалтер и бора	129
Памятник	132
Титулы	133
Песенка наоборот	134
Встреча с волшебниками	135
Гвидоберто и этруски	137
Вопросительный Знак	141
Пигмалион	142
Для кого прядут три старушки	144
Трактат о Бефане	150
Страна Без Ошибок	156

ПЕСТРЫЕ СКАЗКИ

Синьор Боемондо	159
Дождевичок	160
Билет № 13	161
Усы синьора Эджисто	163
Колокольчик для воров	165
Пиковый валет	166
Дерево, на котором растут туфли	167
Говорящий портфель	168
Крыша-путешественница	171
Машинка для пригото- вления уроков	172
Письмо одного паука хо- зяину дома	173
Медвежий танец	175
Говорящий кот	176
Как развлекаются в джун- глях	177
О чем вспоминает Луна	178
Молния	180
География на каникулах	181
Горы-путешественницы	183
Самая короткая сказка	185
Дополнение к телефон- ному справочнику	186
Бунт машин	187
Лиса-фотограф	189
Слон-эквилибрист	190
Кот Бродяга	191
Наследство Большой Мы- ши	193
Араб и верблюд	194

Волшебная кисть	195
Человек, который прихо- дит во сне	197
Маленький поезд	199
Вызов	200
Слон, который всюду совал свой нос	202
Человек, олень и медведь	205
Персы и священные коты	207

КАК ПУТЕШЕСТВОВАЛ ДЖО- ВАННИНО ПО ПРОЗВАНИЮ БЕЗДЕЛЬНИК

Сладкая страна	211
Люди из мыла	211
Стеклянный остров	212
Люди-льдинки	213
Бумажные человечки	215
Облачная планета	216
Страна, где никто не спит	217
Резиновые люди	217
Континент «самых-самых»	218
Табачные людишки	220
Планета нытиков	221
Люди-флюгера	222
Планета-крошка	222
Шоколадная планета	223
Остров Ни	225
Заводные человечки	226
Пустые головы	227
Страна, где никто не оши- бается	227

Издания для детей и юношества

Джанни Родари

ПЕСТРЫЕ СКАЗКИ

Для младшего школьного возраста

Переводчики

Константинова Ирина Георгиевна
и Тарасов Лев Михайлович

Редактор А. Ю. Минина
Художественный редактор Е. А. Агафонова
Технический редактор С. М. Паль
Корректор В. Н. Григорьева

ИБ № 2106

Сдано в набор 01.02.91. Подписано в печать 06.11.91. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Балтика. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,85. Усл. кр.-отт. 77,35. Уч.-изд. л. 17,42. Доп. тир. 85 000 экз. Зак. 334. Изд. № 15. Издательство «Карелия». 185610. Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 1. Арендное предприятие Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина. 185630, Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Родари Джанни

Р60 Пестрые сказки: Стихи и сказки. / Пер. с ит. И. Г. Константиновой и Л. М. Тарасова.— Петрозаводск: Карелия, 1991.— 231 с., ил.

5-7545-0271-0

Дети всего мира любят и с удовольствием читают стихи и сказки известного итальянского писателя Джанни Родари. Написанные в легкой, неприужденной манере, они несут в себе глубокий гражданский смысл.

В данный сборник вошли не только произведения, публиковавшиеся ранее, но и переведенные впервые.

Р 4804010500—072
M127(03)—91 60—91

84.4.Ит.

